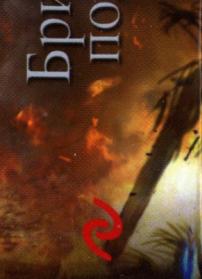

КОНТРОЛЕР ЮРИЙ
НИКИТИН

ЮРИЙ
НИКИТИН
Бригантины
поднимают паруса

Бригантины
поднимают
паруса

КОНТРОЛЕР

—ЮРИЙ
НИКИТИН

ЮРИЙ
НИКИТИН
КОНТР•ЛЕР

Книга пятая

Бригантины
поднимают
паруса

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н62

Разработка серийного оформления
художника *E. Савченко*

В оформлении переплета использована работа
художника *M. Петрова*

Дизайн переплета *A. Саукова*

Никитин, Юрий Александрович.

Н62 Контролер. Книга пятая. Бригантины поднимают паруса / Юрий Никитин. – Москва : Издательство «Э», 2017. – 416 с. – (Контролер. Фантастика Юрия Никитина).

ISBN 978-5-699-90263-7

Мир все ближе к катастрофе, однако о ней знают только единицы. Владимир Лавронов старается объединить усилия разведок ведущих стран мира, чтобы предотвратить угрозу, но сам делает ставку только на российское ГРУ МИС, военную разведку Пентагона и Мосад.

А сам начинает свою игру, о которой пока никто не догадывается...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-90263-7

© Никитин Ю. А., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство •Э•», 2017

Часть I

Глава 1

Вдали от ленты идеально ровного шоссе проплывает зеленое поле, огороженное декоративным забором. Я засмотрелся на прекраснейших коней снежно-белого цвета с роскошными гривами и хвостами, довольные и счастливые пасутся и весело взбрыкивают в пышной зеленой траве.

В громадном загоне их только двое, полные хозяева. Наш автомобиль проводили взглядами абсолютных и безраздельных владельцев этих полей.

На той стороне зеленого пространства скромный особняк за пять-семь миллионов долларов. Некий аналог садового или охотничьего домика, куда хозяин наведывается изредка после утомительных раутов и вечеринок..

Эсфирь проследила за моим взглядом.

– Красавцы. В твоем будущем останутся?
– Тебе честно, – уточнил я, – или политкорректно?

– Разведчикам важна точность, – ответила она сердито. – А политкорректность засунь себе... или политикам сам знаешь куда.

– Какая ты неполиткорректная, – упрекнул я с удовольствием. – Эти избушки-развалюшки ин-

тересны разве что для любителей, которым бы жить в пещерах без нынешней угнетающей их нежные души техники. Даже не представляешь, насколько мир будет интереснее и красивее нынешнего убожества, что сейчас кажется даже умным людям вершиной хай-тека и просто ах-ах!.. совершенством.

Она вздохнула.

– Не верю. Такую красоту в прошлом кто оставит?

– А где сейчас, – поинтересовался я, – романтичные ямщики, трубочисты Ганса Христиана, котобейники и прочие-прочие?.. Ямщики, правда, пересели за руль автомобилей, но уже и шоферы вот-вот исчезнут под натиском самоуправляемых автомобилей, которыми наконец-то оправдают свое название. Не скули, сама же сказала, нет таких, кто предпочел бы жить в том старом мире! Тогда только от простейшего туберкулеза умирали десятки миллионов человек в год.

Она покачала головой.

– Это тогда. А сейчас посмотри по сторонам, мебель ты бесчувственная!.. Посмотри, какой мир!

Я не стал крутить головой, и так все вижу, ответил мирно, с женщиной опасно спорить:

– Как во времена Гарун аль-Рашида. Та же сказочная роскошь, беспечность, радущие...

– Только вот нравы, – сказала она с объективностью девочки из консервативной семьи.

– Раскованнее?

Она посмотрела с удивлением.

– Ты что? Это как смотреть старые фотографии Ирана: все выглядит по-европейски, девушки с открытыми лицами, в макияже и в коротких юбках...

а сейчас средневековье, женщины даже не в хиджабах, а в никабах, а то и в парандже!

– Но в Дубае сплошной праздник, – заметил я. – Даже при этом средневековье.

Ее глаза слегка расширились.

– Похоже, не знаешь, что здесь всего пятнадцать из ста местные, а все остальные – понаехавшие?.. Восемьдесят пять процентов населения без права гражданства!.. И соответствующих льгот.

Я двинул плечами.

– В обслуживающий персонал берут только мусульман из более бедного Йемена, Пакистана и прочих исламских стран, так что со стороны и не видно, если на виду только понаехавшие.

Мы въехали в предместье столицы Эмиратов. Автомобиль свернул на тихую уличку, некоторое время двигался вдоль ряда ухоженных домиков, затем Эсфирь направила его на небольшую стоянку перед аккуратным двухэтажным домиком из белого кирпича, но с красной черепичной крышей.

– Неплохо устроилась, – заметил я. – Домик как из мультика про Рапунцель.

Она покинула автомобиль, во взгляде мелькнуло недоверие.

– А разве твоя Рапунцель жила не на дереве?

– Если классику изучать по детским мультикам, – ответил я, – а не по классическим операм.

– Ого, – сказала она, – где-то в детстве афишу видел? Ну и память у тебя!

Я пояснил с достоинством:

– У меня в самом деле родители со старыми устоями... Ах да, у вас это значит, что ничего, кроме Торы, не читают...

Не отвечая, она с достоинством направилась к домику, но шаги замедлила, давая возможность программе успеть сканировать ее лицо и фигуру и тщательно сличить с заложенным в память образом.

— Надо проц мощнее, — сказал я сварливо ей в спину, — уже есть даже в свободной продаже. И проги нужно ставить на самоапдейт...

Она не ответила, а когда взялась за дверную ручку, там пискнуло, сверху приглашающе вспыхнул и тут же погас зеленый огонек.

За дверью распахнулась широкая и очень типовая прихожая, что и понятно, если заглянет местная полиция, должны видеть, что и здесь «как у всех», памяти не за что потом зацепиться и все быстро сотрется из воспоминаний.

Справа большая роскошная гостиная, в Дубае даже у бедных гостиные комнаты большие и хорошо оборудованные, это уважение к гостю, слева кухня, столовая и малая гостиная, а наверх ведет лестница уже в личные покой, куда гости ни за что не поднимутся, это осталось со временем, когда существовали женские половины для гарема.

Она кивком послала меня наверх, словно хозяин новую наложницу в свою спальню, я горестно вздохнул, но потащился на второй этаж, переступая через ступеньку.

— Хороший домик, — заметил я. — Сколько отдала?

— Аренда, — сообщила она.

— Сколько в месяц?

— Не знаю, — ответила она с полнейшим равнодушием. — Наша строительная фирма арендует. Это

чтоб разные сотрудники могли приезжать и останавливаться, не бронируя номера в дорогих отелях. У нас деньги берегут, мы не русские, которые потому и нищие при всех своих природных богатствах.

Я спросил коварно:

– Эмир Мухаммад позволяет израильтянам что-то строить в своем королевском эмирате?

Она взглянула с холодным высокомерием.

– Я работаю в германской строительной фирме.

– Прости, Эсфири, – сказал я примирительно, – Эсфири Ройтблат... Хотя фамилия у тебя немецкая. Имя, кстати, тоже почти немецкое. На немецком ты Блюм.

– Звучит отвратительно.

– Но тебе идет, – ответил и торопливо добавил: – Вообще тебе все идет. Даже когда на тебе ничего лишнего.

Она покосилась в мою сторону с подозрением:

– Звучит как-то двусмысленно... Вообще-то для арабов мы все франки. Которые однажды остановили натиск их армии ислама в Европу почти под Парижем. Располагайся, можешь сделать кофе... а я сейчас вернусь.

Я проводил ее взглядом, уже подключился к внутренней сети и вижу маленькую комнату, которая вроде бы не существует в доме, так как защищена от любого подслушивания, оттуда свяжется со своими и получит инструкции, а я, понятно, за это время приготовлю кофе.

Для этого не нужно даже спускаться на первый этаж, вон на столе небольшой портативный аппарат на две чашки, моментально размелет зерна,

приготовит и разольет по чашкам, а еще и пискнет «Готово!»

Когда она вышла, освеженная и поправляющая волосы, якобы все это время провела в душевой комнате, хотя в самом деле заскочила туда на минутку, я уже поставил на стол две чашки горячего парующего кофе и раскладывал на широкой плоской тарелке печенье.

— Ого, — сказала она и села напротив, — и печенье отыскал... Тебя в разведчики взяли не из домашников?.. Ой, и кофе латте.

Я сказал скромно:

— Мне показалось, что это тебе подходит больше. Что-то в тебе эдакое латтетное...

В ее взгляде промелькнуло удивление.

— Почему латте?

— Тебе идет, — объяснил я. — По твоему психологическому характеру подходит именно латте и в меньшей степени капучино.

Она указала взглядом на мою чашку:

— А себе эспрессо?

— Ну да, — ответил я и сделал большой глоток, выказывая, что мне начхать на древние правила этикета, — потому что я экспрессионист временами. Могу экспрессивные картины рисовать, но не стану.

— Почему?

— А на фига? — спросил я.

— Ну... это же высокое искусство.

Я сделал еще глоток, закрыл глаза от удовольствия.

— Хрень. Все хрень.

— Грубый ты, — сказала она с отвращением. — И невежественный.

— Лет через сорок-пятьдесят, — пояснил я, — не будет никакого искусства.

— Будет, — возразила она с вызовом.

Я взял печенье, переспросил:

— В новом мире?

Она сказала резко:

— А что будет?

— Вместо извозчиков появились самобеглые коляски, — сказал я. — Это еще могли предположить. Но вот Интернет никто и представить себе не мог... Прекрасное печенье, люблю восточные лакомства!.. А новый мир будет в миллион раз непохоже... Да что там миллион! Вообще будет другим. Будь у тебя сейчас диапазон зрения пошире... ну-ну, не обижайся, я говорю о шкале инфракрасного до ультрафиолета, включая рентгеновское и прочие возможности видеть в гамма-лучах и всех прочих... так вот, ты бы видела эти картины... гм... иначе. Как нечто крайне примитивное и не использующее возможности. Что-то вроде детских каракуль, только хуже и глупее.

Она хмуро смотрела, как я жру восточные сладости и запиваю и без того сладким кофе, что крайне неинтеллигентно, но трансчеловеку насрать на то, что считается интеллигентностью в уходящем в прошлое веке, у трансчеловеков собственная гордость, на буржуев смотрим свысока.

— Ладно, — сказала она с вызовом, — если ты такой продвинутый, то как отбить эти заряды?

Я допил кофе, с сожалением посмотрел на кофейный агрегат.

— Отбить, это в каком смысле?

— Прямо.

– Понял-понял... Если заказать ему вторую, пегорит от усердия?

– Нет, – буркнула она.

– Тогда от жадности?

Она повернулась, коротко взмахнула рукой наискось и по горизонтали, словно режет кому-то горло. Аппарат недовольно загрохотал, с треском перемалывая зерна, а я подумал, что кофе она пьет сама часто, судя по жесту: обычно самые простые присваиваем наиболее частым командам.

Я сам поднял и взял чашку, но огонек мигнул, предупреждая, что сейчас хлынет еще струя.

Эсфирь молча ждала, когда я наполню и поставлю обе чашки на стол, взяла свою и взглянула в упор.

– Так как?

Я сказал задумчиво:

– А если попробовать другой путь...

– Ну-ну? – сказала она в нетерпении. – Что-то ты какой-то заторможенный. Или еще не отмерз после своей Тугусии?

– Когда смотрю на тебя, – пояснил я, – такую злую и кровожадную, так хочется проявить себя в чем-то гуманитарном... Например, обойтись без стрельбы простым жульничеством.

Она посмотрела исподлобья.

– А сумеешь?

Я спросил обиженно:

– Думаешь, жульничать умеют только евреи?..

А вдруг я родом с Украины?.. Ага, вздрогнула. То-то.

– Говори, – сказала она в нетерпении. – Ты многословный, как итальянец.

– Если прийти к Хиггинсу, – сказал я, – и сообщить ему, нам, дескать, известно, что с Украины

вам продали ядерные заряды. Конечно, наши информаторы поступили непорядочно, поделившись такими сведениями, но за пару сот долларов некоторые и мать родную продадут, а что уж говорить, если речь о миллионе за такую информацию?

Она поморщилась.

– Вот так все просто?

– Иногда простота, – сказал я скромно, – лучше заумности. Ладно, отвергая мою святую простоту, предложи хитрый еврейский вариант.

Она старательно подумала, у женщин это заметно, это у нас никак не выражается, потому что все время о чем-то да думаем, пусть даже о бабах, а вот когда задумывается женщина – это всегда зрелище, пусть даже и не такое умилительное, как когда о чем-то размышляет такое забавное существо, как, к примеру, Катенька.

– А если зайти с другого конца? – поинтересовалась она.

– Это по-еврейски, – одобрил я. – С какого?

– Отыскать шейха Хашима, – предложила она. – Покупающего эти заряды.

– И что ему скажем? – спросил я. – Посоветуем стать демократом?.. Ни один мужчина не согласится!

– Почему?

Я ответил по-еврейски вопросом на вопрос:

– А ты знаешь, какой у него гарем?

Она сказала язвительно:

– А при хорошем гареме ни один мужчина не пойдет в демократию?

– Конечно.

– Ни при каких условиях?

Я двинул плечами.

— А какие могут быть условия предпочтительнее? Миллионы, миллиарды долларов? Так их добывают, чтобы покупать женщин. Какой мужчина согласится на обратный обмен?

— Разве что станет импотентом, — предположила она задумчиво.

— А кто в этом признается? — спросил я. — Нет уж, все равно будет держать гарем. Разве что чуть сократит... Хотя, конечно, зерно в твоем чисто женском неприличном предположении есть. Шейх живет в старых координатах. Попробуй ему объяснить, что если распустит гарем и примет демократические ценности, то все женщины мира будут почти что в его гареме, а еще вполне легально можно в жены брать ишаков, коз, малолеток, в том числе самцов, а также все-все, что может измыслить свободное демократическое мышление.

Она поморщилась.

— Как вы, мужчины, в первую очередь понимаете демократию!

— Потому что мы по своей природе демократичны, — объяснил я. — Слыхала о такой науке, как антропология?

— Это ловля бабочек?

— Нет, — сказал я, — ловля бабочек — это энтомология. Значит, шейх Хашим... Надо посмотреть...

Она ожила, но взгляд бросила на меня крайне удивленный.

— Едем к нему?

— Погоди, — сказал я, — сперва поищем его по планете... Ну, не в буквальном смысле.

— Именно так и думала, — заявила она сердито. — На меня непохоже. Ты же у нас думатель!

— Именно, — согласился я солидно. — Стратег!.. А не жаба ходячая.

— А в каком смысле?

— Сперва поищем по Дубаю, — объяснил я, — и его окрестностям.

Она посмотрела испытующе.

— Это займет месяцы. Или знаешь, где искать?

— Нет, — ответил я, — но сейчас узнаем. Если ты еще не знаешь, то в мире появился Интернет. Осталось только научиться им пользоваться...

— А ты умеешь?

— Сейчас посмотрим, — сказал я скромно.

Глава 2

Она с недоверием смотрела, как я вытащил планшет и быстро-быстро двигаю пиктограммы, печатаю что-то непонятное, бахвалясь перед женщиной, мужчины всегда бахвалятся, даже когда не бахвалятся.

Язык программирования, судя по ее лицу, неизвестен, то ли что-то совсем новое, то ли самый низший, чем разбалованные программеры теперь пренебрегают, в конце концов вывел на экран вид со спутника на город, быстро отыскал крохотное здание отеля и прозумил его, не слишком теряя в четкости.

Эсфирь поинтересовалась с недоверием:

— Он там?

— Не знаю, — ответил я все так же скромно, — однако оставленные в Инете следы привели сюда... Вид, как говорится, сверху. Ну, сама понимаешь, орел смотрит из-под небес. Если не поняла...

Она прервала:

— Да поняла, поняла! Орел ты наш изподнебесный.

— Вот-вот, — согласился я. — Даже орлище... Сейчас подключимся к этой системе...

Она смотрела непонимающими глазами, да и как понять, если сам не понимаю, никто не врубится в эту бессмыслицу, но нужно показать, что взламываю некие защитные системы, входу в какие-то корпоративные сети, ишу, нахожу, используя свой исполинский потенциал доктора наук и навыки оперативной работы разведчика высшего и сверхвысшего класса.

На экране появились изображения интерьера комнат, я заглянул в одну, другую, третью, эти пустые, но в четвертой эротическая сцена, остановился посмотреть с интересом.

Эсфирь негодующе фыркнула.

— Злая ты, — сказал я с сочувствием. — Это же демократия. И так можно, хотя вообще-то этот вариант и для меня в какой-то мере новость, если учитывать местные модификации...

Она фыркнула.

— Ну да, новость!.. В тоталитарных государствах, как у вас, такое можно только на тайных дачах. Вам так еще слаше, запретное всегда интереснее. Постой, а что это?

Я вернул изображение, но сразу покачал головой.

— Это просто богатый турок. В Турции тоже есть богатые, не знала?.. Хотя если богатый, то еврей точно, хоть и турок.

— Ищи шейха, — напомнила она.

Я сказал осторожно:

— Кажется, нашел...

Она затаила дыхание, глядя, как я вывожу на экран изображение то с одной камеры, то с другой, морщусь, все не устраивает такую цацу, наконец возник вид на роскошный коридор с рядом дверей через громадные промежутки, что говорит о разме-ре апартаментов.

— Что, — спросила она, глядя то на экран, то на мое довольное лицо, — что нашел?

Я кивнул на экран.

— Смотри. Вот как твой план рухнет.

Она наклонилась рядом, всматриваясь в экран ноутбука и касаясь моего плеча мягкой горячей грудью. В дальнем конце распахнулись двери лифта, выдвинулся богато сервированный столик на колесах.

Официант выкатил привычно красиво и торже-ственно, каждый гость на этом этаже почти король. Благодаря богатым клиентам отель живет, процве-тает и повышает свой рейтинг, а тем самым и чи-стую прибыль, это усвоили даже в социалистиче-ских странах.

Поближе к камере застыли по обе стороны двери двое рослых и подтянутых мужчин в строгих деловых костюмах. Мой мозг, изнывающий от безработицы, тут же отыскал о них все, что попало в Сеть и что мог нарыть из телефонных разговоров, эсэмэсок, скайпа и прочих мессенджеров.

Один успел побывать в настоящих боевых действиях в Йемене, второй не покидал столиц Европы, охраняя важных персон и обеспечивая безопасность секретных комплексов. Оба третые, крутые и повидавшие мир.

Официант в недоумении остановился по жесту одного, второй отстранил его в сторону, а первый охранник тщательно осмотрел все блюда, поднимая блестящие металлические крышки, отодвинул обе дверцы по бокам и посмотрел, что внутри, даже я увидел пару бутылок вина и кулинарные деликатесы.

Эсфирь шепнула зло:

– Что они там хотят отыскать? Убийцу с пулевым?

– Смотри-смотри, – сказал я.

Когда с осмотром было покончено, официант потянулся было к своей повозке, но первый охранник придержал его за плечо.

– Нет-нет, мы сами.

Голос прозвучал строго, официант опустил руки. Второй вернулся к двери, постучал и, дождавшись, ответа, сказал негромко:

– Ибрагим, Бурак бьет копытом.

Эсфирь вздохнула, так не пройти, даже знакомому голосу Ибрагим не верит, требуется еще и условное слово, что говорит не под дулом пистолета.

– Ваша репутация, – сказал я поощрительно. – Вон как Моссада боятся!

Она буркнула:

– Это комплимент?

– Не знаю, – ответил я, – конституция. В смысле, константа... констатация!

— Еле выговорил, да?

На экране дверь приоткрылась, я успел увидеть лицо не Хашима, а такое же сильное, волевое, как у охранников в коридоре, лицо молодого мужчины, словно только что из тренировочного лагеря американского спецназа первого выпуска.

Первый вкатил тележку и тут же вышел, настороженно поглядывая по сторонам.

Официант мирно ждал, когда выкатят обратно, это заняло какое-то время, но первый охранник что-то выслушал, кивнул. Я думал, вручит официанту купюру, но на столике уже лежат пара бумажек на чистом блюдце.

Похоже, сумма приличная, официант расцвел, как майская роза, поклонился, прижав руку к сердцу, и, чуть ли не подпрыгивая, погнал пустую тележку обратно к лифту.

— Да, — проговорила Эсфирь с неохотой, — этот вариант... затруднителен.

— Увы, — согласился я, — не для сопливых.

Она ожгла меня взглядом.

— Можно подумать, у тебя бы все вышло!

— Что ты, — сказал я таким тоном, что даже не взялся бы за такой пустяк, — куда мне...

Она прошлась по комнате, быстрая и грациозная, полная злой силы, но женщина всегда найдет виноватого, если рядом мужчина.

Я сижу тихонько, помалкиваю, она развернулась ко мне круто, как в испанском танце, глаза полыхнули, словно молнии.

— Чего сидишь? Сидят тут всякие... Еще и развалился! Ты что-то должен придумать!

— Почему я?

- Ты мужчина или нет?
  - А как же равноправие? – пискнул я голосом европейского демократа. – Не будет ли это ущемлением женских прав, свобод и чего-то там еще вроде харасмента твоих потаенных инстинктов...
  - Не продолжай, – прервала она. – От тебя ничего, кроме гнусностей, не услышать.
  - Молчу, – сказал я покорно.
  - Нет, – возразила она, – ты скажи, как ликвидировать этого Хашима, а потом молчи в тряпочку!
- Я вздохнул, развел руками.
- Это вопрос тактики, а я стратег. Мне бы миром править, а ты с такими мелкими вопросиками! Это умаление моего мужского эго.
  - Мелкими вопросиками? – сказала она резко. – Вопрос выживания Израиля!
- Я отмахнулся.
- Выживет. Даже под Вавилоном выжил, как и под Римом, а теперь и вовсе... Да и вообще...
  - Что?
  - Подумаешь, – сказал я с небрежностью, – точка на карте мира!.. Я вот думаю над расширением галактик!.. И в то же время не уверен, что разбегаются, а не начали сбегаться. Свет ползет медленно, видим то, что было там сотни миллионов лет тому... А ты как считаешь, сбегаются или разбегаются?
- Она отрезала:
- Для меня Израиль и есть вселенная. И не пытаись даже, понял?
  - Чего не пытаешься?
  - Всего, – пояснила она. – Как до этой осторожной сволочи добраться?.. Даже к окнам никогда не подходит!

— А то бы с крыши напротив?

— А что лыбишься? У меня медаль за стрельбу!
Я ухмыльнулся.

— Это было в школьных соревнованиях.

— В университетских, — сказала она зло. — Все-
мирная студенческая олимпиада!

— Второе место, — напомнил я нагло. — А первое
получила бурятка из Улан-Удэ.

Она огрызнулась:

— У вас вся армия на бурятах. Я тоже читаю аме-
риканскую прессу!

— В европейской пишут то же самое, — заверил
я. — Посмели бы писать иначе, чем велит дядя Сэм!
В общем, янки раскрыли секрет нашей непобеди-
мости. Может, и вам подумать насчет бурятской
дивизии? Провести им массовое обрезание, надеть
под шлемы кипы, отрастить пейсы, всего-то делов!..
А что Тору не знают, так кто у вас ее знает?

— Подумаем, — буркнула она.

— Кто бы сомневался!

— А теперь, стратег, признаешься в бессилии ре-
шать тактические вопросы?

— Просто не снисхожу со своих высот, — пояс-
нил я скромно.

— Ну снизойди!

— Чего ради?.. Я мир готовлюсь спасать. Надо
копить энергию. Вот сейчас полежу, потом поем...

— Я тебе поем, я тебе поем!.. Ты сегодня уже ел!

Хорошее время наступило, подумалось мне са-
мо по себе. Каждая женщина, с которой даже про-
сто вступаешь в разговор, ведет себя как жена, что
естественно в открытом демократическом обще-
стве.

Такое было бы немыслимо в диком прошлом, где существовали ревность и права на женщину, а сейчас эти анахронизмы остались только в исламском мире.

Человечество превращается в одну семью, хотелось бы добавить «большую и дружную», но даже в мелких семьях не всегда все дружно, но все-таки семья – другой уровень общения и доверия, так что мир идет в нужном направлении.

– Уже поздно, – сказал я с искренним сожалением, потому что самому жалко треть жизни отдавать на сон, в котором меня не существует, а только что-то ремонтируется в носителе, на котором я в записи. – Пока доедем до Хиггинса, он уже спать ляжет.

Она спросила сердито:

– Ты на что намекаешь?

– Что могу оставаться спать у тебя, – сообщил я великодушно. – Я добрый. Можешь и ты рядом... с кроватью. Там хороший коврик, уже посмотрел. Только согнуться придется, но у тебя получится, ты еще не слишком...

– Не слишком чего? – спросила она с подозрением.

– Не слишком толстая, – пояснил я. – Поместишься.

Глава 3

Мозг продолжает работу, я уже почти привык, что он смотрит и за тем, чем в Центре Мацанюка заняты Геращенко и моя команда ассистентов, видит на камерах Берлина, как мигранты жгут автомобильные покрышки и забрасывают коктейлем

Молотова полицейские участки, следит за всеми научными журналами как в нейрофизиологии, так и по всем смежным областям, откуда что-то можно позаимствовать для своих экспериментов...

В какой-то момент в черепе будто зажглась лампочка, моментально осветилась во всех подробностях огромная и красочная картина, где все цветные камешки лежат один к одному без зазора.

— Вот оно что, — сказал я в изумлении, — так ты в самом деле за ядерными зарядами...

Она насторожилась, спросила резко:

— Ты о чем?

— Говорю, — пояснил я, — у тебя специализация даже шире, чем я думал. Ты настолько хорошо владеешь арабским, что я решил, будто тебя забросили сюда задолго до этих ядерных зарядов.

Она посмотрела свысока.

— Хочешь сказать, я такая старая?

— Напрашиваясь на комплимент, — поинтересовался я, — или это еврейская привычка отвечать на вопрос вопросом?

— А у тебя? — спросила она.

— Сдаюсь, — сказал я. — Значит, твое основное задание здесь кого-то убивать и грабить?

Она посмотрела на меня в изумлении.

— Почему это убивать?

— Репутация, — напомнил я. — После мюнхенской Олимпиады вы охотились по всему миру за теми террористами, потом убивали любых физиков-ядерщиков в Иране, Ираке, Сирии, Ливане... и вообще с террористами переговоров не ведете, а только убиваете.

Она сказала с сарказмом:

— А в Бангладеш?

— А-а, — сказал я. — Там тоже вы, оказывается, всех перебили?

Она вздохнула.

— Так вот, оказывается, какая у нас репутация?

Как будто евреи настолько поглупели, что ничего хитрого уже не придумают!

— А знаешь, — сказал я, — самым умным бывает выстрел в упор. Ну, ладно, иногда издали из дальнобойной снайперской, это больше в вашем характере... Так за кем охотитесь? Вроде бы физиков-ядерщиков не вижу поблизости.

— А ядерщики что, наш пунктик?

— Точно, — сказал я. — Вы же их по всему миру истребляете! Чтобы только у вас была атомная бомба!

— Точно, — сказала она с тем же сарказмом. — Только в Израиле и осталась атомная бомба.

— А что, — спросил я, — разве во всем регионе ядерное оружие еще у кого-то, кроме Израиля? Страшно представить, если бы оно оказалось у Ирака, Сирии, Ливии и в прочих йеменах.

Она посмотрела на меня с подозрением.

— Ты что... оправдываешь?

— Крутые меры? — спросил я. — Сейчас мир без них издохнет очень быстро. Потому нужны не крутые меры, а очень даже... иные.

Она смерила меня пытливым взглядом.

— А ты... товарищ Лавронов... как раз что-то иное... особенное.

— Мир уже иной, — сообщил я ей новость. — А я всего лишь первый.

— Из особенных?

– Точно.

Она продолжала рассматривать меня внимательно.

– Все еще не пойму, хорошее нас ждет будущее или ужасное.

– Новое всех страшит, – сообщил я покровительно. – Многие до сих пор кричат, что Интернет и смартфоны им жизнь испортили.

– Но в леса жить не уходят, – согласилась она. – И от Интернета не отказываются.

Мне показалось, что она напряглась, как туюнатая тетива перед выстрелом, сказал поспешно:

– Эсфирь, я здесь не из-за этих ядерных зарядов, уверяю! Хотя из-за них тоже, но это малость...

Она не сводила с меня пристального взгляда.

– Уверения в нашей профессии ничего не стоят. А то, что ты только нейрофизиолог, бабушке своей говори.

Я сказал с подчеркнутой обидой:

– Считаешь, прикрытие?

– Нет, – ответила она вынужденно, – нейрофизиолог ты хороший, судя по статьям в научных журналах США, Англии, Германии и Японии.

Я сказал язвительно:

– А сейчас прикидываешь, сколько это ГРУ пришлось потрудиться, чтобы такое сочинить...

Она кивнула.

– Именно. Так что да, у тебя хорошее... имя. Но и в Моссаде работают не только безмозглые, что умеют хорошо бегать, водить авто и стрелять. Но твоя роль, как ты сказал, в деле с этими зарядами... только эпизод?

– Трудно поверить? – спросил я. – Эсфирь, уже

говорил и еще раз повторю: у меня другая задача. А понял по тому... извини, по утвердившемуся мнению, что борешься за монополию в ядерном оружии. Потому и ядерные центры в соседних странах бомбите, и физиков-ядерщиков отстреливаете всех, кого ни попадя.

Она зло сверкнула глазищами.

– Только тех, кто работает над созданием ядерного оружия!

– Правда? – спросил я с наигранным изумлением. – Не лишай мир такой красивой страшилки. Пусть хотя бы Моссад останется нетолерантным в этом быстро гниющем мире.

– Подлец, – сказала она сердито. – Тебе хаханьки, а у нас это больное место!

– Что, – поинтересовался я, – и там толерантность?

– Прикидываться мы можем всякими, – отрезала она, – но в основе разведчики должны быть чисты и тверды как сталь!

Я вскинул руки ладонями вверх.

– Сдаюсь! Ты права. Я подлец. Можешь меня в плену не кормить, но изнасиловать по праву победителя просто обязана.

Она зло осмотрела исподлобья все еще горячими глазами.

– Над этим подумаю. Но не сейчас... сейчас я еще злая. Разорву в клочья!

– А насиловать когда? – робко поинтересовался я.

– Минут через пять, – сообщила она.

Я охнулся.

– Чего так долго?.. Мне казалось, ты хоть и злая, но отходчивая.

– Чего так решил? Ах да, ты же нейрофизиолог. И трудно было придумать такую личину?

Я двинул плечами.

– Не знаю. Это же ГРУ писало за меня работы, публиковало в научных журналах, училось в университете, даже в начальной школе... У нас вербуют в ряды рано, так что я закаленный овощ и стойкий партийный товарищ. Почти как в Моссаде, только не такой... интеллигентный.

Она вздохнула.

– Нам бы сбросить хоть немножко этой интеллигентности! Что-то бы взять от русских свиней.

Я сказал весело:

– Да ладно, мы же от жидов набрались вашей выживаемости?.. Вон в который раз Россию из пепла поднимаем... да еще до каких высот! Правда, с помощью русских евреев, что хорошо помогают бороться с американскими евреями и даже проклятыми сионистами Израиля и всяких еще зачем-то существующих стран.

– Ладно, – ответила она, – дуй в душ, а потом марш в постель. Насиловать буду.

– Так пять минут еще не прошло? – спросил я опасливо.

– Я в эти пять минут включила и душевую, – объяснила она. – Давай быстро, пока я еще злая!

Красиво по-мужски роняя по дороге одежду на пол, я прошел в ванную, холодная вода ударила мелкими тугими струями. Как хорошо, раскаленное зноем тело едва не зашипело, как выдернутый из горна клещами кузнеца кусок металла.

Я подвигался, шлепая мокрыми подошвами по кафельному полу, подключился к Сети, хотя вообще-то мой мозг, вот же человеческое любопытство, все время там шарит, но сейчас я подключился целенаправленно, скользнул в далекую Россию, отыскал наше здание и, войдя в систему наблюдения, некоторое время смотрел и слушал, о чем говорят Ивар и Данко, задавая в нашем Центре тон, хотя Гаврош тоже крепко стоит на ногах и постоянно дает отпор посягательству на его интересы.

В мое отсутствие пришел даже Мануйленко, мне казалось, он сидит безвылазно в своей комнате потому, что анахорет по натуре, зажатенький, но, оказывается, стесняется только в присутствии начальства, это я начальство, надо привыкать, а так говорит хоть и крайне вежливо и с обтекаемыми формулировками, но достаточно уверенно.

Оксана больше прислушивается и присматривается, коллектив все-таки мужской. А то, что она в нем, это ее личная заслуга, а не разнарядка по квотам, и надо еще доказывать, что не уступает здешним самцам, которые в первую очередь видят ее украинские сиськи и немецкую жопу.

Некоторое время я с вялым интересом слушал, о чем говорят. В дикую старину, когда люди были еще невежественными и обремененными, подслушивание считалось неприличным, тогда еще в ходу была примитивная формула «Мой дом – моя крепость», что сейчас не только совсем смешно, но и опасно, ни одно общество не должно позволять даже возможности кому-то собирать на дому атомную бомбу.

Пусть даже не атомную, все равно ради безопасности десятков, а то и сотен людей на улицах,

в кафе, школах и везде-везде всем придется поступиться той частичкой свободы, которая вообще-то никому и не нужна, то есть возможностью в любой момент увидеть, что тот или иной человек делает.

Тот, кто ничего преступного не делает, может вообще забыть о всеобщем наблюдении: когда оно за всеми, то его как бы и нет вовсе. Это первый шагок к тому, что совсем скоро с помощью нейроимплантов сможем связываться друг с другом напрямую, передавая не только изображение и слова, но и чувства, а вот тогда придет время настоящего дискомфорта и потрясения основ...

Из комнаты раздался сердитый голос:

— Ты там не заснул?

— Иду, — ответил я поспешно и закрыл кран. —

Не поверишь, о тебе думал!

— Конечно, — донесся ее голос, — не поверю.

— Молодец, — одобрил я и вышел, не озабочившись повязаться полотенцем вокруг бедер, здесь такое же видеонаблюдение, как и в душевой кабинке. — Ты все понимаешь, ассасинка.

— Кто-кто?

— Расхитительница гробниц, — уточнил я. — Та самая.

Она бросила взгляд в зеркало.

— Спасибо. Умеешь, мерзавец, говорить отвратительно приятные вещи.

Когда люди заняты делом, хоть общим, хоть каждый своим, то, оказавшись в постели, ведут себя очень даже естественно, даже если только-только увидели друг друга.

А мы по современным меркам знаем один другого чуть ли не вечность, так что повязались быстро, хоть и с азартом, как молодые супруги, уже не стесняющиеся партнера, а потом я подгреб ее ближе и, прижав, как щенка, к пузу, крепко заснул.

Проснулся распластанным, как рыба на столе умелой хозяйкой, голова Эсфири на моем плече, ее согнутая в колене нога почти на груди, а когда я начал выныривать из глубин сладкого сна, услышал деловитый голос:

— Что-нибудь придумал?

Я просипел сонным голосом:

— Ночью сплю, а не деньги считаю, будто еврей какой!.. А потом, пока не возьму в ладони большую чашку горячего крепкого кофе, обязательно сладкого, меня вообще нет в этом мире!

— А в каком есть?.. На Лубянке?

— Как бы не существую, — проговорил я сонно. — Есть только твердотельно-жидкий хард. Поняла? На котором еще не активирована прога моей уникальной и высокодуховной личности.

Она сказала почти в ухо:

— Активирует кофе?

— Есть и другие способы, — ответил я уклончиво, — но предпочитаю кофе. Я тонкая личность с толстыми взглядами и прозрачными намерениями.

Она тяжело вздохнула.

— Садист. Пойду готовить, раз уж ты такой нежный.

— Я сложный, — сказал я скромно. — Это ты создана на уровне БИОСа, а я многоуровневая оболочка.

Она фыркнула, сошвырнула на меня одеяло и поднялась, красивая и обнаженная.

– Значит, тебя выведет из строя любой вирус?..

– БИОСу вирусы не страшны, – согласился я, – здесь ты по-женски права. Потому и должна беречь меня особенно трепетно и нежно!

Она гордо отвернулась и пошлепала босыми ступнями на кухню, прямоспинная и с красиво широкими плечами.

Кофе у нее просто замечательный, что значит крепкий. У меня, как у мужчины с интеллектом, это практически единственное требование к кофе.

Некоторые, что с комплексами, щеголяют знанием десятков видов, а то и больше, а также сортов и способов приготовления, хотя это скорее говорит об отсутствии интеллекта, лишь о памяти и зажатости, когда человечку хоть в чем-то жаждется выглядеть умным, значительным и хоть в чем-то больше знающим, чем другие.

Эсфири приединула ко мне блюдце со сладким и рассыпающимся во рту печеньем.

– Жри, жри. Разоряй мою страну, чужеземец.

– С удовольствием, – ответил я.

Она спросила с подозрением:

– Что с удовольствием? Страну разорять или чужое печенье жрат?

– Так я и за тебя, – пояснил я. – Вон ты какая толстая. А мне можно. Мужчины даже толстые все красавцы, если при деньгах.

– Что с Хиггинсом? – напомнила она требовательно.

Я отставил опустевшую чашку, покосился на остатки печенья.

– Налей еще. Почему все евреи такие жадные?..

– Сахару сколько? Пять или шесть?

– Три, – сказал я, – но так, чтобы я видел. Не жадничай, у вас Моссаду Рокфеллеры отстегивают такие деньги, не выщепчешь... А еще и Ротшильды добавляют. В общем, вариант есть. Только их слишком много. Нужно перебрать... и выбрать.

– Какая скромность, – съязвила она.

– Я такой, – согласился я. – Но лучший вариант – мужской.

– Ворваться, стреляя направо и налево?

– А также перед собой, – сказал я, – расчищая дорогу к светлому будущему трансгуманизма.

– Если это прямой, то что такое примитивный?

– Прямой путь, – напомнил я, – кратчайший. Но настоящие герои всегда идут в обход, потому предпочту просто уговорить. Убедить, мы живем в век компромиссов между прибылью и совестью. Предложить более выгодные с точки зрения демократии варианты.

Она посмотрела исподлобья.

– Ты серьезно?

– Абсолютно, – заверил я, но уточнил: – насколько это возможно с женщиной. Красивой женщиной. Мужчины, в отличие от вас, руководствуются разумом, а не эмоциями. Потому, если расположить слова геометрически правильно, можно обрисовать картину предельно ясно и четко, когда сразу видно, что выгодно, а что нет.

Она покачала головой, не сводя с меня взгляда.

– И в чем будешь убеждать?

— Отдать заряды мне, — ответил я.

Она поморщилась.

— Для этого ему нужно ломать пальцы и пилить зубы с месяц, а потом еще дня три. А ты хочешь за один вечер?

— Хочу, — ответил я.

— Хотеть не вредно.

— Теперь все вредно, — сообщил я. — Но, думаю, стоит попробовать. А кости ломать, фи, грубо. Как дикиари какие-то. Стыдно за вас. Какие-то звери в вашем Моссаде...

— То ли дело в КГБ, — ответила она в тон.

— Да, — согласился я. — Там только одухотворенные личности.

Глава 4

Я не видел, что и как она нажимала в торце письменного стола, но через мгновение несколько картически вытащила то, что мне показалось замаскированным ящиком прямо под крышкой стола.

Правда, это всего лишь широкая доска, где живописно расположился десяток пистолетов, начиная от массивных «валтеров» и заканчивая «пистолетами последнего шанса».

— Выбирай.

Я вздохнул.

— Ладно, если это необходимо... Только не обижайся, если потеряю по дороге.

— Ты такой рассеянный?

Я развел руками.

— Профессора все рассеянные и чудаковатые. Ладно, вот этот чем-то элегантнее. Совсем как я.

Она бросила взгляд на пистолет в моей руке, в глазах блеснула злая искорка.

— А-а, попался!

Я изумился:

— Ты чего?

— Ты взял «беретту пико», — сказала она победно, — отодвинув «беретту нано», хотя не всякий спец знает разницу. Последняя модель для спецназа! Выпущено не больше десятка экземпляров, ясно? Потому что каждый приходится доводить и подгонять с микронной точностью профессиональным ювелирам.

— Ого, — сказал я, — не думал, что у меня вкус на драгоценности. И чем эта штука хороша?..

— Отдача мощная, — сообщила она, — но на близком расстоянии прошибает даже новейшие бронежилеты. Если зарядить бронебойными или с усиленным наконечником, то пробивает даже стенки бронетранспортера.

— Я не потому...

— А чем заинтересовал?

— Дальность и точность, — сказал я и пояснил: — Так мне кажется, как ученику Кювье, что по одной косточке мог восстановить облик динозавра или птеродактиля. А еще здесь явно достигнут минимальный разброс пули.

Она смотрела испытующе.

— Ты не снайпер, слушаем?

— Обижаешь, — ответил я с достоинством. — Я ученый!.. Просто для ученых важна точность.

Она сказала ядовито:

— Понятно, теперь эта профессия называется «ученые». Какие только эвфемизмы не возникают в этом сумасшедшем мире!

Я сказал с неохотой:

— Ладно, одевайся, и поехали. Хотя тебе с твоей фигурой можно и так. Время — деньги, как говорят евреи.

Она огрызнулась:

— Евреи так не говорят!

— А как?

— Деньги — это свобода, выкованная из золота.

— Круто, — признал я.

Оделась она не по-женски быстро, на плечи набросила темный платок с крохотным узором по краю, в случае необходимости можно сразу укрыть голову, чтобы не сердить старшее поколение... да и молодежь, что по нраву более древняя, чем нынешние старики Эмиратов или Ирана.

Вообще-то платок для женщины и шапка для мужчины всегда были больше чем средством для укрытия головы от солнца, дождя и снега. Даже в хорошую погоду женщина в платке — достойная женщина, а без платка — городская распутница. «Простоволосая», значит, обесчещенная.

У мужчин то же самое, в военное время голову защищает шлем, в невоенное — шляпа, указывая на его достоинство. Шляпу снимаем перед более достойным, а если некто ни перед кем не обнажает голову, то это либо король, либо в данном регионе самый главный.

И понятие «опростоволосился» равнозначно нынешнему «обосрался». Так вот я, скажем по-старинному, опростоволосился с поиском атомных зарядов. А это значит, нужно развивать свою сенсорику, чтобы опираться не только на подслушанные и подсмотренные разговоры и картинки, а на

что-то еще, что можно выжать из редактирования моего генома.

На выходе из дома она бросила настороженные взгляды по сторонам, что и понятно: разведчикам опасаться нечего, а вот шпионам грозит мучительная смерть. Если же шпион из такой омерзительной страны, как Израиль, то в исламском мире поимка отвратительного гада вообще праздник.

Я сел первым и открыл для нее дверь изнутри, она опустилась за руль с таким усталым видом, словно неделю работала в каменоломне.

– Ладно, пристегнись, поехали.

– Уже, – сказал я, – будь осторожна, дорога мо-
края. Хотя дождя я не заметил...

– Здесь улицы поливают трижды в сутки, – бур-
кнула она. – И ты это знаешь.

– Откуда? – возразил я. – Ученые такие невни-
мательные... и рассеянные.

– Правда?

Я сказал, оправдываясь:

– А кто из мужчин не заметит твои вторич-
ные признаки? Даже женщины зыркают и отвлека-
ются.

Она вела автомобиль быстро и сосредоточенно, устремив взгляд на дорогу впереди и ни на миг не отводя в сторону.

Я открыл бардачок, Эсфири с неодобрением взглянула, как я сунул туда пистолет.

– Пусть полежит. Надеюсь, не продашь, пока ме-
ня не будет.

Она ответила резко:

– Я пойду с тобой!

— Нет, — отрезал я. — Нет. Такие вопросы решаются наедине. Без свидетелей, тем более без болтливых женщин.

— Я не болтливая.

— Женщины все болтливые, — сообщил я ей новость. — Или они не женщины. Думаю, и Хиггинс удалит всех посторонних с места нашего разговора.

Она покривилась, но хотя женщины рационально мыслить не умеют, однако в разведке их приучают хотя бы поступать рационально, потому посопела, поворчала про себя и сказала с неохотой:

— Как знаешь.

— Спасибо.

— Но я уверена, что смогла бы подыграть.

— Дорогая, — ответил я ласково, — когда речь идет насчет атомных зарядов, женские чары не срабатывают.

— При чем тут чары, — возразила она, но уже без напора, просто потому, что возразить хочется, на самом деле действительно привыкла полагаться на свое обаяние, — я же не новичок в разведке!

— Ага, проболталась!

— Ничуть, ты все не так понимаешь. Просто знаю, когда что сказать.

— Это если допустят до разговора взрослых мальчиков, — уточнил я. — Но, скорее всего, увидев еще и женщину, никто со мной говорить не захочет. Женщина на корабле — плохая примета.

— Какой-такой корабль?

— Мы все на корабле, — напомнил я. — Космическом, по имени Земля.

Она дернула плечом.

— Ладно. Посмотрим, насколько ты хорош как переговорщик.

— Ты лучше, — согласился я и добавил со смиренным укором, — вон даже меня уболтала и в грех ввела...

— Чего-чего?

— Стыдно вспомнить, что ты со мной делала, утоляя свою разнудзданную похоть.

— Свою? А не твою?

— Я ничего не гарантирую, — напомнил я. — Просто нужно пробовать сперва такие варианты, как поговорить, попросить закурить, спросить, как пройти в библиотеку. Если не получится, тогда уже кувалдой в лоб... Но я, как человек очень глубоко в душе мирный, убежден, что в высокодуховном мире можно и без стрельбы.

Она спросила язвительно:

— Как? Ледорубом по башке?.. А если получится криво, то додушить?

— Все думаешь о своих удовольствиях, — укорил я.

— Но большевики не ищут легких путей.

— Это я заметила, — ответила она. — Один только тот боевик чего стоит, которого ты зачем-то отпустил...

— Это Дуглас? — переспросил я. — Да просто пожалел.

Она воззрилась на меня в великом изумлении.

— Ты?.. Да ты самый черствый и жестокий человек на свете! У тебя вовсе нет сердца!

— А что у меня качает кровь? — спросил я. — Дуглас вообще-то был хорош и предельно честен, но его пару раз подставили сослуживцы, а начальство предпочло встать на сторону коррумпированного

большинства вместо того, чтобы защитить своего преданного бойца. Думаю, в руководстве были мерзавцы, что промышляли контрабандой в крупных масштабах.

– Сочувствую, – буркнула она. – Но я бы боролась.

– Он тоже боролся, – ответил я. – Пока не упекли за решетку по сфабрикованному обвинению. Тогда озлился окончательно. Навыки спецназовца помогли выжить в тюрьме первый год, а потом они же дали возможность организовать бунт и под его прикрытием бежать... И с тех пор он один из самых опасных наемников.

– М-да, – пробормотала она задумчиво, – если встретимся, я его, конечно, убью, но... с сочувствием.

– Вот почему женщин нет в стратегах, – заметил я.

– А что не так?

– Дугласа можно использовать, – пояснил я. – Да, как наемника, но для благих целей. Где самим нельзя засветиться... или испачкать имя. А потом со временем поднести эти дела как сделанные во имя родины... придумаем, какой, и он получит не только прощение и реабилитацию, но и пару наград. Что обелит его перед семьей.

– У него есть семья?

– Жена уже бросила, – сказал я, – нормальная женщина, как и все вы, предательницы. Но двое детей вряд ли папу забыли. У них сердечки еще чистые, честные, добру открытые... И будут горды, если окажется, что папа не преступник, это было только прикрытие для его опасных операций.

Она буркнула:

– Подумаешь, стратег. Слишком далеко загляды-
ваешь. А тут завтрашний день может все изменить...
Вон тот дом и есть вилла Хиггинса?

– Я думал, Моссад в курсе.

– Мы знаем его квартиру в городе, – отрезала
она сердито.

– Думаю, – сказал я, – сюда он не только баб
возит.

– Похож?

Она помолчала, всматриваясь в одинокий дом
в конце дороги. Хотя дорога идет и дальше, но зда-
ние выглядит так, словно именно на нем заканчи-
вается город, а дальше непонятный мир, который
нужно обязательно освоить до последнего дюйма,
прежде чем лезть на всякие там марсы и юпи-
теры.

– Что-то мне как-то не по себе, – призналась
она. – Вроде бы идешь ты, не жалко, и так достал,
но все равно, вдруг дело пострадает?

– Жалостливая ты, – согласился я. – Даже до-
брая. Твои близко?

Она покачала головой.

– К сожалению, сейчас как раз далеко. В смысле,
помочь не смогут.

– Вот и хорошо, – ответил я. – Значит, действу-
ем одни. Жди здесь, я отлучусь минут на девять.
Может быть, даже на десять, но, полагаю, все-таки
уложусь в девять.

Она молча смотрела, как я вытащил смартфон
и вожу пальцем по тачскрину, спросила наконец
с надеждой в голосе:

– Приведешь помощь?

— Увы, — ответил я, — это ты с отрядом, а я один, как Карузо. Но помочь приведу. Одно только тревожит...

— Что? — спросила она быстро. — Говори, не мямли.

Я указал взглядом на экран.

— Хиггинса в доме нет. Никаких следов. Когда выехали, был и вроде бы не намеревался отлучаться... А сейчас исчез. По крайней мере, не обнаруживается...

Она предположила:

— Может быть, в «комнате паники»?

— Может, — согласился я. — Хотя с чего там уединяться, когда опасности нет?..

— Тогда сиди, — велела она. — Нужно дождаться. Иначе пойдем туда зря.

— Да ну, — ответил я, — кто бы подумал, капитан.

— Я не капитан!

— Правда? — спросил я. — Ах да, капитан Очевидность вообще-то самец, но по меньшей мере блондин.

— Я брюнетка, — напомнила она с высокомерием урожденной блондинки.

— Брюнетка равна блондину, — сказал я с объективностью ученого, которому важны точные значения на шкале измерений. — Примерно так и думал.

— В таком громадном дворце, — ответила она, — есть где потеряться... но все равно нужно знать точно, где искать.

— Или хотя бы, — уточнил я, — что он там, а перевернуть все и найти сумеем.

Она помолчала, а я, поглядывая на здание, од-

новременно попытался представить себе мир, когда все смогут подключаться напрямую к Интернету, к спутниковой связи и вообще ко всему, к чему могу сейчас я. Такое время наступит вот-вот, а я при всей своей быстродумности не могу сообразить, во что это выльется, если вот так просто, без регулировки в жестком ручном режиме.

Страшновато и, как мне кажется, очень много джокеров.

– Чего молчишь? – спросила она вдруг.

Я буркнул без охоты:

– А ты что-то спрашивала?

– Нет, – заявила она, – но ты должен развлекать женщину.

– А как насчет равноправия? – поинтересовался я.

– А я из консервативной семьи, – напомнила она с чувством превосходства. – Даже из ультраконсервативной.

– Как удобно, – согласился я. – А я вот из ультрасовременной. Весь мир консервов мы разрушим...

– Чудовище.

– Наступает мир чудовищ, – согласился я. – А ты не чудовище с точки зрения даже очень просвещенных людей Средних веков?.. Отвратительная и дико распутенная и развратная женщина с омерзительными манерами. Но ты считаешь это свободой... Так что все зависит от точки отсчета.

– Точки зрения.

– Да, точки зрения. Но и твои свободы в этой стране выглядят кощунством, не так ли?

Она двинула плечами.

– Здесь все еще средневековые. Приправленное

техническим прогрессом, позаимствованным с Запада.

Некоторое время мы молчали, она иногда прикладывала к глазам окуляры бинокля, вглядываясь в фасад здания, словно Хиггинс выйдет на балкон и будет там делать утренние упражнения, а моя мысль, что постоянно ищет себе работу, а когда не находит, то такой хренью занимается, начала представлять клубок проблем, с которыми столкнется человек, так как он сейчас всего лишь короткий этап от обезьяны к сингуляру, даже очень-очень короткий.

Как-то давно видел яркую картинку для слабопонимающих: там начертили циферблат часов, а на нем выделили сектор от Большого взрыва до появления первых звезд, это заняло три четверти циферблата, затем период на создание планет, на это ушла почти вся последняя четверть, и только самый крохотный участок, меньше процента, отвели на возникновение жизни и развитие ее до простейших амеб...

На отдельном циферблате взяли те же двенадцать часов, посвятив его теме жизни: там от простейших до динозавров путь снова на три четверти, на появление млекопитающих – оставшаяся четверть, и только на последней секунде появился человек..

Так что вся человеческая цивилизация на вселенских часах умещается в миллионные доли секунды. Не успеешь вообще заметить, как вдруг откуда-то возник человек и тут же исчез...

Эсфирь завозилась на соседнем сиденье, словно

снизу вылезли шипы и царапают ей упругую задницу, бросила на меня сердитый взгляд.

– Не спиши?

– Работаю, – ответил я.

Она вскинула брови.

– Как? Не вижу, чтобы таскал камни.

– А я их таскаю, – заверил я. – Интересно... смотрю на тебя и... даже жалко, что в сингулярности не будет разделения на мужчин и женщин.

Она фыркнула.

– Никогда такого не будет!

– Понятие пола исчезнет, – заверил я. – Каждый сможет конструировать тело как хочет, а свойства в него будет вписывать сам. Либо какие изволит, либо какие в данный момент в тренде. Боюсь, все будут становиться очень уж... одинаковыми. Каждый захочет идеальную память, идеальное здоровье и защиту, быструю реакцию, постоянно работающий мощный мозг...

Она покачала головой.

– Даже и не знаю. Что-то хорошо, а остальное просто ужасно.

– Да, – согласился я, – особенно ужасно иметь мощный мозг... Главное, навыки секретного агента будут не нужны. Вся программа обучения впустую... Думаю, если бы знала о неизбежной сингулярности, выбрала бы другую работу. И вообще жила бы по-другому.

Она покачала головой, голос прозвучал с железной уверенностью:

– Нет!.. Если бы мне представилась возможность прожить жизнь снова, я прожила бы ее точно так же.

Я хмыкнул, но промолчал, спорить трудно не

только с голой женщиной, но одетая такой же баран, с какой стороны ни зайди, везде рога.

Она посмотрела с подозрением.

– Чего? Я же вижу!.. И морда у тебя не молчальная. Говори!

– Не смею, – ответил я, – Феликс Эдмундович. Вам виднее, иначе пришлось бы застрелиться... Вообще-то, если честно, это одна из самых лживых фраз, которую любят напыщенно изрекать... альтернативно одаренные.

Она вскинулась:

– Ты чего?

– Возможно, – предположил я, – это вообще чемпион по лживости и дурости, можно в Книгу рекордов Гиннесса. Мне кажется, на свете нет настолько полного идиота, который, зная, какие кризисы и упущеные возможности ждут его и страну впереди, не попытался бы при повторном варианте исправить какие-то ошибки в своей неидеальной жизни, а какие-то не допустить вовсе. Или такие извращенцы есть?

Она нахмурилась, опустила бинокль и посмотрела на меня злыми глазами.

– Считаешь, все, кто говорит это, а таких много, врут?

– Еще как, – подтвердил я. – И даже брешут. Думаю, это инстинктивная попытка защитить свою хиленькую жизненную позицию. Чаще всего абсолютно провальную. Железный Феликс столько крови пролил, что только вера в правоту дела революции спасала его от самоубийства. Вообще, человек очень даже не любит признаваться в ошибках и твердит, что вот его дорога и есть лучшая из луч-

ших, он бы не хотел другого варианта своей жизни, вот честное слово не желал бы стать здоровым и богатым! Не-ет, лучше останется больным и бедным в непролазном говне, потому что так духовнее, он так видит, а все остальные просто не понимают в силу своей ограниченности...

Она надулась и отвернулась, долго рассматривала подходы к дому.

– Ничего не видишь?

– Не показывается, – ответил я.

– Может, у него дневной сон все так же в «комнате страха»?

Глава 5

Я покачал головой, но, спохватившись, отыскал сервер, где хранятся все записи с видеокамер владений Хиггинса, и начал скоростной просмотр за весь день, но когда ничего не обнаружил, отмотал, как говорится, пленку в зад, хотя нынешнее поколение уже и не знает, что совсем недавно все фиксировалось не на хард, но все равно говорят «отмотать пленку».

– Пусто, – сказал я. – Что будем делать?

Она с раздраженным видом пожала плечами.

– Ты у нас стратег, думай. Я простой полевой агент, хоть и умнее большинства мужчин, но вы нас угнетаете.

– Еще как угнетаем, – согласился я, – посадили себе на шею и носим, носим... Еще не проголодалась?

Она покосилась с недоверием.

– Ты чего? Мы всего час здесь!

— Да вы, женщины, — пояснил я, — вечно есть хотите. Только успевай вам подсовывать под мордочки блюдце с молоком. А когда налопаешься, в магазины проситесь.

Мозг постоянно шарит в Инете в поисках новостей, и хотя он у меня нацелен выискивать последние сведения о биоинженерии вообще и генной модификации в частности, но охотно ловит и всякую шелуху: кто из знаменитых с кем спит и кто сколько толкнул, поднял или как пробежал. Что доказывает, увы, мое происхождение от человека.

А человек, понятно, — это голая обезьяна по Десмонду Моррису, когда-то весьма эпатировавшему консервативную публику, как сейчас это делает такой же бесцеремонный и не смягчающий формулировки профессор Савельев.

Это в новостях стоит беспрерывный и довольно растерянный вой насчет России, что все усиливается и усиливается. Что значит, доверились простому человеку, решившему, что Россия растоптана раз и навсегда. Дескать, Россия жила за счет ограбления четырнадцати республик, а когда они покинули ее, то Россия неминуемо исчезнет, вымрет от голода и пьянства...

Но статистика говорит, что даже Прибалтика, жившая в составе СССР богаче и достойнее как России, так и всех остальных республик, где сейчас? Несмотря на постоянные щедрейшие вливания со стороны Европейского союза и НАТО, ныне там три бедные и быстро теряющие остатки своей независимости страны. Население уже уменьшилось вдвое,

промышленность исчезла полностью, теперь не три страны, а три больших села...

Кто-то в России злорадствует, большинству по фигу, но вообще-то процесс идет в верном направлении. Мелкие страны и народы скоро исчезнут, но Россия или Штаты не виноваты, при глобализации в конце концов во всем мире установится один язык.

И уж конечно, им не будет эстонский или латышский, если когда-то могучий и многочисленный русский после упорного сопротивления уступит американизированному английскому.

Самое упорное сопротивление создаст китайский. Там и масса населения, и упорство, однако автоматические переводчики, что моментально с голоса на голос, сделают свое дело.

Китайский уйдет в прошлое, вслед за эстонским и русским. Разве что не так быстро. На выходе получится один язык на планету и один народ...

Эсфирь проговорила хмурым тоном:

- Ты чего?
- Чего – чего?
- Мыслишь, – сказала она недовольно.
- Прости, – ответил я виновато. – Ты права, дурная привычка. То ли дело женщины, у вас все на инстинктах.

Она нахмурилась, подозревая оскорбление, мужчины всегда обижают женщин, стараются вернуть свой рушащийся деспотизм, а я подумал, что вообще-то и у нас, людей, тоже все на инстинктах, сколько бы мы ни вещали напыщенно о разуме.

Даже острое стремление в космос тоже всего лишь давление древнейшего из инстинктов, требу-

ющего расширения ареала доминирования и заселения своим видом.

То же самое и с бессмертием.. Любое существо стремится жить как можно дольше. На уровне вида запрограммировано, чтобы особи давали потомство, выращивали, а потом умирали. Так животные и делают, но человек с его обострившимся инстинктом уже не просто хочет жить дольше, а совсем умирать не желает.

И когда начнет заменять себя всего на иные носители, а в конце вообще превратится в силовое поле, его будет вести тот же инстинкт, требующий стать сильнее, доминантнее, заселить вселенную и везде нарыть для своего вида норы...

Никакой ИИ вообще невозможен, если не оцифровать и не вложить в него инстинктивное, безоговорочное стремление к расширению своего ареала и доминированию над другими видами.

А это вряд ли станут делать, разве что совсем уж свихнувшиеся человеконенавистники.

Она поерзала, спросил с сочувствием:

– В жопу колет?

Она буркнула:

– Не могу сидеть без дела.

– Займись чем-нибудь, – посоветовал я.

Она фыркнула.

– Чем можно заняться в машине?

– Сексом, – предложил я первое, что приходит в мужскую голову.

Ее лицо дернулось в брезгливой гримасе.

– О господи!..

– А что, – спросил я уязвленно, – если мы пока что в этих телах?.. В автомобилях в самом деле

удобно. Даже в рекламных проспектах объясняют и показывают расширенные возможности. Курсы существуют с показом на практике!

Она сказала язвительно:

— Вы и так везде находите эти возможности. Никакой рекламщик не придумает всего, на что способно ваше стихийное мужское творчество именно в этом жанре.

— Вот видишь, — ответил я довольно, — какие мы креативные...

Если США и Китай создадут суперкомпьютеры, трезво и жестко сказал мой мозг, что смогут обучаться, а потом руководить армиями, то мы увидим не войну AI против человечества, а гораздо хуже: войну одного искусственного интеллекта против другого, а в этой войне точно не будет места человеку и человечеству...

Заткнись, прервал я мысленно. Да, хренью занимаюсь и хрень сейчас говорю, но пока мы в человеческих телах, вся наша жизнь полная хреня с редкими проблесками разумности. Эти проблески и ведут нас к сингулярности, в которой проблески уже не будут мелкими и редкими проблесками, а мы целиком станем...

— Ты чего? — спросила Эсфири. — У тебя морда лица такая, словно разговариваешь с Богом.

— Не поверишь, — ответил я, — но так и есть.

Она нахмурилась и отвернулась. Возле дома Хиггинса полная тишина, он выглядит вообще вымершим. Я поглядываю на него еще и сверху с проплывающими над планетой спутников, но и они показывают полное отсутствие движения.

Вдруг Эсфирь буркнула, не поворачивая головы в мою сторону:

– И что тебе Бог сказал?

– Что объединение ускоряется, – ответил я. – Снова, как и до начала строительства Вавилонской башни, будет один язык, один народ, одни законы.

Она сказала сердито:

– Не хочу такого будущего. А как же разнообразие народов, культур? Искусств?

Я двинул плечами.

– Весь мир носит джинсы и не жалуется. А национальные одежды надевают только ряженые клоуны. С искусством то же самое... Любители бренчать на балалайке или домбре... гм, а они есть? Мне кажется, и сейчас либо за деньги, либо для выпендрежа. Искусство уже общее, лапочка. Все смотрят штатовские сериалы и еще некоторые из фильмов, а свои киностудии загибаются. Впрочем, туда им и дорога.

– И кто контролирует это слияние?

– Никто, – заверил я.

– Да ну?

– Я бы знал, – ответил я. – Пока смутное и чисто инстинктивное желание, как было у мелких средневековых княжеств, объединиться в единое королевство. Чтобы везде одни законы, одни налоги и не с кем было бы воевать. Сейчас все мы, кто понимает, что впереди, а таких немного, стремимся делать общее дело...

– Порознь?

– Да, – ответил я нехотя, – но сейчас начинаем как-то неуклюже координировать усилия.

– И получается плохо?

– Ну да, – ответил я, – мы же не в интересах своей страны, а в интересах человечества, а этот как-то не совсем на первом плане. Ну скажи, кто, если не дурной иисусик, думает про общее благо больше, чем о своем кармане? Это точно не по-еврейски.

– К тому же, – закончила она, – как-то задевает суворенитет?

– Точно, – согласился я. – И хотя понимаем, что уже скоро даже слово это исчезнет, но все же всех нас задевает... И все хотим в общем зале человечества занять первый ряд.

Она сказала с иронией:

– Чтоб у вас со Штатами не было споров, предложите первый ряд Израилю. А сами там, следом. Во втором-третьем... А дальние немцы, французы...

– Что? – спросил я. – Охренела?.. Конечно же, в первом должна быть Россия. Избранная, богоносная!

– Это мы избранный народ, – напомнила она. – Богоизбранный.

– А мы – богоносный!.. В смысле, Бог нас несет по кочкам.

– А что круче?

Я сдвинул плечами:

– Не знаю. Я неопределившийся атеист. Но Штаты хотят занять весь первый ряд целиком для себя! Да и второй тоже. И хотя вообще-то, если говорить начистоту, то так и должно быть, они в самом деле во главе прогресса, но как-то обидно. Инстинкты против.

Она сказала с сарказмом:

– Но если они во главе прогресса...

– Зато мы красивые, – возразил я. – И не такие

толстые!.. И вообще, требуем распределения мест согласно занимаемой территории.

— А не количества населения?

— Нет, — отрезал я. — Тогда все окажемся в заднем ряду, а передние займут китайцы, индийцы, негры... Ладно, согласен, передний ряд пусть займут богоносные и богоизбранные. По числу населения или по занимаемой территории... согласен на оба варианта, я добрый и великодушный.

— Мы уже сколько часов здесь сидим?

— Вечность, — ответил я.

— Пойдем поедим? — предложила она. — Я когда волнуюсь, всегда есть хочу.

Я окинул ее фигуру раздевающим взглядом.

— Но ты все еще не слишком уж и толстая.

— Прибью, — пригрозила она. — Это неспортивно — указывать на больное место всех женщин. Пристегнись!

— Я и не отстегивался, — сообщил я. — От тебя.

Она повернула ключ, мой мозг тут же пискнул, что скоро ключи зажигания вообще исчезнут, в новых моделях эта древность уже отсутствует, а Эсфирь плавно тронула автомобиль с места, мы же туристы, осматривающие здесь и там местные достопримечательности.

Глава 6

По дороге к кофейне мозг среди новостей из мира науки ухитрился просунуть сообщение о готовящемся подписании унии между православием и католичеством.

Я поморщился: любая уния — это хорошо, это

же мир вместо драки, но, как чаще всего бывает, к такой мере прибегают слишком поздно.

Византия в свое время, изнемогая под натиском турков-османов, в конце концов обратилась к Ватикану за помощью и сообщила, что согласна на унию, причем отдает Константинополь полностью во власть крестоносцев, но увы, предложение запоздало. Хотя с Запада было выслано крестоносное воинство, еще не дожидаясь даже официального оформления унии и всех договоров, но османы успели захватить Константинополь раньше и превратить его в Стамбул.

Папы не раз предлагали унию Русскому государству, Брестская уния объединила поляков, украинцев и белорусов, а Ужгородская – закарпатцев и словаков, обе отменены только после Второй мировой войны, и вот последняя уния, на этот раз ее предложила Россия. По-честному, православие всегда находилось в полной заднице, так как в православии любое развитие вероучения запрещено канонами, потому православие, оставаясь таким, каким было тысячу лет назад, вроде бы и должно тянуться к более сильной ветви христианства, однако к тому времени у католичества дела пошли еще хуже – со скандалами, однополыми браками и коррупцией. К тому же нагрянул массовый наплыв беженцев, что заполонили Европу и спешно начали ее исламизировать, раз уж нет там ни Карла Мартелла, ни даже де Голля.

И как раз православие, кто бы подумал, принялось спасать христианство своей барабаньей верой в догмы и незыблемость постулатов. Уния позволит, как сообщают во всех новостных лентах, по-

высить мощь церкви, почистить ее с учетом того, что именно в России христианство сохранилось в первозданном виде, ничего не приобретя и ничему не научившись.

Но главное – христианство снова становится единым перед лицом грозного ислама, что не растерял воинственного духа.

Опоздали, мелькнула мысль. Какая на фиг уния, любая церковь уже потеряла моральный авторитет...

Автомобиль остановился, прижавшись к бордюру, Эсфирь отстегнула ремень, но я успел выйти раньше и даже, обогнув машину спереди, открыл левую дверь.

Она ожгла сердитым взглядом, что-то ее качает то к старомодному консерватизму, то к оголтелому феминизму.

Оба, вылезая из автомобиля, как и надлежит зевакам туристам, с удовольствием и даже восторгом посмотрели вокруг. Здесь все дышит древностью, немыслимой в Европе, так нас должны понимать те, кто смотрит на приехавших.

Правда, на самом деле Эсфирь, как и я, больше смотрит как профессиональный комбатант, замечая, кто из мужчин на улице как стоит, как держит руки, откуда могут стрелять, а если погоня, то чтобы нашему авто никто не загораживал дорогу.

Я хозяйски пошел вперед, хотя мы и туристы, но местных малость раздражает, когда эти чужеземцы распахивают перед женщинами двери и выказывают им чрезмерные знаки внимания.

В кофейне почти пусто, здесь традиционно заполняется к вечеру, когда спадает полуденная жара,

а сейчас за дальним столиком только группа таких же, как и мы, туристов.

Я посмотрел на них, бурно жестикулирующих и гримасничающих, как бандерлоги, на моем лице вроде бы отразилось неудовольствие, потому что вышедший из-за стойки хозяин взглянул на меня с симпатией.

– Что изволит дорогой гость? – спросил он на ломаном английском.

– Перекусить с дороги, – ответил я на чистейшем арабском, – и две большие чашки крепкого кофе.

Он с достоинством поклонился.

– Желание гостя закон.

Эсфирь выждала, когда я сяду, покорно опустилась на сиденье стула рядом.

Кофейня чистая, из мебели ничего сверх, здесь умеют устраиваться скромно и с достоинством, не стараясь пустить пыль в глаза, как это свойственно европейцам или американцам, что тоже европейцы.

Хотя, если честно, желание пустить пыль в глаза и как-то выпендриться – инстинктивное желание молодых растущих организмов. Пусть выглядит и смешно, однако это один из залогов бурного роста, как своего личного, так и всего общества, в отличие от застывшего в безмятежном спокойствии буддизма.

Эсфирь сидела смирно, а когда хозяин принес и поставил перед нами фирменные блюда, дождалась, когда я начал есть, а затем по моему жесту взяла нож и вилку.

– Вкусно, – похвалил я.

Она буркнула тихонько:

— Ах-ах, у тебя манеры как у француза!

— У тебя тоже, — ответил я. — Вообще ты меня удивила. Если в конторе узнали, что Хиггинс получил нужное, почему везде не гремят выстрелы?.. Я думал, Моссад сразу начинает стрелять!

— Ты не спутал иудеев с ирландцами? — спросила она. — Нужное им поступило по частям. Кто-то располагает только инструкциями, как собрать эту штуку, у кого-то необходимая документация, кто-то по частям переправляет эти штуки. Если убьем одного, этот кто-то другой может скрыться. А техдокументацию можно снова как-то да получить.

— А-а, — протянул я, — вот почему по всему Дубаю еще не гремят выстрелы...

— Глупости, — буркнула она. — Мы все стараемся делать предельно тихо. И вообще бесшумно.

— Все? — переспросил я. — И ты?

Она бросила на меня злой взгляд.

— Ты сам так сладострастно сопел и хрюкал, что заглушил бы все что угодно.

— Я демократ, — ответил я с достоинством, — потому не сдерживаю свои порочные наклонности. У нас свобода выражения чувств, собраний и митингов протеста? Ну вот!

— Так это был протест?

— Демократическое изъявление чувств, — отрезал я. — Все равно в мире будущего ничто не будет скрыто, потому должны тренироваться в предельной искренности уже сейчас.

Она покровительственно улыбнулась.

— В какую же замысловатую форму ты облечешь свои комплименты... даже не поймешь сразу, похвалил или обидел. В общем, сейчас все силы

брошены на то, чтобы отыскать и обезвредить. Ты это знаешь. И знаешь, что пока дела идут не очень.

— А многих в процессе дознания убила? — поинтересовался я деловито. — А зарезала?.. Путь научного поиска тернист. Все знания человечества добыты потом и кровью, почему этот случай должен быть исключением?

Она сказала кисло:

— Да, конечно. Мы за всеми следим, но пока что в сети попадается всякая мелочь.

— Мелочь тоже может перевозить крупное, — предположил я. — Тем более части современных ядерных бомб можно уместить в одном чемоданчике.

Она кивнула.

— Да, «чемоданные» бомбы, как говорят в России, или «ранцевые», как принято в Штатах. Но эти все три более мощные и потому чуть крупнее. Хотя да, в разобранном виде их можно перевезти и в чемоданах.

— Или с чем угодно, — сказал я.

— Верно. Через границу нередко гонят скот, и пограничники, даже когда видят, не препятствуют. Что с кочевников взять, а угрозы для страны не представляют. Вообще не понимают, зачем существуют границы, и готовы применять оружие для защиты. Потому их обычно не трогают.

— Прогрессивно мыслят, — согласился я. — Примитивно прогрессивно, ага. Хотя, конечно, дикари...

Она умело орудовала ножом и вилкой, на мою реплику только поморщилась.

— Дикари? Потому что по старинке атомной бомбой, а не вирусами?

— Точно.

Она двинула плечиками.

— Знаю, вирусы модифицировать легче и дешевле, а еще они опаснее ядерной бомбы. Но ядерными бомбами террористы занимались десятки лет, не бросать же добро на полдороге?.. Тем более когда почти все готово?..

— Насколько готово? — спросил я. — Именно у террористов? Свое, не краденое?

Ее лицо омрачилось, даже руки с ножом и вилкой чуть замедлили движение.

— Боюсь, почти готово, — ответила она. — Не говоря о том, что ядерное оружие уже в ста двадцати странах, но есть еще несколько, которые практически готовы создать их, но им не дали...

Я кивнул.

— Да-да, в Ираке ядерный реактор разбомбили, в Ливии, Ливане, йеменских ядерщиков Израиль отстреливал настолько успешно, что там все затормозилось... Или вовсе заглохло...

— Но их наработки попали в более опасные руки, — сказала она. — Атомную бомбу сделали... или вот-вот были готовы сделать еще в ЮАР, но когда там отменили апартеид, вся местная наука разбежалась. Но все части к атомной бомбе изготовить успели. Где они теперь?

Я кивнул.

— Да, там к власти пришли негры, и сразу цивилизация в ЮАР вернулась на сорок веков назад, что так хорошо и приятно Штатам, Израилю и всему остальному злорадствующему миру демократии и политкорректности, о чем говорить не принято, но так и есть.

Она пожала плечиками.

– Сам говорил, сейчас как раз самое время двойных стандартов.

– Точно, – подтвердил я. – Переходим от одних стандартов, которые все еще разделяют повстанцы, к имперским стандартам. Потому и конфликт сознаний...

– Большинство населения, – спросила она, – не понимает, что мир превращается в империю?

– Да, – подтвердил я. – Только это всеземная империя, что вроде бы уже не империя, хотя империя. На планете вообще не останется независимых государств.

– Совсем?

Я посмотрел на нее с сочувствием.

– Сразу о своем Израиле?..

– А ты как думал?

– Увы, – сказал я с сочувствием, – хотя независимость Израиля продержится дольше всех и падет последней...

– Что-что?

– ...но участь твоей страны менетекелфарестнута, – договорил я.

– Не матерись, – сказала она сердито. – Хотя бы за кофе.

– А Библию не читала, – уличил я.

– Библию читала, – возразила она. – Только Новый Завет не Библия.

– Это в Старом, – сказал я. – Ну да ладно, у тебя хорошая женская память. Пойми, империя не может позволить существовать на планете хотя бы клочку земли, где могут делать в подвале опасный вирус.

Тем более не может позволить независимость государству, у которого ядерные бомбы.

– Официально их нет.

Я отмахнулся.

– Девяносто пять процентов всей политики делается неофициально. И не только в Израиле. То, чем мы здесь занимаемся, тоже политика, но кто в мире о ней знает?.. Ты ешь, ешь. У тебя есть места, где можно поправиться без вреда для фигуры.

Она покачала головой:

– Нет уж, с лишним весом я не доживу до прихода обещанного тобой бессмертия.

– Да? – спросил я с интересом. – А вот мне повезло. Если с открытием бессмертия дело затянется, то получу его не в семьдесят-восемьдесят, а в сто – сто десять лет, что вообще здорово!..

Она посмотрела в недоумении.

– И где везение?

Я пояснил довольно:

– Таким образом стану одним из самых старых людей планеты! Всего человечества!...

– Тебе нужен рекорд?

Я отмахнулся.

– В анус рекорды!

– А что тогда?

– У меня будет бесценный опыт, – пояснил я, – как это – быть молодым, средним и совсем старым, в то время как младшее поколение такого богатства не обретет!

Она ела дальше молча, но я видел в ее глазах невысказанную реплику типа того, что еще доживи до ста лет, это не так просто...

Ее сомнения вполне понятны, но, зная, какими темпами развивается медицина, особенно направление, в котором работаю, твердо верю, что если не бессмертие, то продолжительность жизни к моему восьмидесятилетию возрастет в два-три раза, а с ней точно доживу до бессмертия.

Я расплатился за обед и кофе, Эсфирь так же молча направилась к автомобилю и села за руль. Я опустился на правое сиденье, на улице тихо, предложил деловито:

— Гони! Но давай срежем вон через тот двор.

Она послушно повернула руль, но когда автомобиль ускоренно несся через тесный дворик, спохватилась:

— А он проходной?

— Почти.

— Это как?

— Сарайчик, — ответил я. — На дороге. Деревянный, просто жми на газ.

Она сдвинула брови, через мгновение автомобиль на большой скорости ударился в дощатую стену.

Треск, машину чуть тряхнуло, во все стороны брызнули мелкие обломки досок. Автомобиль освобожденно выметнулся на широкую улицу, Эсфирь спохватилась:

— А ты откуда знал, что в сарайчике никого?

— Откуда бы я знал, — ответил я успокаивающе. — Так, предположил... Рулетка.

— Скотина, — сказала она с чувством.

— А что, — сказал я, — их восемь миллиардов...

— Скотинища!

— Да ладно, — бросил я, — время намаза, не заметила?.. А люди в этих домах религиозные, видно

же! Потому на улице пусто, время обязательной молитвы.

Она чуть перевела дух, но поглядывала рассерженно.

— Скотина, и шуточки у тебя скотские.

— Я отношусь с уважением к местным обычаям, — напомнил я. — А ты?

— А они того заслуживают?

Я сдвинул плечами.

— Обычаи никакие не заслуживают, потому что из старины. А я, как человек будущего...

Она прервала:

— За дорогой смотри!

— Да смотрю, — пробормотал я. — Еще как...

Конечно, смотрю, она не подозревает, что смотрю одновременно и со спутника, потому заранее увижу, если где возникнет «пробка», и успею просмотреть все варианты объезда, но здесь, к счастью, таких проблем нет.

Да и вообще спутники обозревают всю поверхность планеты, а видеокамеры на дорогах позволяют следить за трафиком и нарушителями, а установленное в офисах, в аэропортах и на вокзалах оборудование дает возможность видеть, кто прибывает и отбывает, так что чувствую себя всемогущим...

Одна только тревожная мысль: а как это свойство впишется в общество, если отработать эту операцию на генах и таких людей станет много? Или такими будут все?

Понятно же, большинство используют сразу в личных целях, корыстных. Вон даже я, представитель чистой и благородной науки, сразу же и участок в элитном поселке приобрел, и огромный

роскошный дом в нем построил, осталось только павлинов в саду завести.

Оправдываюсь, что деньги увел с тайного счета наркокартеля, но все-таки не заработал, а преступно украл у настоящего преступника. Ладно, это мелочь, никому никакого какого вреда, но другие с моими возможностями могут повести себя безбашенно и без тормозов.

И поведут, сказал я себе мрачно. Потому, пока не будут заранее придуманы средства их обуздывать, нужно просто наращивать свои возможности.

Потому что я Контролер.

Глава 7

Пока она неспешно вела автомобиль вдоль ряда небольших магазинчиков с сувенирами, что выдвинули прилавки прямо к проезжей части, я водил пальцем по тачскрину айпада, а когда решил, что сумел показать титанические усилия, сказал с чувством:

— Хиггинс в доме. Вот что значит хорошо победить!

— Он уходил на обед?

— Мы уходили, — напомнил я.

Она спросила озадаченно:

— А какое это имеет отношение...

Я сказал с горестным вздохом:

— Чувствуется, что ты женщина... я имею в виду, без классического научного образования... Разве не прослеживаешь связь, что, пока мы там торчали

терпеливо, Хиггинс не появлялся, а стоило отлучиться на обед, как он будто шайтанчик из коробки?

Она пробормотала:

– Но это же случайность!

– В науке не бывает случайностей, – сказал я наставительно, – даже в жизни все закономерно и взаимосвязано. Ты, наверное, даже не слыхала про закон бутерброда?

– Немец какой-то? – спросила она. – Нет, не слыхала.

– Или еврей, – предположил я. – У евреев у всех фамилии немецкие.

– А если французские?

– Все равно немецкие, – отрубил я авторитетно. – Ты не знаешь этимологию слова «немец», так что молчи и похрюкивай в две дырочки.

Она вывела на широкую дорогу и некоторое время гнала на приличной скорости, пока особняк Хиггина не приблизился. Перед воротами не остановиться, места нет, стоянка запрещена, но есть благоустроенное место в полусотне шагов.

Эсфирь направилась туда, я выждал, когда остановились, кивнул в сторону бардачка.

– Не пропей и не прогуляй.

Она буркнула:

– Ты тоже там... не входи в загул. Дом красивый!

Людей не жалко, но здание не взрывай.

– И землю трясти не буду, – пообещал я. – Езжай домой. Жди звонка.

Она молча смотрела, как я выбрался из машины и захлопнул дверцу, а я ощутил, как мозг сразу начал анализировать ощупывающие нас лучи радара.

По ним моментально заглянул в дом, как же хорошо, когда все напичкано автоматикой и сверхсовременными приборами, а каждый уголок под видеонаблюдением! Чувствуешь себя хоть и не всесмогущим, но по крайней мере всевидящим.

На воротах тоже видеокамера, из будочки вышел молодой парень с автоматом наперевес, взгляд оценивающий и очень серьезный, что и понятно, на Востоке начинают взросльть с детства, как только берут в руки оружие, а берут с того момента, как могут поднять с пола.

Я приветливо помахал рукой.

— К мистеру Хиггинсу.

Он ответил таким резким и командным голосом, что либо он старше, чем выглядит, либо уже успел поруководить в боевых операциях:

— Стоп!.. Ни шагу дальше.

— Замер, — заверил я дружелюбно.

— Вам назначено?

— Нет, — ответил я искренне и с улыбкой уверенного в себе человека. — Но мистер Хиггинс меня примет. С удовольствием.

— Стойте, — велел он, — где стоите. Я проверю.

— Да, — ответил я, — конечно. Так бы я потащился на край света, если бы не.

Не слушая, он коснулся кончиками пальцев воротника, глаза по-прежнему не выпускают меня из виду.

— Сэр Кальтерберг!.. Тут какой-то человек, которого нет в списке, жаждет встретиться с мистером Хиггинсом.

Я прислушивался к голосу его начальника, тот проворчал недовольно:

– И чего он хочет?

– У меня дело с мистером Хиггинсом, – ответил я кратко. – Затрагивающее общие интересы. Думаю, мистер Хиггинс сам решит.

Он посмотрел с сомнением.

– Если он вам не назначал...

– Великие возможности чаще всего приходят неожиданно, – сообщил я. – Нужно только успеть увидеть их. И схватить вовремя. Потому что конкуренты не спят.

Он сказал недружелюбно:

– Минутку. Я сообщу мистеру Хиггинсу. Но если он вам не назначал... Мистер Хиггинс?.. Марьям, сообщите мистеру Хиггинсу, что явился тут один, настоятельно добивается встречи с ним.

Некоторое время слушал, я тоже, наблюдая, как секретарша Хиггинса связывается с управляющим, а тот, расспросив ее что да как, наконец соединил меня с самим Хиггинсом.

– Алло? – прозвучал сильный голос с европейским акцентом, хотя сам Хиггинс из старинной семьи южноафриканской элиты, некогда владевшей добычей полезных ископаемых, еще до отмены апартеида. – Слушаю.

– Мистер Хиггинс, – сказал я доверительно, – Очень важное предложение...

– Не нуждаюсь, – отрезал он, я увидел, что он уже отнимает трубку от уха и готов прервать связь, крикнул:

– Речь идет о вашей последней сделке!

Он задержал мобильник в воздухе, снова поднес к уху.

– Что за последняя сделка?

— Это не телефонный разговор, — напомнил я, — но если окажусь жуликом или коммивояжером, как вы предположили, можете вышвырнуть в окно с вашего пятого этажа, где вы сейчас находитесь, стоя у левого окна!

Он задержался с ответом, затем прозвучало то, чего я добивался:

— У вас будет десять секунд!

— Можно даже девять, — ответил я скромно.

Охранник, стоя в сторонке с нацеленным мне в бок стволом автомата, кивнул, слушая голос своего начальника, опустил оружие.

— Мистер... можете войти.

— На авто?

— Нет-нет, пешком, таковы правила.

— Ясно, — ответил я бодро, от ворот до парадного входа в дом не больше полусотни шагов, — я не гордый.

На крыльце еще двое молодцев, проверили на счет оружия, а в холле навстречу вышла молодая строгая девушка с движениями профессиональной секретарши и полными чувственными губами.

— Мистер, — сказала она бесцветным голосом, — идите за мной.

— С удовольствием, Марьям, — ответил я галантно. — Куда угодно.

Идти за нею в самом деле удовольствие, тонкая талия переходит в красиво вздернутый зад, помещенный на такие длинные ноги, что не пришлось бы подгибать колени, пальцы даже ощутили некий зуд от желания ухватить эти ритмично двигающиеся половинки.

Так поднялся за нею по лестнице на второй этаж, рассматривая ее задницу, а Хиггинс за это время переместился на лифте с пятого на второй, в кабинет возле лифта, все понятно, я же сказал ему, что он сейчас на пятом, потому старается поколебать мою уверенность в знании его привычек.

У кабинета рослый красавец в европейском костюме, и судя по лицу и цвету кожи, нордический ариец, встретил нас настороженным взглядом.

Секретарша сказала ему издали:

— К мистеру Хиггинсу.

Он кивнул, лицо ничего не выразило, хотя мог бы удивиться, почему это с такой спешностью ему пришлось переместиться вслед за хозяином на три этажа вниз.

Я чувствовал его цепкий взгляд, так оценивают готовность к сопротивлению, потому постарался опустить плечи еще ниже, шагнул в распахнутые для меня двери.

Секретарша осталась в коридоре, а поджарый ариец, напротив, вошел следом и остался у двери, загораживая ее почти такой же в ширину спиной.

Хиггинс, очень немолодой, но по-европейски подтянутый и полный энергии, повернулся в мою сторону от окна. Похоже, сесть так и не успел, сейчас метнулся в меня взгляд, полный раздражения.

— Говорите!

Я, не поворачиваясь, указал большим пальцем через плечо.

— При нем?

— Да, — отрубил Хиггинс. — Пять секунд!

— Ядерные заряды, — сказал я негромко.

Он напрягся, через мгновение кивнул арийцу. Тот посмотрел в негодовании, но послушно вышел из кабинета, хотя, как вижу по камерам в коридоре, остановился сразу за дверью.

Хиггинс сразу же потребовал:

– О чём речь?

– Вы знаете о чём, – ответил я примирительно. – А я располагаю достаточными полномочиями, чтобы предложить вам сумму в полтора раза выше. Надеюсь, я уложился в девять секунд?

Он подумал пару мгновений, не меняя выражения лица, крепкий орешек, взгляд его стал острым и цепким. Мне показалось, что начнет отнекиваться, говорить, что впервые слышит о каких-то зарядах, начнется долгий тягомотный разговор, однако он, похоже, умеет достаточно быстро просчитывать варианты и видеть, чем разговор закончится, потому спросил в стремительном и резком темпе:

– Кто покупатель?

Я улыбнулся.

– Мистер Хиггинс, вы же бизнесмен. Какая разница?.. Лучший покупатель тот, кто дает больше.

Он продолжал сверлить меня взглядом.

– Знаете, мистер...

– Мистер Икс, – ответил я и добавил с улыбкой: – всегда был поклонником этого персонажа. Правда, не по комиксам, а по сцене оперных театров. Семейные традиции, знаете ли...

– Мистер Икс, – сказал он, – как вы понимаете, меня тревожит утечка информации.

– Утечки не было, – заверил я.

– Тогда что?

— У вас хорошо с безопасностью, — сказал я одобрительным тоном. — Просто наша организация достаточно могущественна, чтобы иметь людей на той и этой сторонах, а также в правительстве.

Он постарался изобразить полнейшее недоверие.

— Даже в правительстве?

— Если уж быть совсем точным, — сказал я с предельной скромностью, — то... в правительствах. Сейчас где-то наверху решили, что этим трем зарядам можно найти применение лучше, чем задумал полуграмотный дикий шейх Хашим.

Лицо его оставалось напряженным, наконец он проговорил уклончиво:

— Трем?

— Всего их три, — сообщил я. — Вам потребовалось два, третий ушел другому покупателю.

Он подумал, напомнил осторожно:

— Уточните цель вашего визита.

— Вы бизнесмен, — сказал я поощрительно, — не сумасшедший боевик, что сражается за свои дикие идеи. Потому просто обязаны рассмотреть предложение, в котором вам предлагают в полтора раза больше, чем пообещал шейх Хашим.

В его взгляде снова метнулось беспокойство, а ответил он, как я и ожидал, достаточно твердо:

— Не знаю никакого шейха Хашима.

— Конечно-конечно, — согласился я. — Это тупой ограниченный фанатик, для которого самым худшим человеком на свете является сосед, как это всегда у недалеких людей. Мы же люди просвещенные...

Я сделал паузу, он договорил:

— Следовательно, взгляды у вас шире?

— И возможности, — сказал я кротко. — И финансы. И вообще влияние, как и солидные связи, даже в правительствах... ряда стран. А вы, как человек высокой культуры, просто обязаны рассмотреть вариант сотрудничества и с нами.

Он чуть перевел дыхание, ответил уже свободнее и раскованнее:

— Вы верно сказали, я бизнесмен. Потому могу вести дела даже с дьяволом, если это принесет мне прибыль, уж простите за откровенность!

— Это верно, — сказал я. — У нас с вами примерно одинаковые взгляды, никакого социализма. Просто мы, как бы сказать помягче, просвещеннее, а потому дьяволее этих диких шейхов. И размах у нас побольше.

— Значит, из этих зарядов, — сказал он, — намереваетесь извлечь прибыли больше?

— Мои хозяева так полагают, — ответил я уклончиво. — Я лишь доверенный в переговорах. Но сами посудите, культурный и образованный человек всегда может нанести вреда конкуренту больше, чем простой пастух, даже если он шейх.

Он усмехнулся.

— Вы слово «противник» изящно заменили словом «конкурент», мне это нравится. Конкурентная борьба — основа процветания.

— И прогресса, — добавил я учтиво. — Когда побеждает сильнейший, это улучшает все человечество.

— Золотые слова, — сказал он с чувством.

— Потому что истинны, — ответил я. — Их произнесла сама природа. В порядке личного расположения поделюсь с вами конфиденциальной ин-

формацией... Хотите? Вижу, вижу. В общем, взрыв ядерного заряда в Израиле даст шейху всего лишь моральное удовлетворение, что для людей такого типа очень важно. Но если заряд сработает в другом месте, очень далеком... попробуйте догадаться, что произойдет!

Он подумал, наблюдая за моим торжествующим лицом, наконец спросил осторожно:

— Понижение акций?

Я сказал с чувством:

— Не думал, что догадаешься! Значит, вы в самом деле очень хороший бизнесмен, мистер Хиггинс. Взрыв вызовет не понижение, а обвал!.. Сокрушительный. Кто-то потеряет десятки миллиардов долларов, кто-то всего лишь миллионы, но в целом рынок ценных бумаг просядет на два триллиона! Вы представляете, сколько заработают те, кто знает, что и когда случится?

Он охнулся и смотрел на меня остановившимися глазами, как неофит на пророка.

— Это же... да, это масштабы! Но все-таки позвольте мне проявить осторожность...

— Понимаю, — ответил я. — Если в полтора раза... гм... это что-то около девяноста миллионов долларов... Ладно, да что там мелочиться, пусть будет для ровного счета сто!.. Сейчас, одну минутку...

Глава 8

Он молча ждал, а я вытащил из кармана смартфон и поводил пальцем по экрану. Я не работаю ни в КГБ, ни в ГРУ, там сами предпочитают, чтобы

мой отдел был как бы отдельным учреждением: так и прятать концы в воду удобнее, и проверяющих меньше.

А это значит, что мне даже особенно хитрить не нужно насчет моих дел и занятий помимо работы по предотвращению глобальных катастроф. Я и до этого с интересом просматривал тайные счета наркобаронов, весь трафик по переводу и отмыванию денег как на ладони, но особо вмешиваться не хочу, торговля наркотиками так плотно вписана в экономику целых государств, что рискованно тронуть даже один элемент, вдруг да завалится вся пирамида и воцарится хаос, все всегда ведет к деградации и упадку.

Опыт введения сухого закона, хоть в России, хоть в США, показал, что силовыми методами проблемы такого типа не решить, нужно что-то более мощное, а что может быть мощнее идеи? Мухаммад это доказал, когда запретил принимающим ислам употреблять спиртное.

А раз я на подобные свершения не способен, признаю, то нечего и пытаться бороться с таким явлением, как наркомания или алкоголизм. Может быть, Мухаммад с этим бы справился и в мировых масштабах, но я проблему наркомании обхожу стороной, такое мне пока не по плечу.

Потому и сейчас вошел на один из таких третьестепенных счетов наркокартеля, на нем всего триста сорок два миллиона долларов, снял сто и перебросил напрямую на счет Митчела Хиггинса, не проводя через липовые и сотни офшоров.

— Мистер Хиггинс, — сказало я небрежно, — деньги уже на вашем счету.

Он посмотрел на меня с интересом и недоверием.

— Так быстро?.. Хорошо, сейчас проверим.

Он отошел в сторону, я сделал вид, что рассматриваю картины на стенах, хотя мозг сам, какой любопытный, проследил звонок к его бухгалтеру, а тот быстро-быстро посмотрел и сколько прибыло, и откуда, сообщил торопливо Хиггинсу, что перевод осуществлен из Южной Америки, крупный и солидный банк, все чисто, все правильно, деньги можно получить, перевести на другой счет, если изволите.

— Гм, — произнес он задумчиво, — деньги в самом деле прибыли. Причем с такой скоростью, что это даже пугает... Присядьте, мистер Икс. Вот это кресло просто изумительное, его делал сам мастер Джеймс Улер, лауреат мировых конкурсов дизайнеров.

Я неспешно сел, выказывая каждым жестом, что я величав и снисходителен.

— Мистер Хиггинс, это лишь говорит о мощи организации, которую я представляю. И о том, что деньги для нас значения практически не имеют.

Он сел напротив, кивнул, не сводя с меня пристального взгляда.

— Да-да, я знаю, что хотя Форбс ежегодно обновляет список первой сотни миллиардеров, но в нем никогда не появляются имена Рокфеллера или Ротшильда. Хотя у первого пять триллионов долларов, а у второго четыре с половиной...

Я покачал головой.

— Не думаю, что именно они за спиной нашей организации, хотя дела великих в самом деле неис-

поведимы. Но сейчас для нас важнее то, что деньги уже на вашем счету.

Он сказал с колебанием:

– Не знаю, не знаю... Я все-таки пообещал... Как-то нечестно, хотя это вроде бы смешно говорить о честности в мире бизнеса, но у нас такой особый бизнес...

Я кивнул.

– Вы правы. Честность сохранилась только в теневом секторе.

– Вы все понимаете, – сказал он с облегчением в голосе. – В нашем деле стараемся не составлять договоры, а все на честном слове. Как в старое добре время королей и рыцарей.

– Но, – сказал я, – учитывая реалии, они поймут вашу позицию и ваш жест доброй воли, если предложите им компенсацию за потраченное время переговоров... скажем, в размере тридцати миллионов долларов.

Он охнулся.

– Тридцати? Достаточно и миллиона!

– Не жадничайте, – сказал я благодушно, – дайте хотя бы пять... Что деньги? Теперь это даже не пачки бумаги, а вообще двоичный код в электрических цепях. Романтика пистолетов ушла.

Судя по его взгляду, он понял, насколько деньги для меня не имеют значения, но не потому, что я такой бессребреник, а просто их настолько много, что даже неинтересно.

Я поклонился.

– Мистер Хиггинс...

Он сказал торопливо:

— Мой помощник отведет вас... в место, где груз из... Восточной Европы. Я предпочитаю поскорее от него избавиться. Если желаете, я дам транспорт и пару помощников, чтобы все произошло поскорее.

Я сказал с облегчением:

— Спасибо, мистер Хиггинс. Это будет очень великодушно с вашей стороны.

Он бледно улыбнулся.

— Да-да, просто я на самом деле стараюсь дистанцироваться от таких опасных сделок. И чувствую облегчение, когда у меня на складе только легальный груз.

— Тогда приступим? — спросил я.

— Я сейчас же распоряжусь о погрузке, — ответил он любезно. — Что пьете? Виски, коньяк, вино?..

— Чистую воду, — сообщил я.

Он кивнул, не удивившись. Виски, коньяк и прочее — это для простых, у сильных мира сего радости выше и богаче, чем еда, напитки и женщины.

— Сейчас принесут, — сообщил он. — Располагайтесь пока здесь... я задействую самых надежных, чтобы все без сучка без задоринки.

— И в темпе, — добавил я.

— И как можно быстрее, — согласился он.

Я проводил его взглядом, он покинул кабинет радостный и потирающий руки. Все идет хорошо и просто здорово, даже первый звонок от него пошел управляющему насчет закупки гравия, затем разговоры с женой и двумя любовницами, но наконец-то последовал звонок, показавшийся мне очень интересным и в какой-то мере ожидаемым:

— Дорогой Хашим, — сказал он отрывисто, — наконец-то ты отозвался! Что у тебя с телефоном?

— Пустяки, — ответил лениво грубый мужской голос. — Заряды прибыли?

— Да, — ответил Хиггинс, — но тут такое дело... Ко мне явились очень могущественные люди, понимаешь? Они знают все об этих зарядах. Предложили сумму большую, чем даешь ты... Погоди-погоди!.. Я отказывался, но они пояснили, что им не отказывают. Понял?..

Голос прорычал угрожающее:

— Продолжай.

Голос Хиггинса прозвучал почти умоляющее:

— Мне пришлось им продать, но, дорогой друг, моя гордость ущемлена, а честь втоптана в землю. Я буду счастлив, если ты отберешь эти заряды по дороге.

На другом конце хмыкнули, тот же голос сказал резко:

— Куда повезут?

— В порт, — ответил Хиггинс торопливо. — Сам знаешь, отсюда только одна дорога — по дороге финикийцев. Есть очень удобное место для засады.

Грубый мужской голос ответил резко:

— Знаю то место. Но мне туда добираться почти полдня!..

— Я постараюсь задержать до утра, — пообещал Хиггинс.

— Тогда мы с тобой квиты, — сказал Хашим. — Но платим не сорок пять миллионов, а половину.

— Но заряды будут у вас все! — воскликнул Хиггинс шепотом.

– Нам придется добывать их в бою, – напомнил Хашим.

– Какой там бой? Я отправлю с ним своих людей, те сразу сдадутся без боя!

– А он сам?

– Не из тех людей, – заверил Хиггинс, – что сражаются. Сам увидишь.

– Все равно, – сказал Хашим настойчиво. – Ты же получил с него деньги сполна? Будь счастлив, что с меня возьмешь еще двадцать миллионов!.. И так у тебя получится больше, чем ты запросил!

Хиггинс ответил скромно:

– Я же бизнесмен. Обязан думать о прибыли. Желательно о повышении рентабельности.

Шейх оборвал:

– Хорошо, мы сошлись. Мне заряды обходятся вдвое дешевле, а ты получил с этих покупателей и с меня, так что у тебя в полтора раза больше, чем рассчитывал. Это взаимовыгодный бизнес, не так ли?

– Согласен-согласен, – сказал Хиггинс. – Приятно иметь с тобой дело.

Я все это время с интересом рассматривал картины на стенах. Все кисти европейских художников, везде только пейзажи. В исламе, как и в иудаизме, действует запрет на изображение живых существ, потому, к примеру, русский художник Левитан, будучи ортодоксальным евреем, рисовал только пейзажи, избегая на них помещать живые существа.

Так же рисовал и Шишкин, но, по слухам, в ночь на открытие художественной выставки в зал пробрался некто неизвестный и на его картине «Утро

в сосновом бору» пририсовал медведицу с тремя медвежатами. Правда это или нет, но тогда евреи в самом деле соблюдали Закон, а сейчас вот Эсфирь от ветчины за уши не оттащишь, хотя она в порядке компромисса называет ветчину рыбой...

Хлопнула дверь, Хиггинс вошел довольный, глаза блестят, с энтузиазмом потер ладони.

— Все в порядке, — сообщил он, — все идет хорошо...

— Рад, — ответил я, — а то мне показалось, с отгрузкой какие-то сложности. Как всегда, непредвиденные.

Он изумился.

— Откуда? Заряды в небольшом чемодане! Лежат мирно, как страусиновые яйца.

Я кивнул.

— Такие везти никаких проблем?

— Никаких, — заверил он. — Отправлю сопровождать своих лучших людей. Они прошли все войны в нашем регионе!.. Просто солнце уже опускается, поездку стоит отложить до утра.

Я спросил обеспокоенно:

— Ночами орудуют банды?

— Нет, — ответил он уклончиво, — но когда такой груз, лучше принять все меры предосторожности. Меня прямо трясет, а на душе спокойнее, когда пойдете под ярким солнцем. Не знаю почему, но на меня луна действует как-то неспокойно... Наверное, в моем роду были вервольфы?

Я ответил беспечно:

— Никаких проблем. Здесь ночи короткие. Посплю малость, а на рассвете и выступим.

Он сказал с облегчением:

— Прекрасно. Вам кажется, зря волнуюсь, но теперь вы в сфере моей ответственности, а это напрягает!.. Я бизнесмен, а не боевик, мне хорошо, когда все тихо и мирно.

Его палец коснулся кнопки на столе, в комнату вошла молодая женщина модельной внешности, разве что фигура получше, взглянула на меня, на Хиггинаса.

— Зульфия, — сказал он, — проводи мистера в гостевую комнату на втором этаже. Да, на втором.

Она ответила ровным голосом вышколенной секретарши:

— Да, мистер Хиггинс...

Я пошел за нею, гостевая оказалась роскошно меблированными апартаментами, где европейский дизайн сочетается с восточной изысканностью и роскошью, в прихожей можно играть в волейбол, кабинет в старинном стиле, а спальня выше всяких похвал.

— Если что-то желаете изменить, — проговорила она теплым постельным голосом, — только скажите...

Я покачал головой, продолжая рассматривать ее выразительную грудь.

— Ради одной ночи? Вы шутите. Все прекрасно, я доволен... Вы спите здесь?

Она замедлила с ответом, взгляд стал оценивающим.

— Поинтересуюсь у мистера Хиггинаса...

— Прекрасно, — сказал я с чувством. — Мне нравится мистер Хиггинс. Редко встретишь такого обаятельного и гостеприимного хозяина.

Она чуть наклонила голову.

— Постараюсь, чтобы вы не изменили своего мнения.

Она ушла, а я подумал, девочка уже догадывается, что Хиггинс, узнав, что я спросил и как спросил, пошлет ее ко мне. Мужчины не любят сидеть на диете.

Пока ее нет, сделал пару звонков по мобильной сети, пробежался по Всемирной паутине, где, кроме научных статей по моей теме, ничего особенно интересного, заглянул сперва в Центр биотехнологий, посмотрел, как и чем занят Геращенко и остальные работники, а через две секунды уже вошел на другом конце Москвы в сеть видеонаблюдения нашего отдела по предотвращению глобальных катастроф.

Хотя Гаврош прав, стоит называть уже не отделом, пусть пока еще и отдел по размерам и численности сотрудников, а Центром. Центр по предотвращению глобальных катастроф. И звучит солиднее, и нас заставит работать лучше, а относиться к такой важной работе ответственнее.

В отделе еще кипит работа, а в общую комнату, где основная команда, зашел Мануйленко, опрятно одетый, мягкий и предупредительный как в словах, так и жестах. Я заметил, что и у нас намечается некое разделение на физиков и лириков, и хотя вроде бы все физики, но Ивар и прочие работают над сегодняшними проблемами, как бы прикладники, а Мануйленко занят предотвращением, хотя это звучит слишком высокопарно, скорее изучением проблем завтрашнего дня.

Или даже сегодняшнего, но которые от нас не зависят, как, скажем, падение сверхкрупного астероида или превращение одной из близких звезд

в сверхновую, когда на Землю обрушится поток жесткого излучения.

Я быстро заглянул в его последние исследования: ну да, мониторит опыты по созданию микроскопических черных дыр, на ускорителях это возможно, внимательно отслеживает эксперименты с элементарными частицами, есть вероятность коллапса земного вещества, как и взрыва невообразимой мощности, что не только во мгновение ока покончит с родом человеческим, но и вообще превратит Землю в рой неупорядоченных элементарных частиц.

Для нас, конечно, это чисто умозрительный интерес, как и расследуемый им переход вакуума в новое метастабильное состояние, которое так взволновало его вчера, дескать, вся вселенная может мгновенно исчезнуть... во всяком случае та, которую знаем, но я то ли фаталист, то ли слишком бездумно верю, что Бог нас любит и оберегает от космических катастроф, а погибнуть можем только по своей дурости и наглости.

Мануйленко, похоже, относится к остальным сотрудникам отдела с вежливым презрением, как ученый – к рабочим по укладке асфальта. Наука по определению не может заниматься сегодняшним днем, а то, чем занят основной отдел, конечно же, не наука.

С другой стороны, если распад фальшивого вакуума или переход остаточной темной энергии в материю нас не должен волновать, просто исчезнем в долю секунды, не успев понять, что случилось, то переполюсовка магнитного поля Земли хоть от нас и не зависит, помешать мы не в состоянии, но

можно уцелеть, если заранее знать, чего ожидать и какие меры принять для выживания.

Я прислушался, Мануйленко все же больше занимается теми глобальными катастрофами, при которых можно что-то сделать, если заранее принять меры или хотя бы знать, что делать, если вдруг...

Скажем, если в результате некоторых внутренних процессов светимость Солнца увеличится достаточно сильно, то нужно срочно сделать то-то и то-то, или что предпринять, если на Солнце произойдет чрезмерно крупная вспышка и гигантский кулак энергии не пройдет мимо Земли, так как она вообще-то крохотная песчинка, что вращается вокруг Солнца на огромном удалении от светила.

Дело в том, что хотя с самим Солнцем сделать ничего не можем, но зарождение вспышки можно мониторить за недели, а то и месяцы, заодно точно рассчитать, в какой точке пространства в момент выброса будет Земля, попадет под удар или нет, а если все же попадет, то что нужно успеть сделать.

Мои орлы молодцы, хоть никто из них ни разу не кандидат наук, но в свою очередь посматривают снисходительно и с вежливым презрением к эстетствующему умнику.

Данко сказал мирно:

– Взрывы сверхновой да, опасны, но если случаются близко. Альфа Центавра или Тау Кита не в счет, они хоть и близко, но достаточно стабильны.

Ивар добавил:

– Сверхновая опасна лишь на близких расстояниях в двадцать пять световых лет и ближе, но у нас нет таких опасных соседей. Чего беспокоиться?

– И Тау Кита может стать опасной, – возразил Мануйленко. – Мы не знаем, какие процессы в недрах тех звезд!

– Совсем не знаем?

– Знаем недостаточно, – уточнил Мануйленко.

– И что нам это даст? – спросил Данко. – Превратилась ли в сверхновую, мы не увидим раньше, чем взорвется. Смертельные гамма-лучи выжгут здесь все живое в тот же миг, как заметим ярко засиявшую в небе новую звезду. Так что лучше изучать спаривание жуков-дровосеков. Я как-то видел одну съемку, вот это зрелище! И про звезды забудешь...

Мануйленко рассерженно махнул рукой и пошел к Гаврошу, но так, чтобы пройти мимо Оксаны и как бы невзначай пообщаться.

Один из отделов мозга, что жадно мониторит Сеть и здесь, в Дубае, сообщил, что Зульфия получила указание от мистера Хиггинса провести эту ночь со мной и сейчас уже идет по коридору в направлении моей двери.

Я оставил ее незапертой, и когда послышался стук, ответил громко:

– Открыто!

Она вошла, улыбнулась еще от порога.

– Не закрываетесь?

– Нет смысла, – ответил я небрежно. – Вся охрана на периметре, а здесь не от вас же закрываться?

Она подошла ближе, с интересом заглянула мне в глаза.

– Официант сейчас принесет ужин. Интересно, угадала ли я ваши вкусы...

– Угадали, – сообщил я и с удовольствием по-

трагал ее за выразительные вторичные признаки, даже слегка пожамкал.

— Откуда знаете? — поинтересовалась она, прямо глядя мне в глаза и делая вид, что не замечает, что и как я ей тискаю.

— Настоящие мужчины не перебирают, — пояснил я. — Только те, кто ничего не стоит, стараются придать себе значимость, делая вид, что знатоки в блюдах и сортах вин.

Приняв то, что я настоящий, она и в постели вела себя как нужно с настоящим, которому по фигу выверты, ему всего лишь удовлетворить свои потребности, этого вполне достаточно, как и простой здоровой пищи.

Послушная, как резиновая кукла, она выполняла все, что от нее требовалось, а это очень немного, после чего я сгреб ее в охапку и заснул, хотя какие-то части мозга капризно заявили, что им спать ну никак не хочется, я настаивать не стал, и они пошли гулять по просторам, проспектам, улицам и даже переулкам Сети, пока я находился в полном отрубе.

Глава 9

Утром, когда я спустился в гостиную, буквально через минуту с другой стороны вошел Хиггинс, сияющий и довольный, протянул руку с таким видом, словно хотел обнять.

— Мистер Икс, — сказал он бодро, — заряды прибыли! Переупакованы, готовы к путешествию. Отряд сопровождения сформирован, выступит сразу как скажете.

— Прекрасно, — ответил я.

— Позавтракаете?

Я покачал головой:

— Некогда. Но не откажусь от чашки кофе и пары местных сладких булочек. Здесь они просто изумительны.

Он кивнул с пониманием на лице:

— Да-да, такие дела лучше не затягивать. Кофе и булочки сейчас принесут, а я пока пойду взгляну, кого начальник охраны отобрал для сопровождения.

— Спасибо, — сказал я. — Как приятно иметь дело с человеком, у которого все четко и продуманно даже в мелочах!

Он светски улыбнулся.

— Кофе совсем не мелочи!.. А все остальное да, намного проще.

Официант внес на широком серебряном подносе большую чашку кофе и три блюда с разными видами печенья.

Хиггинс кивнул довольно и удалился. Я поймал себя на том, что никакой тревоги и мандражка нечувствую. Вот что значит, когда все видишь, все разговоры слышишь и в деталях представляешь, что, когда и как произойдет. Странное и чуточку пьянящее ощущение всемогущества, хотя, конечно, погибнуть так же легко, как и раньше, а мою ситуацию можно сравнить разве что с пассажиром курьерского поезда, который точно знает, в каких двух-трех местах поезд вынужденно сбросит на поворотах скорость, чтобы спрыгнуть и не сломать шею и ноги.

Насчет кофе и булочек я не польстил, в самом деле бесподобны, а после них спустился вниз на-

встречу яркому солнцу, что брызнуло в глаза из распахнутых настежь дверей.

Двор будто залит расплавленным золотом, утренний прохладный воздух быстро прогревается и теряет свежесть и чистоту. В полусотне шагов от дома с его тыльной стороны массивный джип с распахнутыми дверцами, навстречу нам с Хиггинсом шагнул поджарый смуглый красавец с бородой и чисто выбритым местом над верхней губой, где должны расти усы.

Я уже знаю, что это означает, но сейчас мне без разницы, он уже приговорен Хиггинсом для принесения в жертву.

Когда я молча остановился, он бодро отрапортировал:

— Командир конвоя Ахмед Зард! А это Абдуллах, мой заместитель. Прикажете...

Я кивнул.

— Если готовы, то в машину.

Ахмед сел рядом с шофером, Абдуллах на заднее сиденье. Когда они захлопнули за собой, Хиггинс сказал мне заговорщики:

— Взгляните на своих красавцев.

Он открыл багажник, я увидел даже не чемодан, а так, почти кейс. Уже в то время атомные бомбы уменьшились до размера, что их стали называть у нас «чемоданными», а в Штатах «ранцевыми».

Хиггинс сунул в замочек крохотный ключ, щелкнуло, крышка откинулась, словно на пружинке. Два сверкающих металлических шара, похожие на крупные елочные игрушки, расположились в уютных гнездах из темного бархата, как редкие драгоценности.

– Ну как вам?

Он откровенно гордился товаром, я ответил искренне:

– Кто-то очень любил их.

Он сказал с чувством:

– Думаю, даже бриллиантовое колье не выкладывали бы так же выигрышно!

– Жаль, – сказал я, – такие вещи нельзя держать дома в гостиной. А, честно говоря, очень бы хотелось.

Он посмотрел на меня с пониманием в лице.

– Чтобы все могли полюбоваться? Да, это вы точно подметили. Мечи, луки и даже автоматы можно вешать на стену, это украшение гостиной, а эти вот почему-то нельзя...

– Да, – ответил я со вздохом. – Хотя, возможно, кто-то мог приобрести пару таких штук для своей тайной коллекции. Восхищаются же в одиночестве выкраденными из Лувра картинами?..

Он вздохнул.

– Будь у меня хотя бы сотня миллиардов, я бы у себя их точно держал! Пусть в подвале, но все равно вечерами любовался бы их страшной красотой и совершенством!..

Он закрыл чемодан, я принял из его руки ключ.

– Красота – страшная сила.

– Успеха, мистер Икс.

– Благодарю, – ответил я. – Было приятно иметь с вами дело.

– Взаимно, – сказал он весело, – взаимно, мистер Икс!

Ахмед вывел автомобиль красиво и торжествен-

но, но едва миновали ворота, прибавил газу, сиденье подо мной дернулось, а меня вдавило в спинку. Прекрасная прямая дорога, широкий обзор и усиленный мотор позволяют гнать на скорости, которую в России даже на просторах Подмосковья сочли бы самоубийственной.

Сам Ахмед за рулем держится как во время веселой поездки к морю, однажды даже, наткнувшись на мой взгляд в зеркало, сказал весело:

– Надеюсь, когда доставим вас к вашему кораблю, не сразу отчалите?

– А что случилось?

– Неплохо бы искупаться, – ответил он честно. – А еще там такие веселые девочки...

– Успеете, – заверил я. – Но сейчас мы в дороге, везем ценный груз. Будьте наготове, вдруг разбойники?

Они переглянулись, Ахмед ответил с покровительственной усмешкой:

– Здесь безопасные земли.

– Но вас послали с оружием, – напомнил я, – обоих!

– Это для почета гостю, – ответил Ахмед. – Наш хозяин выказывает уважение. Он так всегда делает, но ни разу никто не нападал.

Оба посмеивались, красивые и уверенные в своей молодой моци. С полчаса так гнали, я поглядывал с орбиты на дорогу впереди и окрестности, наконец указал далеко вперед.

– Вон там вроде бы невысокие скалы, видите?.. Или руины римской крепости?

Ахмед сказал хвастиливо:

– Это еще крестоносцы, говорят, строили.

— Вроде бы сюда не добирались, — сказал я.
Он пожал плечами.

— Не знаю, но старики говорят так. Может, все и неправда...

Я сказал настойчиво:

— Те руины слишком уж близко к дороге.

— Эта дорога старше тех руин, — ответил он. — Крепость строили возле дороги. Но она сохранилась, а крепости давно нет.

— Там вполне может спрятаться засада, — сказал я. — Будьте настороже.

Ахмед заверил:

— У нас дороги свободные от преступников, уверяю вас, дорогой гость. Это в старые времена здесь бывало всякое.

Я ответил со вздохом:

— Ну как знаете. Все же я посоветовал бы вам держать оружие наготове. И быть готовыми к бою. А когда проедем это опасное место, можете снова расслабиться.

Ахмед посмотрел на меня с интересом.

— Дорогой друг, успокойтесь. Я вижу, вас что-то страшит. Но наша страна едва ли не самая мирная и спокойная в мире.

— Теперь нет мирных стран, — ответил я. — Вся планета начинает бурлить.

— Пусть бурлит, — произнес он с восточной неторопливостью. — У нас своя планета.

— Арабский мир?

— Поверьте, — ответил он с надлежащим высокомерием жителя благополучнейшей в арабском мире страны. — Даже в стране ислама это особое место.

Со спутника я сперва ничего не увидел, но всма-

трявался и всматривался, так как засада должна быть именно здесь, наконец взгляд вычленил одну распостертую человеческую фигурку за камнями, ограждающими от дороги, потом вторую...

Со стороны дороги их не видно, однако эра спутников сделала всю поверхность земли зри мой, а уже на подходе оптика с такой разрешающей способностью, что мирекологи по снимкам с орбиты и прямой трансляции смогут изучать муравьев, глядя на экраны в восемь К.

Развалины все приближаются, я уже придумал повод, чтобы остановить автомобиль и выйти, восхотелось почему-то пописать, как взгляд выхватил впереди на обочине дороги сильно наклонившийся набок автомобиль.

Правая шина спущена, двое немолодых мужчин неумело пытаются снять колесо.

Увидев наш автомобиль, оба бросили на землю инструменты и выскочили на дорогу, отчаянно размахивая растопыренными ладонями.

Ахмед сказал с иронией:

- Мужчина должен уметь следить за автомобилем.
- В Эмиратах никто не следит, – заметил я. – Здесь хорошо налажены авторемонтные службы.
- Правда? – спросил Абдуллах. – Приятно слышать... А у вас?
- У нас плохо, – ответил я. – Потому все умеют делать сами... Что вы делаете! Это же опасно!

Ахмед сбросил скорость и, подогнав автомобиль ближе, остановился. Абдуллах сказал мне с укором:

- Разве это не наш долг – помочь попавшим в беду? Или у христиан не так?
- А если это засада?

Он хмыкнул.

— Они могли открыть огонь, когда мы проезжали бы мимо. Или бросить гранату. Или быстро поставить мину.

— Ладно, — сказал я, — но все же... будьте начеку. Он посмотрел свысока.

— Мы можем определить людей, которые не собираются нападать.

— Ладно, — повторил я. — Все мы в руке Аллаха.

Он посмотрел с иронией, дескать, не прикидывайся, франк. Все равно ты не похож на достойного человека, в ваших развращенных странах нет таких, потому всем за грехи и недостойную жизнь гореть в аду.

— Разомну пока ноги, — сказал я.

Незадачливых автомобилистов всего двое, оба без оружия, типичные избалованные горожане, которые никогда не поднимали крышку капота и не знают, что под нею, как и ни разу не заливали бензин в бак, для этого есть служащие автозаправок, так что засада где-то среди нагромождения циклических камней по обе стороны дороги, двух уже вижу достаточно четко, хотя и только на спутниковых снимках.

Я отделился, на ходу расстегивая ширинку, хотя лучше вообще присесть, как поступают чистоплотные мусульмане, которым нельзя, чтобы даже капля мочи попала на брюки или обувь.

Но вот присел в укромном месте, здесь меня не видно, а отсюда, прислушиваясь, начал пробираться между глыбами дальше, стараясь увидеть противника раньше, чем он меня, и сверяясь с картой, что транслирует спутник.

Двое залегли шагах в десяти, наблюдая за дорогой, оба в легких рубашках, у одного на голове легкий платок, другой вообще с непокрытой головой. Настоящие романтики: ни маскировки, ни осторожности, прекрасно знают, что добыча легкая, сопротивления не окажет, но все равно убить нужно всех.

Я поморщился, однако Хиггинса понимаю. Ему нужно показать, что и его люди пострадали. Впрочем, за такие деньги не только он позволил бы перебить весь свой штат. Бизнес есть бизнес, чем человек богаче, тем крупнее и бесцеремоннее в нем убийца.

Боевики лежат, выставив стволы автоматов и раскинув широко ноги, словно при стрельбе из крупнокалиберной снайперской, для которой требуется особая устойчивость.

Первый смотрится просто копией Ахмеда, такой же смуглый джигит с угольно-черной бородкой, поджарый, второй по курносому и конопатому лицу смахивает на человека из Рязани, прямо коренного, но сейчас он рядом с боевиком из халифата, демонстрирует дружбу народов, ну раз дружишь с такими, то и судьба у вас будет такая же...

— Сусан, — сказал он вдруг хриплым голосом, — не могу утерпеть... Курну и сразу назад.

Сусан ответил, не отрывая взгляда от суэты возле автомобиля со спущенным колесом:

— Думаешь, это надолго?..

— Нет, но я успею.

— Только быстро, — предупредил старший. — И вообще надо бросать курить дурь...

Белобрысый отполз еще на пару шагов вниз, там начал подниматься, а я, хоть и не люблю это дело, но для спецназа это привычно, я же в данный мо-

мент выполняю работу одного из них, подкрался быстрышко, прислушиваясь к его дыханию, это дает почти стопроцентное знание, когда он развернется и увидит меня...

Он в самом деле поднялся на ноги и начал было разворачиваться в сторону вещевого мешка, на лямке которого я стою, а я одной рукой зажал ему ладонью рот, а другой полоснул лезвием ножа по горлу.

Он задергался, я медленно опустил на камни, стараясь, чтобы на нем ничего не звякнуло. Это смотрится отвратительно, острое как бритва лезвие пересекает горло, хлещет кровь, но я не спецназовец, а нейрофизиолог, для которого нейрохирургия – одна из вспомогательных дисциплин.

Сусан услышал мои шаги, буркнул, не поворачивая головы:

– Уже покурил?.. Быстро...

– Он курить бросил, – ответил я и аккуратно всадил нож в шею, в место, где атлас удерживает голову на плечах. Там расположен тот нервный узел, что моментально отключает все тело.

Он дернулся, но тут же ткнулся лицом в землю и больше не шевелился.

Я подхватил оба автомата, у белобрысого еще и двенадцатизарядный пистолет с запасной обоймой, это же счастье для любителя стрелять, а я хоть не любитель, но что-то и мне это дело начинает нравиться, в каждом из нас дремлет охотник на мамонтов, только и ждет возможности пробудиться и показать себя во всей неандертальской красе.

На всякий случай отошел в более удобное для меня место, ориентируясь по карте с американского спутника. При таком ярком солнце нагромо-

ждение камней как на ладони, сверху вижу каждого из боевиков, всего одиннадцать человек, а так как я трансгуманистично черствоват, то не чувствую ни угрозений совести, ни жалости, что какие-то из этих двуногих умрут по моей вине.

Хотя какая вина? Все хорошо, все правильно. Эволюция уже не чистит род человеческий, болезни тоже побеждены, потому уродов и дегенератов все больше. Остался последний метод, ваше слово, товарищ маузер!

На дороге прогремели выстрелы и тут же затихли. Не высовываясь, я увеличил изображение. Как и ожидал, около второй машины никого, тело Абдуллаха распростерто на дороге возле автомобиля, а убитого за рулем Ахмеда выдернули за шиворот, он мешком вывалился на землю и упал рядом с товарищем, под которым уже расплывается темно-красное пятно.

Похоже, оба даже не успели схватиться за оружие. Боевики коротко переговорили, начали оглядываться, позвали еще троих, завязался короткий спор.

Не надо читать мысли, чтобы понять, о чем разговор. Хиггинс наверняка сказал, что нас будет трое, убить нужно всех, иначе его участие станет явным.

Я проверил обе винтовки, калаши со сбалансированной автоматикой, не просто надежные, а безотказные, то что нужно боевикам, не часто посещающим оружейные мастерские.

Глава 10

Не высовываясь, смотрел глазами спутника, как несколько человек побежали в мою сторону. Я высунал ствол винтовки между камней, выпустил короткую очередь, затем перевел в режим одиночных и начал отстреливать несчастных дураков, что упали и затаились, вместо того чтобы быстро броситься к месту, откуда звучат выстрелы.

Конечно, первые обязательно погибнут, остальные сомнут, но они затеяли игру, в которой у них почти нет шансов, а если есть, то слишком мало...

Я стрелял и стрелял, часто меняя позицию, на случай, если у них отыщется гранатомет или очень хороший снайпер. Мозг автоматически отмечает убитых, уже пятеро остались лежать и никогда не поднимутся, а вот и шестой неосторожно высунулся, а во мне нечто рептильное уже просчитало каждое движение моих мышц, и хотя мне это кажется жутко медленно, но со стороны это выглядело бы как молниеносный поворот, и тут же выстрел без прицеливания, хотя на самом деле целиюсь я долго и очень тщательно, иногда до трети секунды.

Оставался их вожак, я угадал его положение в группе по его местоположению и по тому, как взмахом руки отправлял то одного, то другого мне навстречу.

Он звериным чутьем ощутил мое приближение, важное свойство натуры чувствовать опасность, иначе не стал бы вожаком, начал отползать, а когда я вскочил и вскинул пистолет, оглянулся и выстрелил дважды.

Я дернулся в испуге, хотя пули ушли далеко в стороны, да и стреляет он для испуга, с такой позиции попасть невозможно, если только не случайно, вот это и не нравится, я ученый, случайности нужно исключить...

Убегая, он, запнувшись, упал, сразу же перекатился на спину, на лице отразился страх, я успел подбежать, а дуло моего пистолета холодно и мертвенно уставилось ему прямо в лоб.

– Не стреляйте, – пролепетал он.
– Почему?
– Вы же культурный человек...
– Какая на войне культура? – возразил я. – Да и не человек я уже...

– Но...
– Трансчеловек, – сообщил я, как человек вежливый, хотя какая ему разница, но вот что-то такое сидит в нас, отвечаем. – Трансчеловек...

И выстрелил.

Со стороны дороги донеслись голоса, в мою сторону побежали двое в одеждах сельских жителей, автоматы демонстративно заброшены за спину, оба размахивают руками.

Я опустил автомат и стоял молча в ожидании, тоже не делая угрожающих жестов. Оба типичные кочевники, но я даже не стал шарить в Инете, читая их файлы, что-то подсказывает, что помимо воинских навыков у обоих еще как минимум по высшему образованию.

Один крикнул издали:

– Все чисто?
– Думаю, – ответил я, – это был последний.

Второй сказал с легким укором:

– Вожака стоило взять живым.
– Для бесчеловечных пыток в подвалах Моссада? – спросил я. – Нет уж, я милосерден... да и что он скажет? Это не Хиггинс, который покупает заряды. Где Эсфирь?

Они переглянулись, один сказал дипломатично:

– Карина Эссекс ждет вас у автомобиля.

– Хорошо, – ответил я. – Идем к вашей Карине.

Они снова переглянулись, чувствуя подтекст, типа вы к Карине, а я к Эсфири, подчеркивая свое более близкое знакомство.

Первый сказал почтительно:

– Она сказала, надо срочно вмешаться, пока вы их всех не перебили.

– А чего тянули?

– Старались понять, кто из них старший. А то возьмем не того...

У дороги возле автомобиля Эсфирь беседует с немолодым плечистым мужчиной, голубоглазым и светловолосым, словно кумык, в одежде зажиточного жителя эмирата.

Оба повернулись ко мне, мужчина жестом отпустил сопровождающих, те поспешили сбрасывать убитых в придорожную канаву и забрасывать ветками и камнями.

Командир отряда с интересом смерил меня взглядом. Я видел уважение в непривычных для израильтянина голубых, как у Лоуренса Аравийского, глазах.

– Вы... как?

– Допью кофе, – ответил я со скромностью короля, – и могу ехать обратно.

Он чуть улыбнулся.

— Ну да, у вас, аристократов, как же иначе? Только бабочку поправьте. Она у вас хоть и невидимая, но я ее зрю отчетливо.

Эсфирь покачала головой.

— Влад, ты смотришься бледным. Плохо спал?

— Да так, — ответил я скромно. — Хорошо, но мало. А чего не добавила «милый»?

Командир посмотрел на нее в изумлении. Эсфирь сказала зло:

— Не кривляйся, паразит. Быстро уходим.

Я повернулся к командиру отряда.

— Заряды не повредили?

Он заверил со скромной, но широчайшей улыбкой от уха и до уха:

— Оба целы!.. Миссия завершена успешно. Нашей признательности нет границ.

— Значит, уходите, — сказал я. — Ладно, Эсфирь, еще увидимся.

Командир сказал быстро:

— Приезжайте к нам в Тель-Авив!.. Встретим как героя. Или тайно, все по вашему желанию. Мы у вас в долгу. Неоплатном!

— Мир тесен, — ответил я.

Он сразу насторожился.

— Где-то столкнемся?

— Просто встретимся, — пояснил я.

Он кивнул.

— Хорошо, я бы не хотел, чтобы смотрели друг на друга через оптический прицел. Жаль, не всегда это от нас зависит.

— От нас всегда, — ответил я.

Он не назвался, хотя для меня это и необяза-

тельно, говорит по-русски чисто, без акцента, что и понятно, Израиль на треть из русскоязычных, из понаехавших только молодежь осваивает иврит, остальные так и остаются в своей языковой среде.

Правая рука руководителя группы явно араб, последние годы жизни начисто стерты из Инета, но по предыдущим видно, что один из преданных сторонников распространения ислама, однако высшее образование получил в Штатах, а общее интеллектуальное развитие не позволяет перейти на сторону фундаменталистов. Более того, честно сотрудничает с израильтянами, вроде бы парадокс, но у евреев и арабов один отец, Авраам, да и Коран вытекает из Библии напрямую, это христианство – куда более кривая веточка этого единого дерева...

Все, кроме Эсфири, поместились в автомобиль с зарядами, а она помахала вдогонку рукой.

– Не сильно струсили?

Я проводил взглядом быстро уносящийся автомобиль.

– А чего так долго добирались?

– Да как тебе сказать... – произнесла она.

– Говори, – сказал я великолепно. – Надеялась, что меня убьют и твое сердце не станет больше страдать и рваться от безудержной любви ко мне?

– Паразит, – сказала она с сердцем.

– Или хотела посмотреть, как сам всех перебью?

Конечно, было бы их там хотя бы дюжина, а то всего двенадцать человек

Она напомнила:

— Ты велел затаиться и ждать. Мы прибыли на три часа раньше боевиков!..

— Ох, — сказал я почти виновато, — я считал, что ты женщина... а те унылые существа всегда опаздывают... И как?

— Замаскировались, — сказала она сердито, — а они явились и начали устраиваться прямо на том же месте. Один мне чуть на голову не сел!.. Тупые, за целых три часа так ничего и не заметили.

— От тебя пахнет дорогими французскими духами, — пояснил я, — эти ребята такие запахи вообще не чувствуют. Им навоз подавай!

Она поморщилась.

— Зато я три часа нюхала, как от него несет жареным луком, жирнющей бараниной и какой-то кислятиной!

— Я тебе возмешу, — пообещал я. — При следующей встрече. Французскими духами.

— Я патриотка, — сообщила она с надлежащим высокомерием. — Что там какая-то Франция?.. Франция давно уже не Франция.

— Да, — согласился я, — лучше уж сразу в Алжир, чем в его пригород.

Она смотрела, как я обшариваю трупы, но я взял всего лишь пару гранат и пистолет с двумя обоймами.

— Ага, наконец-то вооружился, трус.

— Пойдем отсюда, — сказал я.

Она оглянулась, но дорога почти что пустая, даже не знаю, кто устроил пробки с обеих сторон дороги, боевики или люди Эсфири, а то и сам Хиггинс, но времени на операцию дали с запасом.

Она сказала серьезно:

— Я хотела показать Герману, что ты ас в этом деле. Ты же знал, где засада, потому вовремя скрылся, а затем дал бой. Он хотел сразу вмешаться, это я придержала!

— А если бы прибили? — сказал я с укором.

— Мы наблюдали, — ответила она серьезно, но чуточку виновато. — И успели бы... наверное.

— За «наверное» спасибо, — сказал я.

Она сказала со вздохом:

— Третий заряд, как догадываюсь, захотят использовать против американской базы.

— Какой? — спросил я.

Она двинула плечами.

— Да их тут полно. Взгляни на карту мира, как будто мухами нагажено... Это все их базы.

— Все же предупрежу ребят из ЦРУ, — сказал я. — Или, лучше, из МИС.

Она взглянула с интересом.

— Человеколюбие?

— Рациональность, — пояснил я. — Хотя штатовцы мешают и нам и вам, но в данном случае мы на одной стороне баррикады.

— Только слишком широко расставляют локти, — сказала она хмуро. — Это раздражает не только Россию, вы единственные, кто этого не скрывает. Ладно, пусть примут меры безопасности посерьезнее. Хотя и так на этом помешаны, но террористы как-то лазейки находят.

— Сто баз охранять труднее, — ответил я, — чем одну.

Она сказала саркастически:

— В самом деле?

— Но ты ж не знала!.. Ладно, а чего не поехала с отрядом?

— Мест не было, — пояснила она. — Автомобиль не резиновый.

— На колени бы к кому-то села, — сказал я.

— В Эмиратах строгие нравы, — напомнила она. — Остановят, оштрафуют, автомобиль могут обыскать. Зачем это нам?

Сзади послышалось приближающееся шурша-
ние автомобильных шин, возле нас притормози-
ла роскошная машина, оттуда весело предложили
подвезти.

Я оглянулся, дальше на дороге уже с десяток,
мчатся быстро, стараясь наверстать упущенное в за-
торе время. Похоже, движение возобновилось.

Возле нас то и дело притормаживали и предла-
гали подвезти. Мы вежливо благодарили и объясня-
ли, что туристы и просто гуляем, наконец возле нас
притормозил роскошный автомобиль с открытым
верхом, салон отделан вручную, за рулем женщина,
в арабских странах это редкость, на правом сиденье
еще одна, постарше и одета строже, в нашу сторону
посмотрела с неодобрением.

Женщина, что за рулем, — возраст средний, оде-
та элегантно по свободной арабской моде, макси-
мально приближенной к европейской, — посмотре-
ла с интересом.

— Туристы?

Вопрос прозвучал на английском, я смирен-
но смолчал, передавая бразды женщине рядом со
мной, а Эсфирь ответила уверенно и раскованно:

— Да. Обожаю Эмираты! Каждый отпуск провожу
здесь.

Женщина сказала с улыбкой:

— Меня зовут Джана. Я трижды бывала в Америке, но теперь туда ездят мои управляющие.

— А мне приходится самой, — пожаловалась Эсфири. — Но, к счастью, у меня толковый секретарь, все на лету хватает и во всем помогает.

Улыбка Джаны стала шире, самой все еще приходится отстаивать свое право управлять собственным бизнесом, потому так приятно увидеть еще более продвинутую женщину, которая умеет держать секретарем молодого и, надо отдать должное, достаточно фактурного мужчину, который и дело наверняка знает, а также несомненно обучен, как именно в свободное время развлечь хозяйку.

— Если в город, — предложила она, — садитесь, подвезу.

Она с интересом взглянула на меня, проверяя, насколько я свободен, но я смиренно дал понять жестом, что все решает моя хозяйка.

— Пожалуй, — сказала Эсфири нерешительно.

— Если хотите осмотреть руины римской крепости, — сказала Джана, — высажу там по дороге.

— Спасибо, — ответила Эсфири.

Глава 11

Я торопливо распахнул перед нею заднюю дверь и стоял с опущенной в предельной почтительности головой, пока она садилась, затем влез следом и осторожно сел рядом, всем видом выказывая свое почтение.

Женщина на переднем справа сидит молча и не двигаясь, явно у нее статус ниже, чем у меня, а Джана поинтересовалась:

– Дубаем восхищаются все, но это витрина, что вы видите как деловая женщина?

– Возможности, – ответила Эсфирь.

– Какие?

– Эмираты, – сказала Эсфирь, – самая богатая страна по нефти, если брать на душу населения, однако новые технологии скоро оттеснят добычу нефти на второй, а затем и третий план.

– Вы о солнечных панелях?

Эсфирь кивнула, встретив в зеркале ее внимательный взгляд.

– Да. Ваш противник Израиль не имеет нефти, но старательно развивает хай-тек. У вас огромное преимущество над всем миром в том, что есть огромные золотовалютные запасы, которые можно вложить в развитие солнечных панелей. Если уж в холодной Германии они начинают приносить прибыль, то здесь, где всегда ясное небо...

Она умолкла, Джана ответила с милой улыбкой:

– А еще говорят, что женщины не умеют смотреть в будущее! Вы правы, эра нефти вот-вот закончится, весь мир уже начинает подумывать, чем ее заменить...

– Здесь пустыня, – сказала Эсфирь горячо. – Если ее уставить солнечными панелями, собранной энергии хватит, чтобы обеспечить весь мир!

Джана сказала с легкой насмешкой:

– Вы говорите так заинтересованно, словно уже пытались...

Эсфирь сказала недовольно:

– Ваше законодательство слишком консервативное. Иностранцам запрещены многие виды деятельности.

Джана ответила спокойно:

– Потому что, как вы сказали верно, у нас огромные золотовалютные резервы и страна совсем не нуждается в иностранных инвестициях. Однако есть варианты, хоть и довольно сложные, как войти в наш бизнес. Возьмите мою визитку, если что-то надумаете, позвоните. Я люблю энергичных женщин! Мы все еще боремся против мужского засилья и должны поддерживать друг друга.

Женщина с правого сиденья протянула через плечо крошечный кусочек пластика, где я рассмотрел надпись золотом, как затейливой арабской вязью, так и помельче, английскими буквами.

– Спасибо, – ответила Эсфири. – И хотя я в отпуске, но стараюсь не упускать возможностей.

Джана ответила снисходительно:

– Мы никогда не бываем в отпуске.

– Ой, – сказала Эсфири с удовольствием, – я тоже. Но не признаюсь...

– В том смысле, – пояснила Джана, – в каких отпусках отдыхают рабочие моих предприятий, когда на целых две недели забывают о работе, производстве, вообще о городах.

– Да, – подтвердила Эсфири с горестным вздохом, – мы о ней не забываем... Но это же хорошо! Мне нравится думать о работе!

– Мне тоже, – сказала Джана с улыбкой. – И работать нравится больше, чем отдыхать.

Эсфири сказала так, словно выдает сокровенную тайну:

— Я иногда после зарубежных поездок вру, что отдыхала на курортах, хотя работала как лошадь. Иначе друзья не поймут.

Джана сказала с сочувствием:

— Как это знакомо!

Эсфирь вздохнула.

— Наш мир пока таков. Но мы его изменим.

— Мы изменим, — согласилась Джана, сделав ударение на «мы». — Кто, как не женщины?

— Спасибо, — сказала Эсфирь, — как приятно, когда кто-то, кто сильнее меня, думает так же... Ой, остановите вон там на перекрестке!.. По дороге к дому куплю сладости к чаю.

Нас высадили, я проводил взглядом красиво уносящийся элегантный автомобиль с не менее красивой и уверенной женщиной за рулем.

— Молодец эта красотка. Цивилизация продирается и сюда. Хоть и с поцарапанными боками.

Она пошла со мною рядом, я высматривал взглядом такси, а Эсфирь спросила с подозрением:

— Ты о роскошном автомобиле... или о роскошной женщине?.. Ладно, не отвечай, все равно соврешь. Хотя, конечно, ты хорош.

— Знаю, — ответил я скромно.

— В чем? — спросила она.

— Во всем, — сообщил я. — Особенно в работе с генной модификацией.

Она поморщилась.

— Тоже мне работа... Издевательство какое-то... Когда же вас запретят?

— Да, — согласился я, — наука такое дело. А вот убивать врагов цивилизации и прогресса — милос

дело! И приятно, и полезно. А врагами можно назвать кучу народа.

Она поморщилась

– Не язви. Только в порядке самозащиты.
– А зря, – сказал я покровительственно. – Лучшая защита – нападение. Зачем ждать, когда нападут? Нужно наносить упреждающие удары. Так дешевле. Хотя, конечно, сами по себе люди идеи мне нравятся.

Она насторожилась, даже уши приподнялись, как у дикой козы.

– Ты об этих фанатиках, что готовы применить ядерное оружие?

– Точно, – ответил я. – Это же высокая духовность, что полностью отсутствует в нас kvозь капи- талистическом мире! Кому не импонирует их высокая нравственная ценность, стойкость и чистота убеждений? Только дурак или дебил не оценит ввиду недоразвития своего демократического общества.

Она смотрела с подозрением.

– Ты как-то слишком серьезно говоришь...
– Я абсолютно серьезен, – заверил я. – В нашем развитом демократическом обществе уже отказались от устаревших понятий чести, верности, преданности и прочих феодальных пережитков. Хотя, конечно, отдельные недоразвитые ностальгируют по временам робингудов и пиратов, не представляя себе в реале, что это за...

– А эти здесь что... идеалы рыцарства?
– Точно, – подтвердил я. – Ты же видишь, жертвуют за идею даже своими жизнями! Ты можешь представить себе демократа, чтобы не то чтобы по-

жертвовал жизнью за идеалы демократии, а хотя бы пальчик дал прищемить?.. А эти с криком «Аллах акбар!» идут в бой, взрывают себя в окружении врага...

Она смотрела на меня исподлобья с откровенной неприязнью.

– Не думала, что они тебе нравятся.

– Конечно нравятся, – подтвердил я. – А еще своим презрением ко всякого рода воинским ухищрениям, хитростям и даже презренному обычаю западных военных надевать бронежилеты! Не по-мужски цеплять на себя с головы до ног пуленепробиваемые щитки, не по-мужски.

Она слушала, глядя исподлобья, наконец сказала с сердцем:

– Какая же ты сволочь!

– Правда? – поинтересовался я. – Значит, ты сама идеалистка. Борешься с преступниками, но с удовольствием смотришь фильмы и сериалы про этих ублюдков, будь это робингуды, корсары или современные мафиози. А я, увы, человек трезвый.

Она сказала зло:

– Идейные люди на той стороне... просто ошибаются! Их можно переубедить...

– А мне некогда, – сообщил я. – Прогресс уже не идет, не бежит, а летит. Переубеждать некогда. Прогресс согласных ведет, а несогласных...

– Пристреливает?

Она не ожидала ответа на такой прямой вопрос, но я кивнул.

– Да. Проще. И разумнее. Добро пожаловать в рациональный мир!

– Гад ты, – сказала она с сердцем. – Ненавижу твой мир.

— Ты его полюбишь, — сказал я знающее. — Новое всегда лучше. Сколько дуры ни мечтают попасть в прошлое и стать графинями, но быстро бы там озверели, когда вместо новой модели айфона пришлось бы обучаться пользоваться изящными блокхоловками из слоновой кости.

Она остановилась, осмотрелась, я тут же взглянул со всех точек видеонаблюдения за окрестными улицами, но вроде бы все пока тихо.

— Знакомое место, — сказала она. — Вон там удобная харчевня. Мило, уютно, а готовят... парижские повара помрут от зависти!

— Снова жрать, — сказал я с отвращением. — Ты же вчера уже ела. Забыла?

— Я не такая продвинутая, — сообщила она. — Мне электрической розетки недостаточно. Пойдем. Посмотришь, как я хорошо ем.

— Да ты все хорошо делаешь, — согласился я.

Она взглянула с подозрением, но я не стал додумывать, что помыслила, у женщин мозг работает иначе, да и надо ли мне угадывать в такой важный момент, когда в мысленном эксперименте, разрезав тщательно отобранный ген, я слежу за его развитием и превращениями уже на сто семнадцатой ступени...

— Ты на что-то намекнул?

— Пойдем, — ответил я мирно. — Посмотрю, из-за чего повара и гурманы мрут, как мухи на клейкой ленте.

Она покосилась с подозрением, что-то не так, хотя, на мой взгляд, я вполне различаю блюда, приготовленные так-сяк, блюда от хорошего повара и блюда, над которыми потрудился виртуоз своего дела.

Однако если передо мной поставят тарелку с так-сяк, а самое вкусное в мире будет в соседней ком-нате, я даже не подниму задницу со стула.

Более того, даже если оно будет на соседнем столе, и тогда не пересяду.

Настоящий мужчина презирает изыски в еде и напитках... хотя, возможно, это во мне говорит трансгуманист, хотя он говорил во мне изначально, но раньше я считал, что настоящий мужчина занимается наукой, а ненастоящие ищут смысл жизни в еде и разновидностях алкоголя, выставляя себя хотя бы в этом деле знатоками, раз уж в остальном ничтожества, хотя признаваться в таком не хотят даже себе.

— Что-то не совсем? — спросила она, чуткая, как все близкие к природе существа.

— Все так, — ответил я вежливо. — Город роскошен, женщины здесь ого, богатства о-го-го, вообще все так экзотично, и весьма, что даже как-то да, ты права, это же Эмираты, что еще скажешь, Восток есть Восток, дело тонкое, даже халва отсюда...

Она поморщилась.

— Репетируешь, как будешь отчитываться?

Мы перешли улицу, я открыл перед нею дверь. Эсфирь мимо меня прошествовала величественная и вместе с тем по-восточному женственная, как Жасмин, я даже уловил аромат духов, не заметил, когда это успела подновиться в дороге.

Харчевня оказалась вполне приличным кафе, хотя и в восточном колорите, но если не обращать на орнамент внимания, то все эти заведения, как и женщины, одинаковы. Разными их делает только наше желание видеть разнообразие, которое якобы делает нас самих богаче в духовном плане.

Насчет духовного богатства вообще-то очень удобно. Можно щеголять им, даже не зная, что это, но все равно хрен кто придерется. Чтобы придраться, нужно знать, к чему придиরаться.

Народ поглядывает в нашу сторону внимательно, Эсфири хоть и выглядит как легендарная Жасмин, однако держится с предельной скромностью, хотя к европейским женщинам требования в арабских странах, особенно в Эмиратах, столице мира туризма, снижены.

Хозяин, немолодой грузный мужчина с аккуратно подстриженной бородкой, приблизился неспешно, медленно и с достоинством поклонился.

— Приветствую вас, дорогой гость... Проголодались или просто зашли отдохнуть?

— Проголодался, — ответил я честно. — Неплохо бы перекусить мне и моей женщины... Нет-нет, меню не нужно. Просто принесите нам то, что у вас готовят лучше всего... и что насытит здорового мужчину и здоровую женщину.

Он улыбнулся, кивнул.

— Вы сделали самый правильный выбор.

На Эсфири бросил внимательный и оценивающий взгляд, как опытный врач на пациента, что с первого взгляда распознает больной желудок или никудышную печень, но Эсфири выглядит как жена Гарун-аль-Рашида, молодая, роскошная и блещущая здоровьем.

Вообще-то нет человека, который отличит арабскую женщину от европейской, это по мне сразу видно европейца, потому и для нее постараётся, а то не просто постараётся, а расстараётся...

Я прогнал настойчивый зов просмотреть последние данные экспериментов в Колумбийском инсти-

туте, только что закончили уникальную операцию на генах долгожителя, смелая попытка убрать старение, вернее, одну из причин, повернулся к Эсфирь.

– Ну, Фатима, заказать что-то особое или слопаешь что дадут?

– Слопаю, – буркнула она тихонько. – Ненавижу, когда Фатимой называешь!

– А что, прекрасное имя...

– Да, – огрызнулась она тихонько и приветливо улыбнулась поглядывающим на нее мужчинам, – но в твоей промерзлой и нас kvозь протунгусенной стране его взяли только для анекдотов... Закажи еще и пирожные, в этом квартале их делают по стаrinным рецептам.

– По стаrinным, – повторил я. – Для меня это не похвала, а наоборот, ну да ладно, ты ж у нас стаrinная.

Она бросила взгляд искоса.

– Это оскорблениe? Я старая?

– Любишь стаrinу, – уточнил я. – А это значит, у меня шансов нет, я же человек будущего.

– Да ладно, – сказала она с великодушной небрежностью, – шансы есть, все же малость помог...

Я отмахнулся:

– Не стоит благодарности.

Она спросила язвительно:

– Вот такой ты благородный?

В паузах между репликами я уже заменил мысленно пару генов в своем ДНК и старательно просчитываю сотни разных сценариев развития. Каждый из них дает по тысяче вариантов, никакой суперкомпьютер не проследит до конца за всеми, потому ответил чуточку раздраженно, хотя и шепотом:

– Эсфирь, вообще-то я помогал не тебе и гребаному Израилю, а стабильности в моем мире.

– Ох-ох...

– Потому, – сказал я с нажимом, – так же точно помогу, хоть и с меньшей охотой, Саудовской Аравии. Если, конечно, будут уничтожать террористов и поддерживать порядок в своем регионе. Что и делает, скрепя сердце, Америка.

Она поморщилась.

– Ты груб. Саудиты все равно падут.

– Даже раньше, чем думаешь, – согласился я. – Но не раньше, чем сможем восполнить там вакuum власти и править так же властно и бесправозащитно... А то, спасая раньше времени пару местных крикунов, можно ввергнуть страну в хаос, где погибнут миллионы.

– А тебе их жалко?

– Нет конечно, – ответил я с негодованием, – но в том хаосе можно такие угрозы создать человечеству!..

Она вздохнула, плечи ее чуть опустились.

– Какой ты практичный.

– Я знаю, что прекрасен!

Глава 12

Хозяин появился со стороны кухни лично, в руках бронзовый поднос старинной работы времен благочестивых халифов, от двух блюд поднимается густой пар.

Мои ноздри уловили дразнящий запах зажарен-

ной в специях птицы, Эсфири шумно вздохнула и вроде бы сглотнула голодные слюнки.

Я сказал с восторгом:

— Уже слышу по аромату!..

Хозяин ответил с довольно улыбкой:

— Это фазаны, их подавали на стол халифу в давние времена. Прошу вас, наслаждайтесь...

Я принял из его рук блюдо, поклонился, он не слуга, а хозяин заведения, по меньшей мере мне равен, я у него в гостях и тоже обязан выказывать знаки внимания и надлежащего уважения.

По лицу Эсфири видел, делаю все правильно, не умаляю и не перегибаю, все идеально сбалансировано.

Медленно работая ножом и вилкой, здесь на Востоке люди не спешат, даже ишаки ходят величавым шагом и тоже делают свою работу с чувством и достоинством, сказал тихонько:

— На юсовскую базу бомбу не доставить.

Она ответила тихо:

— Там такая многоступенчатая защита, будто окопались не на территории союзника, а в захваченном анклаве.

— Как на самом деле и есть, — уточнил я невинно.

Она нахмурилась.

— Это неважно.

— Видишь, — обронил я, — и ты понимаешь...

Она сказала сердито:

— Американцы знают, что их везде в мире рассматривают как врагов, хоть в глаза такое и не говорят.

– Насколько далеко, – поинтересовался я, – там простирается защита баз?

– Три кольца, – ответила она. – На третьем только блокпосты.

– А визуальное наблюдение?

– На три квартала, – сказала она. – Но бомбу не обязательно привозить на танке.

– Да, – согласился я. – Спасибо, ты хорошо объяснила. Словно сама планировала теракт или же руководила шахидами.

Она нахмурилась.

– Вот еще! В этом регионе штатовцы нам союзники.

– А в Нью-Йорке, – сказал я, – вы здорово те башни-близнецы грохнули!.. Штаты, как Израиль и добивался, сразу начали вторжение на Ближний Восток..

Она поджала губы.

– Не шути так. Полей мясо соусом, так вкуснее.

– А который из них соус? – спросил я. – Шесть перечниц!..

– Это соусницы, – пояснила она. – Перечница вот, у нее другая форма. А это соусницы, здесь разные приправы.

– С ума сойти, – буркнул я. – Зачем такое расточительство? И было бы в чем? Поубивал бы всех дизайнеров.

– Злой.

– А мне и без всяких соусов хорошо.

– Бесчувственный, как корова.

– Либо чувства, либо ум...

Общаясь вот так налегке, торопливо просматривал всю карту ОАЭ, сперва как политическую, чтобы

определиться, где какие американские базы, потом географическую, выявляя насчет дорог, наконец уже подверг тщательному рассмотрению со спутников подробную топографию путей и препятствий.

Конечно, на базе все прикрыли тщательно, хорошо понимают, что кроме американских спутников теперь сверху наблюдают и русские с китайскими, не говоря уже о европейских, индийских и прочих странах, что до поры до времени улыбаются и заверяют в дружбе и сотрудничестве, однако нож держат за спиной, потому что никому в мире не нравится американское силовое давление.

— Ну, — сказала она нетерпеливым шепотом, — о чём задумался?.. О бабах?

Я сдержанно улыбнулся.

— Главный плюс нашего раскрепощенного времени... что о бабах теперь вообще не думают. А раньше на это уходила уйма времени и творческой энергии.

— Зато какое время было, — ответила она со вздохом. — Женщин добивались, дарили им дворцы, рысаков и бриллианты только за благосклонную улыбку... Ты что там ишьешь?

Я поводил пальцем по экрану смартфона и повернул к ней.

— Показать? Хочу почитать «Протоколы сионских мудрецов». А то дуришь меня, а где, сразу и не соображу.

— Везде дурю, — сообщила она, — так что можешь не искать, просто спроси.

— Так соверши же, — сказал я.

— Совру, — согласилась она. — Но чтобы вратить мужчине, не обязательно быть еврейкой.

– Все женщины врут, – согласился я печально.

– И все мужчины, – подтвердила она. – Потому мир настолько хороший, а люди цивилизованные.

Я посмотрел на нее с уважением.

– Знаешь, была бы ты женщиной, я бы на тебе женился!

– И не дожил бы до утра, – отрезала она холодно. – Не отвлекайся, а это вон там что?

– Лазерная сигнализация, – ответил я. – За полкилометра до базы все автомобили просвечивают на предмет взрывчатки. Свои пропускают, чужаков останавливают.

Она наклонилась к экрану, чуточку раздвинула пальцами изображение, я видел, как всмотрелась внимательно, но тут же покачала головой.

– Хороший у тебя смарт, но вряд ли с ним найдем след... Теракт могут запланировать и на другой базе. Здесь их несколько, а проехать полсотни миль к востоку не так уж и трудно.

– Да, – согласился я. – Ты ешь свое странное блюдо, бери пример с человека.

Она фыркнула.

– Ты разве заметил, что съел?..

– А это важно? – ответил я. – Энергия в организме поступила, это все что нужно. А в каком виде... для настоящего интеллектуала не важно. Это только интелигент разбирается в еде и винах, но понятно же, интелигент – это просто очень самоуверенное и наделенное самосознанием животное, полное эгоизма и самоуверенности.

Она указала взглядом на хозяина, что с подносом в руках вышел из кухни. Из двух изящных чашек поднимается едва заметный пар, налито, как гово-

рится, «с горкой», но несет с грацией официанта, проработавшего здесь долгие годы..

– Не засиживайся, понял?
– За хорошим кофе почему не засидеться? – ответил я и добавил примирительно: – Да понял-понял, ты уже в нетерпении...

Она прошипела зло:

– Я твоих намеков не поняла, но на всякий случай прекрати, понял? А то не так истолкую и прибью!

Я молча принял из рук хозяина чашки с кофе, улыбнулся ему в ответ на понимающую усмешку. Женщины всегда чем-то недовольны, но мужчины должны быть терпеливы и снисходительны, как вообще люди снисходительны с детьми и домашними питомцами.

На выходе из кофейной мозг быстро сообщил, что приближается опасность. Я встрепенулся и посмотрел по сторонам уже весь в этом реальном мире, где я в этом несовершенном теле и где все такое непрочное, временное, рассчитанное на очень даже временных людей.

Эсфирь моментально взяла меня под руку.

– Что... опасность?
– Есть такое чутье, – пробормотал я.
– Чутье? У тебя?
– Это в понятных тебе терминах, – пояснил я. – А так, конечно, не чутье, а нечто иное...
– Что?
– Просто будь настороже.
– Я и то почувствовала, – ответила она быстро, – тогда держись ближе к стене.

Я дал оттащить себя от кромки тротуара, еще через пару секунд мозг, всматриваясь в картинки уже не со спутника, а промчавшись мыслью по всему дорожному движению города, уловил зависимость в хаотической суете автомашин на дороге и людей на тротуарах.

Сделав еще два торопливых шага, я резко остановил Эсфири за массивной колонной фонарного столба.

— Стой здесь!

Один из проносящихся мимо автомобилей с визгом тормозов встал у бровки как вкопанный. Дверца распахнулась, человек на правом сиденье вскинул автомат, но он уже у меня на прицеле, палец дважды потянул на себя спусковую скобу.

Эсфири, несмотря на мой строгий наказ, с пистолетом в обеих руках выдвинулась из-за столба, автоматчик как раз вывалился вперед лицом на край тротуара.

Я выстрелил еще раз, и автомобиль, торопливо рванувшийся было удирать от стрельбы, ударился в зад потрепанного «Ситроена» и остановился с поникшим водителем за барабанкой.

— За мной, — крикнул я и кивнул на дверь магазинчика сувениров в двух шагах. — Быстро!

Она молча ринулась следом, собранная и решительная, злая, как кошка, защищающая котят. У двери я посторонился, пропуская ее вперед. Второй автомобиль остановился у обочины, выскочили трое, а четвертый остался за рулем, настолько высокий, что пригнулся, наблюдая за нами сквозь лобовое стекло.

Кивнув с загадочным видом хозяину, я быстро провел Эсфири через подсобные помещения

в захламленный двор, где с потрепанного грузовика разгружают товар, оттуда быстро по улице вдоль фешенебельных домов и офисов.

Эсфирь, с натужной улыбкой быстро поглядывая по сторонам, спросила шепотом:

– А здесь... думаешь, не найдут?

– Найдут, – бодро заверил я. – Как не найдут!..

Ты как, за свободную продажу оружия населению или против?

– Мои убеждения, – огрызнулась она, – от ситуации не меняются.

– Напомню, – пообещал я.

– Пошел ты...

– А еще леди, – сказал я с укором.

Она с недоумением смотрела, как я быстро подошел к массивной офисной двери, потянул за ручку, и та послушно подалась, открывая вход в просторный холл.

Эсфирь торопливо вошла следом, бросила по сторонам тревожные взгляды.

– Они что, не запирают? Значит, не все служащие ушли?

– И что?

– Стреляй не во всех, – бросила она нервно, – кого увидишь.

– В мебель не буду, – заверил я, – да ладно, ты чего? Никак не запомнишь, что их восемь миллиардов?

– Нас, – отрезала она с нажимом.

– Чего?

– Нас восемь миллиардов!

– Ладно, – повторил я покорно, – вас восемь миллиардов... Давай сюда через холл. Отсюда можно

в соседний корпус, а там уже на улицу с той стороны...

Люблю эти старинные офисные здания, все массивно, просторно и вместе с тем громоздко, а в коридорах и помещениях пусто, рабочий день закончился полчаса тому назад, а это значит, что если кто и остался, то разве что для неких утех. Здесь за прелюбодеяние строго наказывают по исламским законам даже мужчин, что романтично, запретность всегда придает добавочный шарм.

Эсфирь как будто прочла мои мысли, повторила:

- Кто чем занимается здесь, не наше дело.
- Человеку до всего есть дело, – сказал я. – Как сказал Бен Гурион.

Она запнулась на полуслове, против авторитета Бен Гуриона возражать не решилась, хотя такие мудрые истины придумываю сам на каждом шагу, но из скромности приписываю авторитетам, так они весомее, а мне банальности по фигу.

Я хотя и почти бегу, но всматриваюсь в картинки со спутника. К нашему зданию подкатил массивный автомобиль, выскочили четверо, в руках автоматы, у двух на поясах пистолетные кобуры, это я рассмотрел с помощью камер, установленных на здании напротив.

Еще одна камера, уже на входе в этот офис, четко и ярко показала лица всей четверки. Двое арабов, двое с европейской наружностью, эти опаснее, бывалые наемники, не люблю таких, могли бы делом заняться после увольнения со службы, но вот решили, что такое дело романтичнее и прибыльнее.

Эсфирь за спиной спросила быстро:

- Ты хоть знаешь, куда бежим?

— Зачем? — изумился я. — Вперед в неизвестность! Иначе какая тогда романтика?

— Иди в жопу с такими шуточками, — крикнула она. — Это чье здание?

— Я думал, — ответил я на бегу, — ты знаешь!

— Откуда?

— Ты же обжилась здесь, — напомнил я. — Своя в доску. Это я весь беленький, а еще у меня кровь голубая... Но только кровь, только кровь!

Она вскрикнула, я оглянулся, она зашипела и бежит следом, сильно прихрамывая.

— Что стряслось? — спросил я в страхе, как это не услышал выстрела, она крикнула зло:

— Понаставили тут!.. Что-что, не видишь? Ногу ушибла!

Глава 13

Шипит чисто по-женски зло и рассерженно, это же не она виновата, что ударилась, женщины никогда не бывают виноваты, весь мир может быть виноват, но только не они, когда им нужно — сильные и независимые, а в остальное время слабые и беспомощные, которых мир обязан защищать, носить на руках и лелеять.

Я слушал, как проклинает тупых дизайнеров, что понаехали из Европы зарабатывать деньги на богатых арабах, а я присматривался и прислушивался ко всему, что происходит вокруг, одновременно находя проходы между ящиками с нераспечатанным оборудованием, зажрались шейхи, выписывают из Европы ценные приборы, что простирают здесь...

— Ого, — сказал я на ходу, — эти ребята и на ту сторону здания перебросили своих людей!

— Мы в ловушке? — спросила она. — Я позвоню своим. Сколько сможем продержаться?

— А твои далеко?

— Часах в пяти.

Я перешел на шаг.

— Столько не продержимся. Без кофе, имею в виду. А ты уже снова есть хочешь. По голодным глазам вижу. Когда волнуешься, аппетит растет, да? Я могу объяснить, как работает метаболизм...

Она огрызнулась:

— У меня не бывают голодными!.. Встретим здесь?

— А прорваться не хочешь?

— Не хочу, — ответила она. — Наше преимущество в обороне. На выходе нас просто пристрелят. А так полиция подоспеет, едва им сообщат о выстрелах.

— Умница, — сказал я бодро. — Соотношение потерь нападения и защиты три к одному, а в нашем случае вообще перебьем столько, сколько сунется... Верно?

— Не заносись, — оборвала она. — Такие гибнут первыми.

— Первым быть хорошо не всегда, — согласился я. — Такое бывает не только в перестрелке.

— А где еще?

— В науке, — сообщил я. — Первопроходцы частенько гибнут первыми. А плодами пользуются те, кто осторожно идет следом.

— Давай без намеков, — отрезала она. — Ишь, разнамекался!

Я кивнул, что ее насторожило еще больше, но я просто прикидывал, как поступит Хиггинс: сейчас он встревожен, шейх Хашим не отвечает, уже должен был сообщить насчет зарядов, дескать, получил, все в порядке, все предыдущие договоренности в силе.

А раз встревожен и не знает, что случилось, то послал все силы, что были в тот момент под рукой, а это немало. То, что нас выследили, делает честь его наемникам, наверняка уволившиеся или уволенные орлы из секретных спецслужб, морские котики, коммандос или зеленые береты. Вопреки расхожему мнению насчет чести служить стране, многие все же службу стране рассматривают как получение высокой квалификации, которой позже можно cozyрять при найме в частные структуры.

Эсфирия сказала быстро:

– Если Хиггинс не совсем дурак, то на выходе будет хорошая засада. Можно сказать, нас и гонят к ней.

– Дурак, – сообщил я, – вряд ли мог бы захватить всю добычу нефти в этом регионе.

Она бросила резко:

– Нефть нефтью, но он еще и строительный магнат! А это означает массу работающего на него народа, что хранит ему верность. Здесь так принято.

– Старые добрые нравы?

– Вот-вот.

– А еще, – напомнил я, – негласный властелин провинции Эль-Хуфуф в Саудовской Аравии?

– Верно, – согласилась она. – С таким непросто тягаться, не так ли?

— А зачем тягаться? — спросил я.

Дверь, мимо которой пробегаем на цыпочках, внезапно распахнулась. Пистолет в моей ладони дважды дернулся, посыпая пулью за пулей, и двое рухнули на пол, обливаясь кровью.

Эсфирь вскрикнула:

— Что ты делаешь?

— Устраняю, — ответил я лаконично, хотя чувствовал стыд, эти же двое, похоже, просто остались тайком в служебных помещениях посексуалить. — Прелюбодеяние в ОАЭ наказывается смертной казнью.

Она зашипела яростно:

— Нельзя же убивать всех подряд!

— Стараюсь тебе понравиться, — объяснил я, — потому и действую, будто я из Моссада.

Она нервно дернулась.

— Ты что? Мы никогда так не убиваем...

— Брешешь, — ответил я. — Все равно не поверю.

Не разрушай мою чистую веру в то, что хоть вы еще действуете прямо и без подтанцовки. Если враги, то как не убивать? Мы что, гуманисты какие-нибудь?

— Мы не знаем их степень вовлеченности в преступление, — объяснила она. — Да и вообще, они могут даже не знать... Потому их убивать нельзя!

— Что, правда? — спросил я изумленно.

Она сказала в сильнейшем раздражении:

— Ты не так представляешь себе работу Моссада!

— Да, — ответил я. — Ты права. Не так. Но вообще-то я за чистоту нравов. Закон есть закон, надо исполнять. Не нравится — протестуй и добивайся, но здесь было злостное нарушение морали и пра-

вопорядка. Нужно уважать чужие законы и обычаи, женщина!

— Это ты пресек, — сказала она зло. — И никакое это не уважение...

— Не отставай, — прервал я. — Там внизу уже движение... Лифты работают, слышишь?

— Поднимутся наверх, — ответила она, — зажмут нас снизу и сверху. Мы между молотом и наковальней.

— Между сдвигающимися стенками пресса, — уточнил я, как истинный ученый, для которого точность важнее красивости фразы. — Но опыт показывает, спрессовать удается не все. Та-а-ак, прибыли и на этот этаж... Слышишь?

— Вот теперь стрелять законно, — обронила она хмуро.

— Законно все, — сказал я, — если в руке пистолет. Думаешь, законы пишут беспистолетные? Пистолет в руке порождает власть...

— ...как сказал великий Мао, — досказалася она. — Знаю, читала вашу русско-китайскую философию.

— Тихо, — сказал я, — слышишь?.. Бегут сюда.

Она кивнула.

— Дадим бой здесь?

— Лучше ближе к выходу с этажа, — ответил я. — Можно контролировать, чтобы с той стороны никто...

Она двигалась за мною быстро и неслышно, пистолет в обеих руках, готовая стрелять в любой момент, но первым выстрелил я, когда впереди мелькнула тень человека.

Его отбросило на стену, а когда сполз на пол, все

еще цепляясь за облицовку под дерево, там осталась красная полоса.

Эсфирь остановилась возле меня, взведенная, как готовая к взрыву мина, бросила сердито:

— Мне показалось, он... не вооружен?

— Я же не так представляю работу Моссада, — объяснил я чуточку виновато. — А этот какой-то лохматый, такие всегда подозрительны при любом строе... Еще Платон их не любил. Понимаешь... я представляю эту работу такой, какая должна быть, а не такая, какая есть. Компренэ? Во главе угла, как сказал мудрец, должна стоять эффективность экономической модели. На своих ногах, без подпорок.

Она посмотрела остановившимися глазами.

— Ну и ну...

— Чего? — спросил я.

Она проговорила устрашенно и с отвращением:

— Даже не покраснел! Ты в самом деле из тех чудовищ, кто создают и перестраивают секретные службы. Как всегда, в худшую сторону.

— Но эффективную, — подсказал я. — А если вдруг что пойдет не так и нас обвинят в чудовищных преступлениях, я скажу: «А что вы хотите, это же был Моссад, я сам, как истинный демократ, осуждаю...»

— Сволочь, — сказала она. — Почему тебе даже не стыдно? Я же вижу!

— Отречемся от старого мира, — сообщил я, — отряхнем его прах с наших ног. Долой стыд, как сказала Клара Цеткин и провозгласила восьмое марта международным женским днем бесстыдства, что сейчас именуется свободой.

— А не Роза Люксембург?

— Как вы за своих евреев держитесь, — сказал

я одобрительно. – У нас такая политика была при Сталине с его приоритетом приоритетов отечественных изобретателей и вообще всего русского. Ничего, вы тоже переболеете...

– Да заткнись же...

– Тогда не отставай от прогрессивно мыслящего!

Продолжая говорить, я поднял пистолет, сделал еще два шага и выстрелил. Из-за края стены высунулась рука с пистолетом, но пуля из моего с силой саданула в кисть.

Послышался вскрик, пистолет выпал, а человек непроизвольно сделал шаг вперед.

Эсфирь выстрелила дважды, боевик рухнул вниз лицом.

– Молодец, – сказал я, – быстрая.

– Если я быстрая, – буркнула она, – то какой тогда ты? Ты видишь сквозь стену, что ли?

– Не отставай, – ответил я. – Сейчас проскочим это место... Прикрой меня.

Она не успела возразить, женщины часто возражают, потому что подворачивается возможность возразить, а я ринулся вперед, стреляя на ходу, но, думаю, Эсфирь все же не замечает, но каждым выстрелом убираю из числа противников, заодно из числа живых, по одному идиоту с автоматом в руках.

Хотя мне, как максималисту, кажется, что с автоматами в руками все идиоты, и вообще не идиоты только те, кто занимается CRISPR/Cas9, приближая счастливое будущее всего человечества...

А когда я говорю «все человечество», я вовсе не имею в виду всех живущих в нем сейчас двуногих.

Впереди коротко простучала автоматной очередь винтовка Федорова, узнаю по звуку. Пули с визгом ударили над нашими головами. Это хорошо, показатель низкой квалификации стреляющих. Как креновой прицельности, так и боязни, что подойдем ближе и застрелим.

Эсфирь, молодец, не палит зря, холодно и зорко высматривает все возможности, я шел впереди крадучись, прячась под стеной, а она то и дело разворачивалась и двигалась спиной вперед, охраняя наш тыл.

Вдали у выхода на лестницу двое залегли и открыли огонь из автоматических винтовок.

Эсфирь выстрелила дважды, я поспешил вмешаться, а то зря переводит патроны, а они денег стоят, один из стрелявших уронил голову, а второй поспешно юркнул за угол.

— Молодец, — похвалил я, — жаль, второго не успела.

Она напомнила гордо:

— Серебряная медаль на Олимпиаде!

— Но до бурятов вам далеко...

Тот, убежавший, высунулся на мгновение и выстрелил, а я только-только поднимал руку с пистолетом. Мышечные волокна взвыли от боли, но когда я наконец вскинул пистолет в нужную позицию, стрелявший уже исчез, оставив торчать дулом к небу армейскую винтовку.

— С той стороны должен быть выход, — крикнул я и ринулся вдогонку.

Лестница повела вверх, там промелькнула фигура мужчины в кожаной куртке и джинсах неприметного цвета, но пронесся с такой скоростью, что выстрелить точно бы не успел.

Когда я с разбегу вылетел в длинный и узкий коридор с дверьми по одну сторону и такими же с другой стороны, убегающий мелькнул в самом конце.

Стрелять вдогонку я даже не пытался, нервные сигналы у меня распространяются по телу с огромной скоростью, но мышечные не успевают, мозг уже сказал честно и беспристрастно, что пока вскину руку с тяжелым пистолетом в ладони, убегающий успеет за миг до этого скользнуть на угол стены, а строили европейцы по своим немецким стандартам, это значит, только выстрелом из танковой пушки можно отколоть кусок стены и достать гада.

Я выскоцил на широкую террасу, слева за невысоким изящным заборчиком пустое пространство глубиной в два этажа. Терраса идет по красивому овалу, так что у кайфующих здесь есть соблазн бросать бумажки из-под мороженого просто вниз на головы входящим.

Все-таки я сплоховал на бегу, он ринулся на меня из неприметной ниши, как буйвол на трепетную лань. Я даже не пытался выдержать удар, мозг успел проделать все расчеты моих возможностей и его, соотнося массу его тела, скорость, уровень интеллекта, и выдал оптимальный вариант действий или, как говорят придуры, самый оптимальный.

Повернувшись боком, я ухватил его за массивную цепочку на шее, дал подножку и успел набросить цепочку на металлический штырь ограды.

Здоровяк ударился о барьер, перевалился на ту сторону, однако цепочка удержала, я даже слышал, как хрустнули позвонки в его шее.

Я скользнул вдоль стены, успел подумать, как же это мой мозг узнал, что его вес сто девять кило-

граммов, скорость пятнадцать, интеллект равен шестидесяти трем... и мозг тут же радостно выяснил все сложнейшие расчеты и формулы, по которым все узнал и понял...

— Да заткнись ты, — сказал я зло, — неужели и ай-ай будет таким же гениальным идиотом...

Эсфирь с дробным топотом копыт набежала сзади, крикнула нервно:

— Ты что-то хрюкнул?

— Самокритикой занимаюсь, — сообщил я виновато. — Иди вперед, а то там опасно. А я буду смотреть на тебя сзади и любоваться, как любитель искусства для народа.

Она проскользнула вперед, но буркнула обиженно:

— Свинья.

— А что не так?

Она сказала чуть злее:

— Почему всегда только сзади?

— Ну, не всегда же, — напомнил я. — Что ты мне приписываешь несвойственное профессору поведение?..

— Будь серьезнее, — напомнила она.

— Не могу, — признался я.

— Что стряслось?

— Да ерундой занимаюсь, — ответил я честно. — Я же звезда в мировой нейрохирургии... ладно, одна из многих звезд, но все равно, что я здесь делаю?

— Все не тем занимаются, — отрезала она. — Почти всю жизнь не тем, чем хочется! Для тебя это новость?

— Нет, — ответил я, — но когда так близко время,

когда каждый сможет заниматься только тем, к чему лежит душа...

— Или вовсе ничем?

— Верно, — согласился я. — Таких девяносто девять из каждой сотни... Эх, там выход точно перекрыт, можно не смотреть в камеры, да тут их и нет...

— Но прорвемся?.. Нам и в руки полиции лучше не попадать!

Я крикнул, не оглядываясь:

— Стой там, иди сюда!.. Нет, стой, я сам иду, а ты сзади.

Она буркнула:

— Что за перепады. То вперед, то сзади...

— Покомандовать красивой женщиной так приятно, — признался я. — Ты же красивая, не знала?.. Ну вот, знал же, что скажу такое первым. Удивилась?

Глава 14

Она некоторое время держалась за спиной, я на бегу ломал голову, как будем выбираться — из здания всего два выхода, но сейчас оба заблокированы, а я не тот супермен, чтобы увернуться от выпущенных в упор автоматных очередей.

Эсфирь наконец крикнула в спину:

— Куда ты меня тащишь? Почему снова вниз?

— Женщина, — ответил я, — мужчины всегда вас куда-то ташат, пора привыкнуть...

Она пробежала немного, держа пистолет в обеих руках, крикнула сердито:

— Что, в подвалы?

— Догадалась, — сказал я одобрительно.

— А что там?

— Как всегда, — пояснил я бодро, — подвалы, темницы, гробницы, пещеры Али-Бабы и Синей Бороды, самый сладкий разврат и всякие запретности, что сейчас особо ценимы.

— Чего вдруг?

— А все разрешено, — напомнил я. — Все позволено, все доступно. Сейчас любая запретность дороже золота.

Впереди мелькнула тень, я остановил Эсфири, она прижалась к стене, навстречу хлестнули очереди сразу из двух автоматов. Я чувствовал, что могу спокойно считать выстрелы, но смысла нет, я же не знаю, сколько у каждого в обойме осталось, просто выждал, а когда чутье подсказало, что вот сейчас прекратит один, а за ним и второй, изготовленся и в нужный момент высунулся и быстро сделал два прицельных выстрела.

Эсфири зашипела за спиной:

— Ты рискуешь, но...

— Пойдем, — сказал я, — быстрее, корова!..

Она молча ринулась следом, за комплимент свое получу потом, пробежали, перескочив оба трупа. У одного прозвенел мобильный, я подхватил на бегу, со злорадным удовольствием увидел, что звонит Хиггинс, хотя на экранчике скромная надпись «номер неизвестен», ну да, неизвестен.

— А-а, мистер Хиггинс!.. — сказал я весело. — Как вы себя чувствуете?

На том конце связи голос заметно дрогнул, через пару секунд Хиггинс проговорил осторожно:

— Кто говорит?

— Мистер Хиггинс, — сказал я с укором, — у ме-

ня же такой уникальный голос!.. Как можно забыть, мы же общались всего пару часов назад!.. Ну пусть больше, но все равно...

Он прошептал упавшим голосом:

– Мистер Икс?

– Он самый, – подтвердил я. – Спасибо за развлечение. Жаль, вы послали не самых квалифицированных, тогда было бы интереснее... а так словно котят топили, почти жалко. Ничего, вот когда приду за вами лично...

Он вскрикнул:

– Мистер Икс, это была ошибка!..

– И серьезная, – подтвердил я.

– Мистер Икс, – сказал он торопливо, – это большое недоразумение.

– Согласен, – ответил я мирно, – меня часто не допонимали... земля им пухом. Я вообще-то добрый Убью и сразу прощаю. Гуманист с человеческим лицом. Мистер Хиггинс... я иду за вами!

Он вскрикнул:

– Мистер Икс, мы же бизнесмены!..

– Да? – спросил я с сомнением.

Он прокричал торопливо:

– Я сделал ошибку, доверившись не тем людям

– В нашем деле, – сказал я грустно, – ошибки обходятся дорого.

– Да, я готов заплатить!

– Да, – подтвердил я. – Вы заплатите.

И быстро оборвал связь, пока он не начал предлагать всего лишь доллары, а то и вовсе евро.

Эсфирь внимательно следила за моим лицом

– Ну как?

— Сволочь, — согласился я. — Но мстить — нерационально.

— А я слышала, — сказала она, — именно месть отличает человека от животного. Звери никогда не мстят.

— И разумные люди, — сообщил я. — Хотя, конечно, может выглядеть местью, если наносишь ответный удар.

— Уже готовишь оправдание?

Я криво ухмыльнулся.

— Оно готово тысячи лет. Даже в Библии насчет мести с похвалой. Мы можем нанести Хиггинсу вину не из-за мести, а по простой рациональности.

— В смысле?

— Он не остановится, — пояснил я. — Потому акого бы я остановить придется нам. Это рационально.

Она вздохнула.

— Мне тоже кажется рациональным, когда остаемся живы, а враги сдохнут.

— Вот видишь, — сказал я поощряюще, — ты уже почти готова к сингулярности. Нужно только когда пройти мимо напильничком... В основном, по зум, там нечувствительнее.

Она перекинула плечами.

— Заткнись!

— Ага, — сказал я злорадно, — чувствительная. прикидывалась таким обледенелым бревном!

Она пересела:

— Когда же им прикидывалась?

— В постели, — напомнил я.

— Свинг, — сказала она с чувством. — Совсем краяся.

Металлическая дверь распахнулась с лязгом, я впихнул Эсфири, услышал, как застучали ее ка-блочки по металлическим ступеням.

Позади послышался быстрый стук шагов погони, так что пистолет я взял в обе ладони и приготовил-ся стрелять как можно быстрее.

Выскочили трое, автоматы в руках, все готовы к стрельбе. Я трижды нажал на курок и шмыгнул за дверь. Очереди из двух автоматов успели пропустить пулями по металлу двери, а потом ушли в потолок.

Здесь нет камер, но тех данных, что получил мой мозг, достаточно для ясной и четкой картинки, которую составляет сам мозг из хаотичных вроде бы данных.

Это для меня они хаотичные, но я же помню, со-всем недавно суперкомпьютер ценой в сорок миллиардов долларов моделировал секунду мозговой деятельности человека, на что ушло сорок минут. Это важное занятие сожрало океан киловатт-часов, чего хватило бы на обслуживание ста тысяч домов, так вот в моем черепе сейчас работает именно этот компьютер.

Правда, такой же в черепе у каждого, но у тех всякой хренью занимаются, а вот у меня действительно работает. Если бы еще и тело с такой же мощью, я бы перепрыгивал небоскребы и швырялся «КамАЗами».

Картишка получается не просто четкая, а, главное, вижу в самом деле, что меня ждет за углом или за дверью. А уж из чего складывается: запахов, шороха, движения воздуха, повышения температуры

на сотые доли градуса – не так важно, я практик, мне важнее результат.

– Не отставай, – велел я и сам ощутил, что голос у меня изменился.

Два выстрела, один боевик покатился по ступенькам, второй просто опустился на бетонный пол и почти растекся там, как ком мокрой глины.

Она крикнула раздраженно:

– Ты сам не отставай!

Я крикнул бодро:

– Шнель, шнель!.. Щас догоню!

Дверь подпер трупом, а когда прогрохотал вниз за Эсфирию, услышал, как там наверху кто-то, сопя и ругаясь, с трудом протискивается в щель.

Узкая лестница привела в подвал, пахнет сыростью и несвежим воздухом, чего не люблю, хоть и не эстет, но уровнем цивилизации с детства приучен к чистоте и опрятности.

Она спросила с недоверием:

– Неужели здесь не перекроют?

– Даже не догадываются, – ответил я и пояснил: – об этом не таком уж и тайном ходе. Здание проектировали европейские инженеры, строили рабочие из Йемена, с теми и другими по окончании работ расплатились и отправили взад. А подвальные помещения сперва использовали как склад всякой рухляди, а потом и вовсе забросили.

– Дикари, – бросила она с отвращением.

– Богатые дикари, – сказал я. – И, к нашему счастью, расточительные. Так что не ворчи. Мужчины не должны быть мелочными.

Она огрызнулась:

— Я не мужчина!

— Правда? — спросил я с сомнением. — Тогда иди следом, Фатима, и сопи в две дырочки, даже если у тебя их и больше.

Она ответить не успела, я ускорил шаг, где перепрыгивая, где огибая на бегу, ухитряясь не задеть неустойчивые конструкции, где купленные в запас роскошные кресла нагромоздили поверх дорогой аппаратуры под самый потолок.

Еще пара дверей, навстречу пахнуло спретым несвежим воздухом. Помещение совсем заброшенное, я быстро просмотрел в Инете строительные планы, если что-то изменилось, нам каюк, но здешние хозяева живут на широкую ногу, доход зашкаливает, так что сюда сунутся не раньше чем бедность подступит с ножом к горлу.

Пахнет отвратительно, это наверху сухой прохладенный воздух, а здесь как в болотах Амазонки, влажно и сырь, каменные стены блестят, будто покрытые слизью.

Эсфирь бежит следом молча, я убедил, что у нее самый опасный участок, за нами могут послать погоню, а от выстрелов в спину защищаться нужно на бегу...

По системе туннелей под городом пробрались в южную часть города, когда-то промышленную, сейчас почти заброшенную. Я поднялся по вертикальной шахте, у самой крышки сигнал со спутника уже не прерывается, передача чистая и без помех, с минуту следил по четкой картинке за передвижениями на поверхности.

Снизу, ловко цепляясь за скобы, быстро поднялась Эсфирь, ткнулась головой в мои подошвы.

— Спрячь пистолет, — велел я. — Винтовку оставь здесь. И все гранаты...

— У меня нет гранат!

— Все равно оставь, — сказал я строго.

Тяжелый канализационный люк сдвинулся со скрипом, я осторожно выбрался в жаркий, залитый раскаленным солнцем мир, подал руку Эсфири.

Она легко выпрыгнула сама, настороженно огляделась.

— Это... что за район?

— Индустриализация, — пояснил я, — прошлого века. Берут пример со Штатов, там целые города бросают, как Детройт, а тут масштабы поменьше.

— Здесь был промышленный район?

— Да, — ответил я. — А когда все переместилось в нефтянку, то эти жилые дома опустели.

Она буркнула:

— Совсем обзорзели. У нас ничего не пропадает!

— Пойдем, — велел я, — спокойно, внимания не привлекай, сиськи спрячь, здесь не гнилой Запад. Могут встретиться банды. Сама понимаешь, такие районы для них самое лакомое. Не поверишь, но сюда все еще подают газ и воду!..

— Значит, кто-то живет?

— Дармовая нефть делает людей расточительными, — сообщил я. — А когда заканчивается или резко дешевеет, люди начинают и сами работать.

— Хоть и спустя рукава, — сказала она враждебно. — Недаром Моисей сорок лет водил наш народ по пустыне, искал место без нефти... Чего свернул?

— Так короче, — объяснил я.

Она недоверчиво фыркнула, но послушно пошла рядом. Мы обогнули длинный высокий дом, прошли

через заброшенный сквер, где все еще работают поливочные машины, и вышли почти на то же самое место, но Эсфирь смолчала, вовремя услышав шум грузовика и далекие гортанные голоса мужчин.

Сейчас можно ломать голову только над одной загадкой: как я узнал, что в нашу сторону едут то ли хулиганящие подростки, то ли мародеры в поисках чего-нить полезного в брошенных квартирах.

— Надо выбираться, — сказал я. — Здесь и поесть не найдем.

— Ну да, — сказала она. — Самое важное для мужчин! Поесть.

— Поесть и поразмножаться, — уточнил я. — Так Господь велел. А ты что, против Бога?.. Как насчет поразмножаться?

— Пока не готова, — буркнула она.

— В данный момент?

— Вообще, — отрезала она. — Ты не догадываешься, что мы здесь серьезным делом заняты?

Я ответил честно:

— Умом понимаю, но в то же время как-то все абсурдно...

— Что?

— Это не я такой несерьезный, — пояснил я, — а ситуации несерьезные. Это как на пикнике с шашлыками... И хотя сейчас на таком пикнике могут убить, но все равно для доктора наук как-то нелепо бегать с автоматом или даже с пистолетом в руках. Когда меня вытаскивали на загородный пикник на шашлыки, я уже через час начинал скучать по лаборатории.

— И что?

— Уже скучаю, — ответил я чуточку хвастливо, но в то же время и честно.

Она бросила исподлобья сердитый и несколько озадаченный взгляд. Ну да, а как же, всякий нормальный человек стремится за город на природу, где с упоением жарит шашлыки, а еще в обязательном порядке следит за новостями футбола. Это никакая не потеря времени, а как бы обязательный ритуал, хотя и непонятно какой и зачем, но, подозреваю, в память о наших плясках вокруг убитого мамонта.

— А ты человек нормальный? — спросила она участливо. — Хотя ученые все...

— Ненормальный, — заверил я. — Вернее, не нормальный. Я не оглядываюсь на лохматое прошлое, а с верой и надеждой смотрю в будущее.

— Напыщенно, — завила она.

— Знаю, — ответил я. — А мне насрать, я не подстраиваюсь под мнение вечно гыгыкающего дурака. Хоть их и восемь миллиардов. Не настолько я демократ, хотя вообще-то демократ.

Глава 15

Она умолкла, озадаченная, я ответил чересчур резковато, но в самом деле — достала героизация идиота, который пьет, курит, за здоровьем не следит, что значит — отважный герой, ага, а еще и работать не хочет, что прибавляет ему симпатии от легиона таких же.

— Опять сворачиваем?

— Да, — ответил я, — пока не выйдем в благополучный район... Хотя вон там у дома припаркованы два авто.

— Не смей, — предупредила она.

— Пешком опасно, — пояснил я, — нужно либо пройти два квартала по прямой... или пять по дуге. Что предпочитаешь?

Она буркнула:

— Ладно, сошлюсь на тебя. Нам позволено брать чужие авто лишь в случае крайней необходимости.

— Вот и хорошо, — ответил я бодро. — Все зависит от интерпретации крайности.

Продолжая держать в уме картинку со спутника, оттуда видно и то, что на той стороне дома, я прошел мимо обоих автомобилей, один сразу сам распахнул дверцу, удивив Эсфири, она по моему жесту села на правое, а я сразу же выкатил со стоянки и погнал на широкую дорогу.

Эсфирь нервно оглядывалась, но никто похищений не узрел, так промчались три квартала, затем я припарковался в переулке, Эсфирь отстегнула ремень и торопливо вышла.

Народ занят делом, то есть бездельем, в Эмиратах работают только понехавшие, а местные жители либо на государственной службе, либо созерцают красоту и удобства жизни.

— Фатима, — сказал я громко, — не отставай, женщина!

Она прикрыла нижнюю часть лица платком, но прохожие все же обращают внимание на ее идеальную фигуру и крупные блестящие глаза.

Мы пошли дворами по направлению к центру, я некоторое время рыскал по электронному миру,

просматривая все записи и восстанавливая следы телефонных разговоров.

Эсфирь спросила резко:

– Заснул?

– Только вздремнул, – сказал я, оправдываясь, и сладко зевнул в подтверждение. – На ходу, так кони спят. И мудрые слоны. А что случилось, женщина?

– Ничего особенного, – ответила она едко, – за исключением того, что нас чуть не убили люди хозяина провинции Эль-Хуфуф.

– Красивое название, – заметил я. – Как Эль-Аламейн.

– А что такое Аламейн?

– Не знаю, – ответил я, – но с этой приставкой «эль» звучит красиво. Не потому, что эль – это как бы пиво, а из разряда красивых таких слов, как алкоголь и алгебра, тоже придуманные арабами в этих краях.

Ее передернуло, как будто я сунул ей за шиворот горсть снега.

– Ты хоть помнишь, что за нами охотятся люди Хиггинса?

Я зевнул натурально и с подыванием.

– А это точно не случайность?.. Ты же знаешь, вся жизнь возникла благодаря случайности. И мы тоже. Подумать только, триста миллионов сперматозоидов мчались к яйцеклетке! А вдруг какой-то успел бы обогнать моего?.. Вместо меня жил бы другой... До сих пор вздрагиваю. Подумать страшно, у меня был один шанс из трехсот миллионов! Вообще-то я какой-то невиданный счастливчик.

– С другим бы я наверняка поладила лучше, – отрезала она.

— А если бы он стал политиком, — предположил я, — или, прости за бранное слово, артистом... и все равно носил бы мое имя?

— Ты и так артист, — сказала она с отвращением. — Говори, что надумал?

— Надо засветиться, — предложил я. — Пусть погонятся. А там завести погоню в темное место.

— Что за место?

— Это эвфемизм, — пояснил я, — и в этом темном, что не темное, захватить временно живого, спросить, кто послал.

— Хиггинс, — сказала она уверенно. — Не догадываешься?

— Хиггинс, — согласился я. — Но не думаю, что он все еще там, где был.

— Почему нет? У него не дом, а крепость.

Я подумал, кивнул.

— Проверим.

Она посмотрела с подозрением, словно я уже в самом деле все проверил, как на самом деле и есть, ибо пошарить в доме Хиггинаса, напичканном электроникой, проще простого, но я больше старался вообще-то отыскать третий атомный заряд, только пока нет даже следов.

Не покидает ощущение, что все три везли вместе, а потом два передали Хиггинсу, а один еще кому-то. Но это случилось то ли на границе с Эмиратами, то ли где-то там в пустыне.

К сожалению, я так расслабился с этой уже общепринятой практикой все помещать в цифровой вид, что уже и не пытаюсь копать глубже, а на самом деле наверняка смогу, если чуточку поднатужиться.

— Как проверишь? — спросила она.

— Возможно, — сказал я, — стоит сперва зайти к Хиггинсу лично. Мне кажется, он перешел черту, так ему и сказать такую истину. Вот удивится!

Она фыркнула.

— Еще бы! Перешел так перешел...

— Бизнес тоже надо вести честно, — сказал я умность. — Ну, в допустимой форме...

— Сравнительно честно?

— Именно.

— «Немножко беременна», — сказала она, — это из той же песни?

Я кивнул, не вникая, что там вякает красивая женщина, ими нужно любоваться, как павлинами, но чтобы слушать павлинов, как и лебедей, нужно быть совершенно глухим.

— Может быть, торговать атомными бомбами — особый шик? Уважения больше, титул короля преступного мира на блюдце...

— Тогда уж оружейного, — уточнила она.

— А почему не преступного?

— Во главе преступного, — пояснила она, — короли наркокартелей.

Я подумал, кивнул:

— Да, верно, на слуху только оружейные бароны. Ни одного графа, тем более герцога. Может, потому Хиггинс и добивается титула строительного короля?..

— У тебя хаотичное мышление, — сказала она обвиняюще. — Ты можешь на чем-то сосредоточиться?

— С трудом, — признался я. — Такая вот у меня разносторонняя натура. Мне бы в творческие работники... Хотя учение и есть самая творческая, но все эти гуманитарии сумели убедить, что именно

они занимаются творчеством, и если их обижать, мир рухнет.

— А не рухнет?

— Никто даже не заметит, — ответил я. — Все равно все искусство вот-вот отомрет, как, к примеру, любой спорт.

Она бросила взгляд на экран навигатора, брови приподнялись в изумлении.

— Ты что, всерьез прешь к дому Хиггинса? Что не дом, а дворец? Вернее, крепость?

Один из проносящихся мимо автомобилей остановился по взмаху моей руки, роскошный лимузин с ручной отделкой салона.

Водитель, солидный мужчина, спросил приветливо:

— Подвезти?

— Если не затруднит, — ответил я вежливо. — Мы слишком уж отделились от своего авто, рассматривая красоты этой созданной Аллахом земли.

Он гордо улыбнулся, это же его страна, патриот, обе задние дверцы распахнулись по его жесту.

— Где ваш автомобиль?

Эсфирь ответила медленно:

— Да ну его, потом привезут. Мы устали, я хочу обратно домой...

Я сказал заботливо:

— Домой так домой, дорогая.

— Адрес? — спросил водитель.

Она ответила тем же усталым голосом измученной местными красотами богатой туристки, водитель кивнул и погнал автомобиль по широкой улице.

Глава 16

В душевую она отправила меня первым смыть дорожную пыль, это как бы забота о госте, хотя там я, стоя под тугими прохладными струями, видел, как быстро и деловито отправляет сообщение, что видела и что делала после успешного захвата ядерных боеголовок, получает инструкции, рекомендации, ну а так ничего особенного, в основном наблюдать и ждать дальнейших распоряжений.

Я выждал, когда она закончит сеанс связи, и вышел из душевой, оставляя мокрые следы на полу и вытираясь на ходу мохнатым полотенцем.

Она обернулась от плиты.

– Уже?.. Сейчас сполоснусь, а ты посмотри пока, а то подгорит, еще пожар устроим!

– А чего еще из автомобиля не дала команду поджарить и полить соусом?

– Это не моя квартира, – возразила она. – Здесь стандарт, никакой настройки на одного хозяина!

– Ладно, – буркнул я, – иди. Но не ручаюсь. Кухня – это слишком сложно для самца, даже если он доктор наук и профессор.

– Только попробуй, – пригрозила она уже из коридора. – А то все пожрешь, а скажешь, сгорело!

В душевой она в самом деле только смыла пыль, никаких сеансов связи, а когда вышла с полотенцем на копне мокрых волос, я уже перекладывал со сковородки на тарелки хорошо прожаренные свиные ребрышки.

– Это рыба, – сказал я, – что чешется о забор, европейцы называют ее свининой, но мы же знаем, что это вполне кошерная рыба...

- Заткнись, – посоветовала она.
- А что я сказал не так?
- В странах варваров можем есть все, – напомнила она.
- Хорошая у вас религия...

Ела она азартно и с аппетитом, как, впрочем, и все, что делает и чем занимается. Я даже залюбовался, нам всем нравится, когда наше домашнее или даже дворовое животное хорошо лопает.

А она даже причмокивает от удовольствия, глазки блестят, а щечки раскраснелись, никакого жеманства насчет великосветских манер, которые нам пытались бабушки и дедушки втюхать в детстве.

– Надеюсь, – сказала она шепотом, – ребята доберутся благополучно. Там пути и дороги давно отлажены.

– Можешь не таиться, – ответил я. – Я поставил глушилку.

– Я тоже, – ответила она, – но на всякий случай...

Я сказал гордо:

– У меня последнего выпуска. Ни малейшего сигнала из твоего мобильника!

– Здорово, – сказала она с завистью. – Штатовское?

– Отечественное, – ответил я с гордостью. – У нас на оборону работают лучшие умы, как у вас на бизнес.

– У нас тоже на оборону, – возразила она, – мы тоже в окружении врагов... Но у нас маленькая страна, все сами не успеваем. Представляешь, сколько влиятельных людей, которые хотели бы уничтожить Израиль? Не успеваем отслеживать!

— Вот-вот, — сказал я с сочувствием. — Как тебе эта жареная рыба?

Она округлила глаза.

— Какая рыба? Мясо?

— Ой, — сказал я, — извини. Я думал, вы и ее называете рыбой, чтобы не нарушать закон...

Она поморщилась.

— Ты насчет свинины?

— Ну да...

Она посмотрела на меня с презрением.

— Хороши были бы мы разведчики, если бы нас так легко вычисляли, всего лишь подав на стол свинину!.. Да и вообще у тебя какие-то дикие представления. Свинину не едят только ортодоксы, а все остальные... Сало — это строительный материал для мозга, как одновременно и его топливо. Вряд ли Эйнштейн, Киссинджер или Цукенберг добились бы чего-то заметного, если бы не употребляли сало!.. Так что не удивляй и не пытайся сожрать все сам.

Я сказал поспешно:

— Понял-понял, не посмею. Но отслеживать террористов, как вы делаете, это... не то.

Она фыркнула.

— А что, по-твоему, то?

— Как уже говорил, — напомнил я, — тот метод был хорош в неторопливом детстве. Все было легко и просто. Но сейчас главная опасность не от террористов, а от увлеченных учёных. От энтузиастов, которым проклятые правительства не разрешают неэтичные опыты, хотя наука выше этики!

— Это говорят только сами учёные, — уточнила она.

— Но разве не ученые создали этот мир? — напомнил я. — Они обретают все больший вес, а голос их становится громче. Это хорошо и правильно, но... и опасно.

Она чуточку помрачнела, даже ножом и вилкой начала работать медленнее, наконец спросила с усилием:

— И, как, по-твоему, с ними бороться?

— Метод сложен, — ответил я, — но прост. Всем понятен, но почти все против.

— Полный контроль? — спросила она с отвращением.

Я кивнул.

— Да, тот самый, против которого кричит вся тупая общественность... Как будто силовым структурам важно, как кто мастурбирует в ванной или пендюриит жену брата.

Она покачала головой.

— В городе еще как-то можно, хоть и трудно, однако как в саванне Туниса?

— А спутниковое наблюдение на что? — спросил я.

— Ночью как?

— Чуть хуже, — согласился я, — но можно, разрешающая способность видеокамер растет по экспоненте. Да и вообще... Если что-то перевозят ночью, то груз автоматически вызывает подозрение и требует немедленной проверки! Насрать на суверенитет, если там опасность для человечества.

Она пробормотала:

— Вот-вот... Добрались до самого больного места.

— Да, — согласился я. — Прямо скопище нервов. Всю историю человечества племена, а затем целые

страны и народы ревниво отстаивали свою независимость. Все войны из-за посягательства на суверенитет!.. И как вот теперь?.. Но если хотим выжить, то суверенитеты стран и государств должны быть такими же, как у областей и городов, где свое управление и свои местные бюджеты, но армия и законы царят над всеми, так сказать, на федеральном уровне!

Она вздохнула.

– Понимаю, почему говоришь именно мне с таким жаром. Да, Израиль будет противиться яростнее всех.

– Хотя поймет необходимость одним из первых, – уточнил я.

– Израиль согласился бы, – сказала она, – если бы это он устанавливал законы всему миру!.. Но этого никто ему не позволит, дураки набитые, а нам трудно согласиться, чтобы...

Она замялась, я продолжил:

– Чтобы презренные гои и всякие там акумы диктовали свою волю Великому Израилю?.. Понимаю, но... это же не Россия или Штаты будут диктовать свою волю!.. Это все человечество будет...

– Ну да, – прервала она саркастически, – вот только кто будет олицетворять это все человечество?.. Всякие там объединения типа ООН себя дискредитировали. Нужна организация не просто всех наций, а просвещенных!.. А это уже ущемление остальных, что тоже имеют какие-то права! И как с этим?

Я двинул плечами.

– Поступить по-русски.

– Это как?

— Как-то один еврей, — сказал я, — пришел к раввину и говорит: выдаю дочь замуж, надо на пир зарезать гуся. У меня их два: серый и белый, они очень дружат. Какого зарезать?.. Зарежь серого, отвечает раввин. Но белый, говорит еврей, будет сильно скучать. Тогда зарежь белого!.. Но серый будет сильно грустить... Раввин говорит: так зарежь обоих! Еврей отвечает: гостей будет мало, зачем нам два?... Тогда не режь обоих, говорит раввин. Но как не решать, говорит еврей, гостей угостить надо... Раввин говорит: не могу решить твою сложную этическую проблему, но вот через дорогу русский священник, спроси у него. Приходит еврей и говорит: у меня два гуся, белый и серый. Нужно на пир одного, какого зарезать?.. Священник говорит: зарежь серого. Но как же, отвечает еврей, белый будет грустить... Ну и хрень с ним, ответил православный.

Эсфирь некоторое время хлопала глазами, на конец проговорила с сомнением:

— Значит, решать по-русски?

— Зато решать, — подчеркнул я. — Лучше корявое решение, чем никакого. Необходимость выживания всего человечества диктует и оправдывает необходимость насилия над некоторыми его частями.

— Не самыми разумными, — добавила она, — и сознательными... но все равно вой будет.

— А его поднимают по любому поводу, — сказал я. — Воят, на то и либеральная оппозиция. Ей все равно не угодишь, потому и слушать ее не стоит.

Она подумала, покосилась на кофейный агрегат.

— Тебе айриш или глясе?

Я сдвинул плечами.

– Если твоя деревенская кофемолка другому не обучена... Только не айриш, я за рулем.

– За каким рулем?

– Виртуальным, – пояснил я. – Не знаешь, что со временем почти все перейдут в виртуальный мир?

– Кроме тебя, – сказала она язвительно.

– Точно, – подтвердил я. – Всю работу смогут выполнять роботы, останется только наука и чуточку творчества, а что делать остальному люду?.. Так что я и еще горстка настоящих продолжим двигать цивилизацию дальше, как и двигали ее последние десять тысяч лет.

– А почему горстка?

– А всегда была горстка, – ответил я. – Думаешь, во времена Галилея ученых было больше?..

Она сказала рассерженно:

– У тебя взгляды какие-то...

– Какие?

– Неправильные!.. Человеконенавистнические!

Я пробормотал:

– Взгляды имеют свойство меняться. Как у отдельных людей в зависимости от возраста или приобретенного опыта, так и у народов... и даже у всего человечества.

– Ого!.. Ах да, ты же стратег!

– Вот тебе и «ого», – сказал я. – Когда требовалось нарастить массу человечества, тогда было принято думать, что любая жизнь сверхценна, нужно беречь ее и холить. Но вот массу набрали, теперь понадобилось уже не количество, а качество. Человек начал жить значительно дольше, стал образованнее, развитее, и общество переходит на новую

ступень, для простоты можно называть ее предсингулярной.

Она спросила враждебно:

– И что, часть людей, развитых не столь интеллигентуально, предлагаешь убить?

Я покачал головой.

– Зачем? Нужно всего лишь не мешать им самим убиваться. Это называется свободой. Каждый человек вправе распоряжаться своей жизнью. Не стоит ему навязывать институт брака с целью рождения детей, достаточно ввести в тренд нетрадиционные сексуальные отношения и последний писк моды, чайлдфри...

Она поморщилась.

– Это другое дело.

– Намного? – спросил я. – Человек, который сознательно убивает себя, пусть и таким гуманным способом, вполне заслуживает, чтобы я ему помог, пустив пулю в голову.

Она вздрогнула, зябко повела плечами.

– Не понимаю, когда шутишь, а когда серьезен.

– От шутки до серьезы один шаг, – напомнил я, – а иногда и того нет.

Она покачала головой.

– Что-то мне страшновато от твоего будущего. Недаром одни апокалипсисы в фильмах и сериалах... Возьми вон еще печенье.

– Сухое, – ответил я обличающее. – А сладкое уже сама тайком под одеялом поела?.. Ну тогда тащи на стол, не прячь. Почему все евреи такие жадные?

– Как все русские такие пьяные, – отпарировала она. – У сытых мозг хуже работает, не знал?

— И знать не хочу, — ответил я. — У меня он пусть и не пробует увиливать!

Она взглянула в упор, в глазах мелькнула смешина.

— И что... он у тебя всегда работает в полную мощь?

Я ответил ей таким же честно-брехливым взглядом.

— Всегда... за исключением некоторых моментов. Сейчас, когда вот хорошо поел, такой момент вообще-то приветствуется...

Договаривая, уже начал смотреть записи вчерашнего дня, начиная с того момента, как Хиггинс проводил меня, приятно улыбаясь и пожимая руку.

Довольно быстро наткнулся на момент, где он тщетно пытается позвонить Хашиму. Интересно наблюдать за его лицом, ожидание триумфа сменяется недоверием, затем страхом и в конце концов приступом настоящей паники. К его чести, надо сказать, быстро взял себя в руки, моментально вызвал охрану на двух джипах и отбыл, не дожидаясь ночи.

За городом след потерялся, я попробовал проследить за боевиками, что напали по дороге, но понял только то, что двое из его личной охраны руководили и направляли, остальные — простые наемники, довольно низкой квалификации.

— Вот, — сказал я и взял со столика рядом ее планшет, — а что я тебе покажу...

Она сказала мрачно:

— Если ты и мой планшет взломал, я тебя не просто убью, а еще и расчленю, как Джек-потрошун. Или Потрошист, не помню.

— Я ничего не взламываю, — ответил я честно, — твой пароль в неприкосновенности.

— Тогда как?

— Красиво, — ответил я, — элегантно. Умно. Я же цаца... Просто обошел, я человек не грубый. Зачем ломать, прошел мимо тихонько... Вот смотри!

Она с недоверием смотрела на экран, глаза расширились, наконец проговорила с усилием, заставив себя в первую очередь помнить о деле:

— Думаю, эта сволочь еще больше запаниковала, когда его люди не вышли на связь.

— Хорошо мыслишь, — одобрил я. — Логика в прямой видимости!

Она нахмурилась, еще не высчитав, обидел или похвалил.

— Но его люди не вернулись, потому он сразу второй отряд за нами...

— А что теперь сделает? — спросил я. — После того, что уже?

Она двинула плечами.

— Хиггинс в Эль-Хуффуф некоронованный король. Людей у него достаточно, а нужно больше — достаточно звонка...

— И явится целая армия? — досказал я. — Знаю-знаю о ЧВК в этих районах. В Европе не требуются, а здесь каждая транснациональная компания держит в боевой готовности... Ладно, Фатима, мы с тобой здесь все перевернем, но отыщем даже то, чего нам и не нужно.

Часть II

Глава 1

Вязка дело хорошее, улучшает цвет лица, разглаживает морщины, как уверены женщины, а нам, мужчинам, позволяет на какое-то время после вязки забыть о Первой Заповеди, единственной, которую Господь дал человеку напрямую, и сосредоточиться на творчестве, науке, политике, экономике и всех тех областях, в которых мужчины так сильны... а сильны они вообще-то во всех областях деятельности.

Расцепившись, мы некоторое время лежали рядышком в постели, приводя дыхание в норму. Щеки Эсфири раскраснелись, глаза блестят, как звезды, все-таки мы намертво всажены в эти животные тела и самый мощный всплеск радости получаем именно от этого самого древнего и примитивного акта.

Хотя, конечно, понимая его природу, что роднит нас не только с козами и коровами, но и с тараканами, издревле старались если не облагородить, это трудно, то хотя бы спрятать от посторонних глаз.

А те цивилизации, что не прятали, а высекали подобные сценки на стенах храмов, за все свои

тысячи лет цивилизации не отодвинулись от животных ни на шагок, а спустя эти тысячи лет принимают науку и технику от тех, кто половые игры стыдливо прятал.

— Пойду что-нибудь приготовлю, — сказала она и красиво выпрыгнула из постели.

Я как бы попытался удержать, традиционно ритуальный жест у мужчин, дескать, полежи еще, мне с тобой так хорошо, но на самом деле: иди-иди, займись делом, разлежалась тут, коровище...

Сам, конечно, повалялся малость, пока на кухне шуршит, шумит и грохочет размалываемыми зернами. Мне можно, мужчины должны копить силу для спасения мира и женщин. Вернее, женщин и мира, все-таки женщины у нас на первом плане, потому что женщины и есть весь мир.

Из кухни донесся ее звонкий голос:

— Через пять минут готово!.. Иди в душ и за стол!

— Часто мыться вредно, — изрек я из спальни.

— Так не в ванну же, — крикнула она.

— Душ тоже вреден, — сообщил я. — Кто смыает защищающие кожу бактерии, тот живет на одиннадцать лет меньше. И морщин на коже больше...

Она вскинула на меня взгляд испуганных глаз, когда я показался в дверном проеме.

— Что, правда?

— Но есть мнение, — сказал я утешающе, — другой группы ученых, что проверяли и перепроверяли эти результаты. У них получилось не на одиннадцать, а всего на десять лет и семь месяцев.

Она сказала с сарказмом:

— Сразу полегчало!

– Но морщин столько же, – уточнил я с беспристрастностью ученого, – но нам с тобой это по фигу, верно? Главное, жила бы страна родная, и нету других забот!

– Мне и моей стране, – отрезала она с достоинством, – морщины нужны только в коре головного мозга. Садись за стол, вандал!.. Как же обожаешь портить аппетит! А еще с голой жопой!

– Берегу твою фигуру, – сообщил я. – Но ты не волнуйся, я и твою порцию съем. У евреев ничего не пропадает.

– Так я тебе и отдам, – сказала она. – Мы, евреи, бережливы.

– Сберечь, – уточнил я, – значит, все сожрать самим?

– А ты как думал? Что мы и делаем по всему миру!

– Экспроприируем, – пригрозил я. – По крови все люди евреи, так что нашу долю вынь и положь... это что за фигня? Жареные улитки?

– Мясо по-мароккански, – сообщила она с презрением. – Здесь на стройках работают одни марокканцы, в нефтянке – йеменцы, на дорожных работах – пакистанцы...

Я покрутил головой.

– Так саудиты и местные шейхи тоже евреи?

– А ты как думал?

– То-то мы их уже бомбим, – сообщил я с набитым по-мароккански ртом, – подбирамся к Израилю.

Ее лицо потемнело, глаза строго блеснули.

– Даже не шути так. Наша страна в самом деле окружена врагами, как и Россия. Только Израиль не

такой громадный, как ваша необъятная и промерзшая. Нас в самом деле мечтают уничтожить полностью, а вас только покорить и нагнуть.

– Почему так?

– Русских можно покорить и превратить в рабов, – ответила она, – а евреев можно только уничтожать, рабству всегда предпочитали смерть.

– Ого, – сказал я. – Ладно-ладно, я знаю историю взятия римлянами вашей последней крепости.

– Тогда не зли меня!

– Ты ешь, – ответил я с сочувствием. – Чтобы драться, нужно хорошо кушать. Иначе не вырастешь. А потом мы с тобой спина к спине противив всего мира.

Некоторое время ели молча, я думал с сочувствием, что Россия из-за своей громадности не так остро ощущает угрозу, а вот им в самом деле каждый день может сниться, как арабские страны наносят одновременный удар со всех сторон... Даже ядерное оружие не поможет, фанатики не считаются с потерями, иначе не существовало бы шахидов.

– Кофе эспрессо? – спросила она.

– Двойной, – ответил я. – В большую чашку. И сахару пять ложечек.. А вообще-то, ты не заметила, как-то странно все сместились? Не только в быстро меняющейся технике, но и в том, что казалось незыблемым столетия? – Она вскинула на меня взгляд серьезных и все еще печальных глаз.

– Что именно?

– Совсем недавно, – напомнил я, – и мы горячо сочувствовали Робин Гуду, корсарам, разбойникам, а также любого sorta повстанцам. Ненавидели ко-

ролевскую или имперскую власть, против которой те выступают. Да что там древность! Сочувствуем Люку Скайвокеру и ненавидим его противника Дарта Вейдера, но, положа руку на сердце, разве уже не воюем на стороне гнусной и ненавидимой Люком империи?

Она смотрела, прищурившись, сказала с напряжением:

– Хочешь сказать, что эти все талибы, моджахеды, игиловцы и алькаиды – благородные повстанцы, а мы – душители их свобод?

– А разве не так? – спросил я хладнокровно. – Они же в самом деле сражаются за свою свободу и независимость?

Она сказала зло:

– Свободу жить в дикости?

– Это их право, – отпарировал я. – И сражаются они так, как нам никогда не сражаться. Обвязаться взрывчаткой и пустить свой автомобиль или мотоцикл в гущу врагов... это подвиг. Такое может совершить только преданный своей стране человек. Мы легко себе представим, что так поступит Люк, Лея, Хан Соло и даже Чубака, но не благоразумные имперцы, не так ли?

Она сказала раздраженно:

– Не нравится мне ход твоих мыслей.

– Мне тоже, – признался я. – Слишком быстрый поворот в сознании. Все убыстроилось, блин... Такое должно было происходить на протяжении поколений, а тут... вчера повстанец, а сегодня имперец! Даже в интеллигентной амбивалентности не успеваешь поболтаться, как в проруби... Ладно-ладно, не сверкай глазками. Мир усложнился настолько, что

без империи все рухнет. Причем власть империи должна быть тоталитарной. Это я, демократ до мозга костей, говорю, утверждаю и уже отстаиваю.

Она фыркнула:

– Тогда какой ты демократ?

– Настоящий, – пояснил я. – Но понимающий необходимость тотального контроля со стороны силовых структур. Отменить его можно только тотальным контролем друг за другом. Вернее, это будет уже не контроль, а просто все будут видеть один другого, как говорится, насквозь. То есть чувства, мысли, намерения...

Она сказала с неудовольствием:

– Тогда уж лучше пусть смотрят силовые структуры.

– Демократы против, – напомнил я. – А когда вот так.. все демократически, то... пусть не жалуются.

Она спросила внезапно:

– А что с Хиггинсом?

Я двинул плечами.

– Хиггинсом?.. А что с ним?.. Мне он как-то до лампочки Ильича Эдисона.

– Не хочешь отомстить? – поинтересовалась она.

– За что? – спросил я в изумлении. – А-а-а, что послал на смерть? Я уже, если честно, остыл... Он поступил так по-человечески, из-за чего мне обижаться?.. Люди всегда так делают. Даже из лучших побуждений.

Она сказала саркастически:

– Даже из лучших? Это как?

— Например, — пояснил я, — командир посыляет небольшой отряд напасть на целое войско, там завязывается стрельба, туда стягиваются все силы противника и в конце концов уничтожают всех напавших, но пока внимание отвлечено, целая армия выскользывает из ловушки. А если еще остались патроны, можно и ударить в спину.

Она продолжала рассматривать меня внимательно, как энтомолог смотрит на редкое насекомое, еще не зная, укусит челюстями, как оса, или ударит жопой, подобно пчеле.

— Ты его оправдываешь?

Я отмахнулся.

— Просто думаю о величии Вселенной и нашем в ней месте. И нашей великой роли.

Она сказала, повышая голос:

— А то, что Хиггинс может купить и третий заряд?.. Или вообще начнет расширять торговлю все более опасным оружием? На автоматах Калашникова столько не заработаешь, как на ядерных или боевых дронах!

— Твои слова звучат разумно, — согласился я. — Для низшего уровня, конечно... Но учитывая, что мы сейчас находимся на низшем уровне жизни, то все весьма весомо. К сожалению, эти существа могут помешать или затормозить победную поступь к сингулярности... гм...

Она поморщилась, закусила губу, глаза сузились и мрачно поблескивают между длинными, густыми ресницами.

— Мне кажется, — произнесла она глухим голосом, — ты уже придумал...

— А почему так мрачно?

Она бросила злой взгляд.

— Потому что не люблю, когда самцы так нагло выказывают свою доминантность!

— Я выказываю?

— Ты, — отрезала она.

— Я сижу тихий, как ангорская мышь!

— Вот-вот, — сказала она обвиняюще, — и молча заставляешь меня признавать свою доминантность. Это свинство и мужской шовинизм!

— А почему я?

Она вздохнула.

— А кто у него был недавно? Не могу поверить, что ты не запомнил расположение комнат, где что лежит, какая охрана, где находится, кто чем вооружен...

— Специально не запоминал, — сообщил я.

— Еще бы, — отрезала она саркастически. — Специально только новички запоминают. А у таких зубров все на автомате. Ну?

— Что-то смутно помню, — пробормотал я, но вспомнил совсем не то, что стоит рассказывать Эсфири в подробностях, хотя ее не смущишь, но эти мелочи роли не играют. — Но так, в зыбке... Больше на эмоциях.

Она сказала с сарказмом:

— Конечно, приятных?

— Он должен был принять меня достойно, — сказал я, защищаясь.

— Представляю, — буркнула она, — что по-вашему с Хиггинсом понятию «достойно».

— Лучше не представляй, — ответил я. — Все пожрала?.. А моя порция куда делась? Ну вот так и ве-

ди дела с евреями... Ладно, поднимай отяжелевший афедрон.

– Что за афедрон?

– Это жопа по-еврейски, – сообщил я любезно. Она поморщилась.

– Разве что на идише, в иврите такого мерзкого слова нет. Подожди, оденусь. Я быстро.

Молодец, душ тоже принимать не стала, все лучшее перенимает быстро, никаких догм, хотя насчет душа я малость перегнул. Просто мужчины не так помешаны на внешности, потому моемся реже и менее охотно, а о вредности частого купания сообщили тоже мужчины, я на всякий случай посмотрел фамилии этих сорока трех ученых, проводивших эксперимент, – ни одной женщины, а то бы, зараза, постаралась помешать. Вообще, женщины – тормоз прогресса, это аксиома.

– Еще пять минут, – сказала она. – Оденусь и накрашусь, а ты как раз успеешь натянуть штаны.

– За пять минут? – спросил я. – Только на одну ногу.

– А вторую я тебе оторву, – пообещала она, – если не будешь готов.

Она исчезла в своей комнате, я проводил ее взглядом, одновременно оценивал видеонаблюдение в доме Хиггинса, плотное как внутри, так и снаружи на сотни метров вокруг, взял в ладонь смартфон, Хиггинс в это время за столом просматривает какие-то бумаги, на звонок поморщился, но взял лежащий смирно на столе справа мобильник, по которому ему могут звонить только особо доверенные.

– Алло?

— Мистер Хиггинс, — сказал я мирно, — доброе утро. Это мистер Икс, которому вы продали те любопытные штуки.

Он дернулся, резко убрал от уха мобильник, словно тот вот-вот взорвется, затем снова осторожно приблизил к ушной раковине.

— Как вы... узнали мой номер?

— От нашей организации нет секретов, — ответил я благодушно. — Как и вообще... Кстати, этот галстук вам идет больше, чем вчерашний, тот был ярче, а этот солидный, умеренно консервативный.

Он вскочил из-за стола, голос дрогнул:

— Вы... видите, что у меня в доме?

— Разумеется, — заверил я. — А сейчас вы зря подошли к левому окну и смотрите из-за красивой такой темно-красной, как занавес в театре, шторы. Правда, это практически.

— Что...

— Кровь, — пояснил я любезным голосом, — будет на ней не так уж и заметна. Когда бьет пуля из тяжелой винтовки, брызги летят во все стороны на два с половиной метра.

Он отпрянул, дико посмотрел по сторонам.

— У вас окна с простым стеклом, — напомнил я, — хотя сейчас и пулепробиваемые вовсе не пулепробиваемые, мир таков... Новейшие стекла не рассыпаются осколками, это их плюс, но пуля все равно проходит и поражает цель. Разве что делает это аккуратно и красиво. Мир становится все гуманнее и кинематографичнее, вы не находите?

Он отодвинулся в глубь кабинета, затравленно посмотрел по сторонам.

— У вас что, там снайперы?

Я сказал так же мирно:

— Да бросьте о таких пустяках!.. Над вашим домиком на большой высоте сейчас висит дрон... Одной его ракеты достаточно, чтобы оставить на месте вашей хижины даже не груду развалин, а выжженное пятно, где даже тараканы не уцелеют. Так что о каких-то примитивных снайперах даже говорить не стоит. Сейчас с крупнокалиберными винтовками даже уличные хулиганы бегают...

— Мистер Икс...

— Это все старые технологии, — добавил я, — а сейчас мир такой, опасно-безопасный... Вы следите за моей утонченно-грубой мыслью?

— Стараюсь, — ответил он настороженно. — Вы говорите со мной... что это значит?

Я сказал со смешком:

— Что мы деловые люди и не злопамятные.

— Простите?

— Злопамятность, — пояснил я, — в делах мирового масштаба вообще противопоказана. За что в структурах помельче наказывают смертью немедленно, в более высоких сферах сперва рассматривают и другие возможности.

Он сказал торопливо:

— Я слушаю.

— Вы переходите под наше внешнее управление, — сообщил я будничным тоном. — Хотя можете продолжать свою деятельность... в прежних размерах, но если нам что-то понадобится, сделаете немедленно. На этот раз приказ будет исходить не от меня, а от структур выше, потому неповиновение... как и ненадлежащее исполнение будет караться немедленной выдиркой...

— Простите... выдиркой?

— Да, — ответил я. — Этот термин предложил однажды один из наших работников, хотя и по другому поводу. Этот значит, просто исчезнете из этого мира. И следы будут подчищены. Уверен, вы все поняли правильно.

Он ответил с заметным облегчением:

— Еще бы не понять. Да, принимаю ваши условия. Если мне будет оставлена прежняя деятельность...

— В полном объеме, — подтвердил я. — Мы не делим бизнес на легальный или преступный, как и вообще деятельность человека. С наших высот как-то не очень различимо, где людишки то и дело проводят границы, а потом сдвигают то вправо, то влево.

Глава 2

Я оборвал связь, потому что в ванной хлопнула дверь, вскоре Эсфири появилась одетая, накрашенная, с уложенной прической и платком на плечах, который можно моментально набросить на голову, чтобы не оскорблять религиозные чувства местных блюстителей нравственности.

— Хорошо выглядишь, — сказал я, — классно даже... И сиськи есть... Даже две, знаешь?.. Правда, у коалы шесть, но зато у тебя крупнее... И вроде без шерсти. Хотя в шерсти было бы забавнее...

Она наморщила нос, знает, комплименты говорим в любом случае, даже если женщина как крокодил после схватки с северным тигром, но не сказать тоже нельзя, нынешний мир держится на

условностях, которые все будут сметены наступающей сингулярностью.

— Пойдем, эстет.

— Да, — согласился я. — Сиськи — настоящая эстетика. А еще когда тема, как вон у тебя, раскрыта...

— Несерьезный ты, — сказала она с укором. —

Я представляла ученых... несколько другими.

— Ситуация несерьезная, — объяснил я.

— Со стрельбой и погонями?

— Все, — подчеркнул я, — что не относится к науке, несерьезно.

Мы вышли из дома, Эсфирь еще в подъезде укрылась от нещадного солнца за огромными темными стеклами модных очков, а я потерпел несколько секунд, пока глаза адаптируются, это с каждым выходом на улицу занимает все больше времени.

Это побочный эффект от операции на моих генах, но теперь знаю, в каком месте что-то менять еще.

Я с крыльца обратил внимание на новенький «Опель Астра», признанный лучшим авто всего несколько лет тому, а сейчас смотрится чуть ли не старомодным, что еще какой показатель стремительно го роста хай-тека, все-таки в автомобилестроении не так просто менять модели, как можно с айфонами.

— Этот? — спросил я.

Она кивнула.

— Правда, милый?

— Неплохая вещь, — сказал я с одобрением. — Краденая?

— Ну вот еще, — отрезала она. — Почему если еврейка, то краденое? Мне и подарить могли!

— Выпросила, — сказал я авторитетно, — лучше уж краденый.

— Почему лучше?

— Благороднее, — пояснил я. — Судя по фильмам, книгам и сериалам. Робингуды, корсары и прочие грабители все еще выше, чем инженеры и честные служащие, не так ли? Ты много фильмов видела о хороших инженерах? А вот о хороших киллерах их тьма, как будто киллеры могут быть хорошими.

Мы подошли к авто, я распахнул перед Эсфирию левую дверцу, а сам обошел спереди и сел рядом на правое сиденье.

Она посмотрела на меня с интересом.

— А мы какие?

— Мы честные служащие, — возразил я. — Вроде инженеров. Киллеры убивают ради денег, а мы — из высших целей гуманизма. При гуманном гуманизме убивать можно и нужно! Но гуманно. Раньше, убив врага, над ним читали молитву.

— А сейчас?

— Сейчас только с серьезным лицом, — пояснил я. — Ибо убивать в принципе нехорошо, но сейчас это важно и необходимо. Ибо гуманизм на марше.

Она покачала головой.

— Все равно я не выпрашивала.

— Ну да ладно, — сказал я великодушно, — краденому коню в зубы не смотрят. Как и в другие места. Покажи, на что эта штука способна!

Она ответила со вздохом:

— Нельзя. На мужчин, превышающих скорость, смотрят сквозь пальцы, а к женщинам как-то несправедливо...

— Мы вас оберегаем, — сообщил я лицемерно. — Хотя было бы за что?.. Только в арабских странах женщины еще как женщины, а в Европе и в Израиле уже одни злобные и наглые чудовища.

Она осторожно вывела авто со двора, по ее движениям понятно, что привыкает к габаритам новой машины. Конечно, взамен брошенной машины служба поддержки пригнала исправный и проверенный, чистый по всем документам, но Господь создал женщин более осторожными, и никакие законы о равноправии, принимаемые людьми, не в силах изменить генетические особенности женской натуры.

Это сможем сделать только мы, ученые, настоящие дети Бога.

Она вывела автомобиль на улицу, бросила вроде бы ненароком:

— Я переговорила со своей группой.

— И что?

— Сказали, что ты настолько помог, что готовы быть полезными в любом твоем деле.

— Прекрасно, — ответил я с чувством. — Люблю должников. Передай им, пусть отдыхают. Штурмовать дом Хиггинса не будем.

Она отшатнулась так, что даже автомобиль вильнул, как конь под нервной всадницей.

— А куда мы тогда? Вообще, что случилось?

— А зачем? — спросил я. — Не один, так другой...

Больше нам делать нечего, как уничтожать всяких там. Их полно! Место Хиггинса тут же займет мерзавец еще круче. Мир таков, люди все мерзавеют, это называется раскрепощением морали и нравственной свободой. Толерантность... она такая.

Она покачала головой, не отрывая от меня взгляда.

— Все равно не понимаю. Вчера ты был... другого мнения.

— А ты слышала, — напомнил я, — что утро вчера мудренее?.. За ночь я поумнел, со мной это постоянно. Представляешь, с каждым днем умнее!.. Здорово? А вот ты... ладно, ты красивее. С каждым утром. Наверное.

Она сказала требовательно:

— Что случилось?

— Я ему простил, — сообщил я. — По-христиански. Это вы, евреи, народ кровожадный и злопамятный, а мы, христиане...

— Это ты христианин?

— Ну, — ответил я уклончиво, — попы так считают. И пишут в статистике. В общем, Хиггинс покаялся.

— Ax-ax!

Я сказал с укором:

— Нужно верить людям. А я милостиво пошел ему навстречу.

— С пистолетом или гранатометом?

— Какие вы все грубые, — ответил я печально. — Так обо мне подумать! В общем, я взял его империю под свою всепрощающую руку.

Ее глаза расширились.

— Ого!.. И кто из нас еврей?

— Еврей живет в каждом, — сообщил я, — главное, не выпускать его слишком часто. А лучше вообще придушить.

— Скотина, — сказала она сердито. — Грубая скотина!.. Конечно, двух зайцев одним камнем... Все

евреи будут завидовать. И что он теперь будет по твоим приказам?

— Это неважно, — ответил я великодушно.

— Неважно?

— Все потом, — заверил я. — Давай быстренько отыщем третий заряд, да вернусь в холодную и занесенную Москву... хотя сейчас июль месяц, но все равно сугробы на улицах и вежливо пьяные медведи с балалайками гоняются за демократами и агентами госдепа.

Она подумала, сказала злым голосом:

— Я должна испросить разрешение. И дальнейшие...

— Распоряжения?

— Инструкции.

— Из дома не могла?

Она покачала головой.

— Дом может находиться под наблюдением, мы не знаем. А такие вопросы обговариваются только при личной встрече.

Она резко повернула баранку, сворачивая в просвет между домами, но дальше выехали не на улицу, а в узкий и кривой переулок с нависающими над дорогой балконами.

Я посматривал по сторонам и даже сверху, спутник проходит над Аравийским полуостровом как раз российский, ничуть не маскируясь под метеорологический, уже даже в Африке знают, какие они метеорологические, картинка яркая, по новой технологии цветная, с прекрасным разрешением, вижу город, квартал, а если хорошенъко позумить, то и наше авто.

Она сказала нервно:

– Не люблю эти узкие улочки в трущобах.

– Могут вылить помои со второго этажа? – спросил я понимающе.

– А очередь из автомата не хочешь? – сказала она сердито. – Здесь люди непредсказуемые!

– Автоматы здесь почти у всех, – согласился я. – Даже и не знаю... С другой стороны, могут не попасть, а помои обладают широким поражающим действием.

– Чего не знаешь?

Я пояснил:

– Вообще-то я за свободную продажу оружия населению. Как демократ, либерал и понимальщик свободы американского духа. Но как гомо сапиенс я за полный его запрет.

– Амбивалентник, – сказала она с осуждением. – Таким не место в разведке.

– К счастью, я не в разведке.

Она бросила в мою сторону взгляд, полный подозрения.

– Ну да, у вас же стратегическое доминирование!..

Во втором таком же кривом, но безлюдном переулке сбросила скорость, улица пустая, много брошенных вещей прямо на проезжей части, чувствуется богатство, но и запустение в одном флаконе.

Так двигались некоторое время, я молчал, уже вижу ее нарастающее раздражение, вот сейчас начну спрашивать, зачем и почему, ей придется врать и оправдываться, потому помалкивал так безмятежно, что она начала бросать сперва удивленные, потом встревоженные и подозрительные взгляды.

Наконец забрались в безлюдный район, где вроде бы и дома достаточно новые, во всяком случае, добротные, и деревья в кадках вдоль проезжей части, но людей нет, народ перебрался в те места, где чем-то лучше, благо здесь проблем с жильем нет, нефтедоллары текли и пока что текут рекой, европейские фирмы, которым только бы заработать, строят много и с запасом, пусть и для кровавого режима, спонсирующего терроризм в Европе.

Эсфирь, судя по взгляду, уже выбрала впереди место, где припаркует машину, я сказал довольно:

– О, квартал красных фонарей?

Она ответила сердито:

– Это тебе не Париж и не Москва. Потерпишь.

– Да я и не выйду из машины, – заверил я. – Как и ты... надеюсь.

Она буркнула:

– Мне нужно кое с кем встретиться.

– Бессовестная, – сказал я с удовольствием. – Как же пала современная мораль! Можно сказать, рухнула. Вот облик современной ненасытной женщины.

Она нахмурилась.

– Вернусь через десять минут. Может быть, через семь. Не выходи из машины!

– А чем здесь заняться?

– Посмотри порно, – посоветовала она. – Или футбол.

Я промолчал, а она быстро выскользнула и, бесшумно прикрыв дверцу, торопливо пошла вдоль домов, а затем свернула во двор.

Глупо не проследить за нею, раз уж такое позволяет спутниковое наблюдение за поверхностью

планеты. Этично это или неэтично, как еще могут спорить дураки, но я тут же отыскал картинку этой местности, выделил наш городок и зумил, пока он не распался на жилые кварталы, взял в рамку наш, увеличил, рассмотрел автомобиль, а через пару мгновений наблюдал за удаляющейся фигуркой Эсфири, что с высоты не выглядит ни стройной, ни грациозной, но это неважно, мои пальцы с долговременной памятью еще хранят жар ее горячего гибкого тела.

Она прошла через двор, миновала приземистый дом с плоской крышей, я все всматривался, кто же ждет ее там, вдруг это сам ее непосредственный начальник, что должен был увезти атомные заряды в Израиль, тогда это означает, что затевается что-то более серьезное и масштабное.

Эсфирь вошла в дом так внезапно, словно нырнула в воду. Я торопливо поискал, как подключиться к видеонаблюдению в самих помещениях, но, увы, дом строили еще в те времена, когда камеры устанавливали только на магистралях в рамках помощи в борьбе с нарушителями ДТП.

Глава 3

Прошло не только пять минут, а затем и семь, но я терпел, затем в какой-то момент донесся отчетливый, хотя и едва слышный звук выстрелов, часто простучала очередь из автомата.

Я насторожился, тут же простучал второй, по звуку ремингтон, раздались пистолетные выстрелы, и тут же все затихло.

Насчет стрельбы Эсфири не говорила, хотя кто знает, что там за тайны. Подергавшись пару секунд, все-таки достал из бардачка маленький, похожий на зажигалку, на самом деле очень мощный пистолет, называют «пистолет последнего шанса», и выбрался из автомобиля. На улице все так же пустынно и тихо, потому сразу пошел, ускоряя шаг в сторону дома, куда стремилась Эсфири.

Когда до него оставалось полста шагов, к противоположной стороне, что выходит во двор, подъехал вместительный джип, из дома выскочили трое мужчин, двое с объемистыми сумками, один вообще с мешком на плече, быстро загрузились, автомобиль тут же сорвался с места и понесся через искусственный газон в сторону выезда со двора на улицу.

Я подбежал к крыльцу, входная дверь распахнулась, вывалился человек, лицо в крови, в плече и в левой стороне груди дыры от пули, откуда струйками бьет кровь.

— Эй, — сказал я, — держись...

Он упал мне на руки, я удержал и усадил тут же у стены, прислонив к ней. Голова его уперлась подбородком в грудь.

Сквозь стиснутые челюсти протиснулся слабый стон, я поспешил потряс его за плечо:

— Эй, дружище!.. Сильно ранен?

Голову он не поднял, я сам ухватил его за подбородок, взглянул в лицо, бледное и с синеющими губами.

Рубашка быстро набухает красным, ткань отяжелела, кровь пропитывает и стекает в брюки. В правой руке «беретта», левая рука зажимает рану,

но красные струйки все равно пробиваются между пальцами.

Он прошептал едва слышно:

– Ее захватили...

– Кто? – спросил я. – Куда?

У него во рту булькнуло, ответил совсем хрипло:

– Не теряй... времени...

– Тебя нужно в больницу, – сказал я. – Вызвать?

– Наши уже вот-вот, – ответил он. – Если успеют...

И умолк на полуслове. Я отступил на шаг, быстро огляделся. Из домов начали осторожно выглядывать испуганные люди, все-таки кто-то да живет, если это не члены банд. Кто-то услышал, как и я, интенсивный автоматный огонь, и хотя в брошенных кварталах такое часто, но все же опасно, когда близко к твоему дому.

– Если успею и я, – пробормотал я, забрал из брезвально лежащей на земле руки пистолет, сунул его за пояс и быстро побежал за угол здания, а там, перейдя на деловой шаг, еще немного попетлял, но к оставленному автомобилю возвращаться не рискнул, прошел далеко в стороне.

То, что возле него никто не вертится, еще не значит, что не подложена мина. А то и снайпер может следить за авто из окна дома напротив.

Если Эсфирь похитили, а не убили сразу, то ее жизни пока ничего не грозит. Иначе потеряют рычаг давления, так что рвать волосы не стоит, но и кунтаторство пойдет во вред.

В случае провала все-таки убьют, так что я со средоточил мысль на поиске похитителей, мозг послушно принялся как можно тщательнее просе-

ивать все переговоры в городской черте, в первую очередь анонимные и зашифрованные.

Вскоре осталось не больше сотни, в которых что-то таят и договариваются о незаконном, но проверял глубже, мозг разогрелся, работает как суперкомпьютер, отцеживая только по моему запросу.

В доме ждала засада, это явно. Похоже, Эсфири пришла на встречу, ничего не подозревая, и произошла схватка. Сколько ее людей ни было, но, судя по всему, у них не было шансов против внезапных выстрелов в спину.

Контактеров убили, а ее, как более ценную добычу, вынесли в том мешке, что сунули в багажник. Кто-то знал, что она, в отличие от простых оперативников, на Ближнем Востоке располагает немалыми полномочиями и что это ее далеко не первая операция.

Все это время я отслеживал этот мчащийся на большой скорости джип, что выметнулся из черты города и торопливо несется в сторону соседнего городка.

На всякий случай зумил изображение, рассматривая и соседнее поселение, где людей как в донской станице, но дома высотные, и хотя один от другого на хорошем расстоянии, но там кипит жизнь, затеряться проще...

Однако джип, нарушая ход моих расчетов, внезапно остановился, сдал назад, а затем осторожно съехал с дороги.

Изображение наш спутник дает четкое и красочное, хорошо видно, как крохотная коробочка медленно ползет, пробираясь между крупными камнями, а затем сворачивает к упрятанному миниа-

тюрному оазису, где отчетливо проглядывает крыша небольшого домика.

Видно, понятно, только с самолета или вот со спутника, домик одноэтажный, а деревья достаточно высокие, загораживают со всех сторон.

Джип проскользнул между деревьями, исчез.

Понятно, мелькнула злая мысль. Добычу привезли в отдельно стоящий домик, расположенный в очень неудобном месте, не случайно. Отсюда куда ни глянь, оранжевые безжизненные пески и россыпи голых скалистых холмиков без признаков травы и кустов.

Не спрячешься, с веранды дома видно каждую ящерицу, а в бинокль можно рассмотреть даже охотящихся муравьев.

Если порыскать взглядом по окрестным улицам, то брошенных автомобилей немало, но, похоже, вандалы над ними поработали всласть. Кто-то искал ценное, а кто-то просто ломал, выражая свое человеческое «я» и выказывая свободу личности.

А-а, вон там мотоцикл, на нем еще проще...

Я побежал к двухколеснику, но когда ухватился за руль, взгляд упал на соседнюю стену, что не стена, а красиво стилизованные под нее ворота гаража.

Несколько секунд перебора вариантов, и электронный замок неохотно признал мою власть, как единственного и верховного хозяина, щелкнуло, стена поползла вверх.

Ну конечно, какой араб унизится до простого автомобиля, какие покупают по всему миру! Разумеется, шикарный лимузин, электрика в порядке, даже сиденье не протерто жопой, это не Россия,

запасы нефти позволяют, автомобили меняют чаще, чем носовые платки.

Бензина полон бак, много и не надо, через полминуты автомобиль радостно выкатился из темного гаража на залитый солнцем двор, а оттуда с шиком вылетел на улицу.

Выворачивая барабанку и прибавляя скорость, я нашупал нужную частоту и подал сигнал вызова. Как только прозвучал знакомый голос, сказал быстро:

— Аркадий Валентинович, здравствуйте. Группа фундаменталистов уже выехала в Домодедово, планируют захватить рейс двести тридцать четыре. Оружие на борт пронесли раньше!.. Второй пилот с боевиками в сговоре. У вас всего полтора часа до того, как террористы, маскируясь под часть пассажиров, поднимутся на борт!

Мещерский переменился в лице, двинул ладонью над поверхностью стола и сказал отрывисто:

— Группа У-семь!.. У вас в аэропорту желтый код! Повторяю, желтый. В самолет рейс двести тридцать четыре пронесли оружие. Проверить салон и кабину до посадки пассажиров. Выявить преступников... Да, жду доклада!

Он прервал связь, поднял голову, лицо побледнело и напряглось.

— Спасибо, Владимир Алексеевич!.. Но... как вы сумели?.. Я имею в виду, это засекреченная линия...

— Аркадий Валентинович, — ответил я, — зачем вам эти скучные технические подробности? Ваша линия защищена от посторонних, уверяю вас. А мы не посторонние, мы ваш отдел, хотя формально от вас далеки и с вами вообще не сотрудничаем. И вообще... а вы кто?

Он пробормотал:

– Линия должна быть защищена, говоря открыто, от всех. И от вас, Владимир Алексеевич.

– Аркадий Валентинович, – ответил я, – вы же знаете, люди могут переходить на сторону противника либо по идейным соображениям, либо из-за личной выгоды. Других мотивов нет.

Он кивнул:

– Согласен...

– Но мы с вами, – сказал я, – оба служим не столько нашему государству, сколько его будущему. Потому для нас нет более высокой идеи, как нет и большей прибыли, чем приближать спасительную сингулярность, где станем бессмертными и у нас наконец-то появится время реализовать все наши даже самые далекие планы! В том числе наконец-то стать богатыми и толстыми.

Он вздохнул, потер ладонями лицо.

– Да, верно, однако... возможности вашего отдела... несколько пугают.

– Меня тоже, – признался я. – В тревожное время живем!.. Но самим все не переделать, приходится доверять друг другу. Надежнее всего доверять себе подобным. Человек может предать... или изменить позицию, поднимаясь на ступеньку выше, но никто добровольно не опускался ниже. А выше нашей цели нет ничего на свете, так что мы делу не изменим... Аркадий Валентинович, не буду отвлекать вас от операции. Добавлю, второй пилот в родстве с главарем банды.

– Как вы... впрочем, это технические моменты. Спасибо!

– Всего доброго, – ответил я.

Связь оборвал быстро потому, что зелень оазиса, так контрастирующая на фоне мертвого желтого песка, приблизилась, вот-вот попаду под наблюдение. Никто не подойдет незамеченным, слишком уж большая роскошь оставить это райское место незаселенным, где не меньше половины территории страны занимают выжженные пустыни.

Автомобиль пришлось оставить у обочины дороги. Включил аварийку, пусть думают, что отдался за камни опорожнить мочевой пузырь. Мусульманин не может это делать стоя, обязательно присядет, а значит, он близко, сразу увидит, если кто остановится возле его машины...

Постоянно держа перед глазами этот участок, каким он смотрится со спутника, я видел и себя, крохотную такую каракатицу, едва-едва проползающую между глыбами древнего камня.

Вообще-то передвигаюсь достаточно быстро, а еще всматриваюсь и вслушиваюсь еще и сам, и когда по нервам прошел предостерегающий холодок, сразу распластался на горячем песке и начал вслушиваться. Из-за камней донесся хрипловатый голос, умолк, через мгновение ответил другой, явно принадлежит человеку помоложе.

Я всмотрелся в картинку, ругнулся, вообще-то людей в маскировочной одежде в самом деле заметить трудно, даже когда картинка в цвете, а сейчас зенит проходит индийский спутник, дает достаточно четкую, но черно-белую.

Если бы вот тот не шевельнулся, я бы не разглядел, что оба всего в двух десятках шагов от меня.

Это еще не засада, те ведут себя иначе, а просто небольшой сторожевой пост.

Я подполз ближе, осторожно выглянул из-за камня. У небольшого костра, где поджаривается средних размеров упитанный варан, уютно устроились двое мужчин. Один сидит в свободной позе, другой полулег, автоматы обоих близко, но все же не под рукой.

Судя по конфигурации, здесь должны сидеть трое. Есть закономерности, которые мужчины никогда не игнорируют, как, к примеру, никогда никто не встанет в общественном туалете рядом с кем-то к писсуару, когда есть еще места хотя бы через один свободный.

Наш спутник уже уходит из зоны видимости, я посмотрел сперва с китайского, потом с американского, якобы совсем уж метеорологического, даже приписан к Американскому обществу климатологов, но этот третий боевик просто гений маскировки, не могу различить на фоне пожухлой травы и пятен песка с прожилками гравия.

Вздохнув, решил рискнуть, подготовил «бетту пико», украшение любого спецназа, пистолет последнего шанса сунул за пояс под рубашку и начал потихоньку подбираться к костру, оба заняты кусками мяса на прутьях, ни на что не обращают внимания.

Я неслышно приблизился со спины и, взяв обоих на мушку, сказал громко:

— Застыть!.. Теперь поворачивайтесь. Быстро, но медленно.

Они подняли головы, на лицах нет страха, что не понравилось. Первым убрал пальцы от пистолета на бедре крупный черноволосый кочевник, а второй вовсе опустил руку в безнадежном жесте, потому что до карабина не меньше двух шагов.

— Хорошее мясо? — спросил я. — Но там три порции... А где третий?

За спиной в десятке шагов раздался холодный голос, полный насмешки:

— Ты хотел увидеть меня?.. Брось пистолет и повернись... медленно.

Я, как он и велел, очень неторопливо отодвинул руку с пистолетом в сторону, не поворачиваясь.

— Куда бросить?

— Чуть левее, — велел голос.

Я бросил, как он и сказал, медленно повернулся. Крепкий рослый наемник европейского облика с автоматом в обеих руках, черное дуло неотрывно смотрит в меня, торжествующе улыбнулся.

Не сводя с меня взгляда, как и прицела, он медленно нагнулся и, не глядя, подобрал одной рукой пистолет.

Я ждал, он бросил быстрый взгляд на чудо технической мысли.

— О, красотка нового поколения!.. Слышал о каких-то разрабатываемых новинках, но еще не видел... «Беретта нано»?

— Уже «пико», — ответил я. — Красота, верно? Теперь она твоя. Может, разойдемся?

Он засмеялся.

— Интересное предложение. А как он бьет, сильная отдача?

— Очень, — заверил я. — Не стоит, он тебе руку выбьет. Или по зубам даст.

Его дружки захочотали, а он засмеялся еще громче и, перебросив автомат за спину, выставил руку с пистолетом вперед, постоянно держа меня на прицеле, а палец на спусковой скобе.

— А если вот так?

Я сказал сочувствуяще:

— Тогда убери напарников из-за моей спины. Пуля из «беретты пико» пробивает четырех навылет...

Слышал, как позади зашелестел гравий, оба поспешно прыснули в разные стороны, я продолжал смотреть и сверху, отмечая места, где стоит правый и где остановился левый.

— Спасибо, — сказал этот третий. — Оба мне пока еще пригодятся.

— Вряд ли, — ответил я.

Он дважды нажал на скобу, целясь мне прямо в лоб. После второго щелчка я выхватил пистолет последнего шанса из-за пояса и выстрелил в него раньше, чем он успел что-то понять.

Его соратники едва успели дотянуться до оружия, как я холодно всадил каждому по пуле в голову. Выронив мой пистолет, европеец попытался ухватить в руки автомат, но я выбил его из рук ребром ладони, а вторым ударом в зубы бросил на землю.

Его напарники застыли, а он еще корчился у моих ног, булькая кровью и пытаясь снова дотянуться до автомата. Я дал ему этот шанс, а потом пинком выбил из рук.

Глава 4

Изо рта хлынула кровь, однако он с болью в глазах смотрел, как я поднял с земли свой элитный пистолет, который пару секунд был уже его собственностью, это потеря для мужчины даже болезненнее, чем разрыв с красивой женщиной.

— Я ж говорил, — напомнил я, — эти двое тебе уже не пригодятся. Как и ты им.

Он прохрипел:

— Но... ты зачем?..

— А как тебя было выманить? — пояснил я.

Он напомнил хрипло:

— Я мог засадить тебе в спину...

— Мог, — согласился я. — Вероятность восемь с половиной процентов, извини за математику. Достаточно высокий риск, ты прав... Но девяносто один с половиной за то, что сперва поторжествуешь, ты же не профессионал! Любитель, приехавший повоевать в этой экзотике и подзаработать, всегда ищет понятные радости. Такой обязательно посмотрит в лицо, скажет что-то эффектное, а потом застрелит из моего же пистолета. Наверное, я сам бы не удержался... Нет, я все же устою перед таким соблазном.

Я вытащил из кармана патроны и, не глядя, начал быстро вставлять в пустой магазин. Он смотрел угасающим взором то на меня, то на свой автомат, что совсем рядом, но я не выпускаю их обоих из зоны внимания, он наконец прохрипел:

— Ты сам любитель...

— Верно, — согласился я. — Для профи я поступил глуповато.

— Но ты... переиграл...

— Вся жизнь игра, — согласился я легкомысленно. — Надеюсь, ты выиграешь в другой жизни.

Он дернулся, улыбка застыла. Я на всякий случай поднял его автоматическую винтовку и, перебросив ремень через плечо, начал подниматься на косогор.

Глаза убитому закрывать не стал, сентиментальности в себе не замечал и раньше, а теперь последние остатки испаряются под натиском моего, надеюсь, мощного интеллекта.

Вообще-то начинаю глупить, хотя это не глупость, а еще хуже, опьянение возможностями. Он в самом деле мог выстрелить в спину, так что такие трюки повторять не стоит.

И вообще серьезнее, Владимир Алексеевич, серьезнее. Не нужно впадать в детство, где все бегают, орут и стреляют, стреляют, стреляют...

Снимок со спутника показывает то, что и так уже вижу: перед особняком еще охрана, хотя нет, для охраны многовато. Отряд собрался на задание, готовятся выехать, сверху видно кто где, из охраны всего двое, что в самом деле заняты своим делом, остальные лениво грузят в два внедорожника продолговатые ящики.

Спутник бесстрастно показывает, что с другой стороны особняка тоже есть выход, там даже припаркован «Мерседес» этого года выпуска, однако пространство на милю ровное, как билльярдный стол, из окон легко увидят и подстрелят...

Сердце стучит все чаще, нагнетая в мышцы кровь и насыщая мозг кислородом, понимает, что я пока еще человек, а человек ведом дурью, красиво называемой разными благородными словами.

— Ладно, — сказал я шепотом, — ты же крут, разве не так?.. У тебя преимущества! А на хрена они, если не пользоваться?

Медленно залег, приготовил винтовку. Там продолжается погрузка, часовые продолжают бдеть, и если какой чужак появится вблизи, поднимут тревогу.

— Высокое жалованье, — пробормотал я, — высокий риск..

Тело вошло в турборежим, первым я поймал в перекрестье прицела того, что укрылся лучше всех, вижу только часть головы, так бы не заметил, но спутник на то и спутник-шпион, хоть и метеорологический, предательски показывает, как он картино лежит, красиво раскинув ноги для лучшего упора, и держится за рукояти крупнокалиберного пулемета.

Палец медленно потянул на себя курок, а едва толкнуло в плечо, я начал ловить в прицел следующего, следующего, следующего...

Когда там наконец поняли, что их обстреливают, моментально залегли, а я выстрелил в бензобак, а вторую пулю засадил рядом рикошетом по металлу, надеясь вызвать искры, вдруг бахахнет, добавляя суматохи, а я как раз тот гад, что в мутной воде насчет рыбки...

Теперь стрелял как можно чаще, в мою сторону ринулись в открытую.

Бесстрашные гады, уже предвкушают по семидесят гурий на каждого, понимают, если залягут, меня все равно не достать, нужно сократить дистанцию огня, некоторые на бегу делают рывки из стороны в сторону, я их оставил на потом, а выбивал пока что самые легкие цели.

Донесся яростный вопль:

— Да убейте же его, наконец!

— А сколько их? — крикнул кто-то.

— Один, — прокричал тот ж голос, явно привыкший командовать. — Один, балбесы!.. Окружить и уничтожить!

— Щас, — процедил я, — вот так и дамся... Может, самому убийца ап стену?.. Чтоб вам, немощным, не перетрудиться...

Окна на втором этаже распахнулись настежь, там появились фигурки стрелков, что немедленно открыли огонь из автоматических винтовок, поддерживающая огнем охрану внизу.

— Прекрасненько, — пробормотал я. — Сколько вас... трое?.. Всего-то...

Чувствуя себя суперкомпьютером, всаженным в зверски медлительное тело, я, рассчитывая каждое движение, чтобы не терять доли секунд, выстрелил трижды.

Огонь из окон прекратился. Не давая оставшимся внизу сообразить, что случилось, быстро пригнулся и понесся в их сторону, сосредоточившись как на картинке из космоса, так и на торопливом сканировании, где что впереди и когда может выпрыгнуть.

Навстречу прогремели выстрелы. Из космоса мне видны их фигурки за автомобилями, потому когда кто-то поднимает руку с автоматом, успеваю скакнуть в сторону.

Ближайший автомобиль подпрыгнул, громыхнул взрыв. Огненное облако охватило со всех сторон, противников закрыло стеной оранжевого пламени, как и меня тоже...

Винтовку я забросил за спину, слишком громоздкая для короткой дистанции, пистолет проворнее, трижды выстрелил через огонь, ориентируясь даже не на спутник, а так, на чутье.

С той стороны раздался вскрик, а затем злой женский голос:

— Не высовываться!.. Ждать!.. Это ему придется раскрыться!

Мне почудились знакомые нотки, я прокричал:

— Стелла?.. Стелла Этуаль?.. Бросай оружие!

Тот же голос, без сомнения это Стелла, крикнул в ярости:

— Покажись, я всажу в тебя всю обойму!

— Какая страстная женщина, — пробормотал я, — вообще-то я предпочитаю что-то спокойнее...

— Покажись, — повторила она.

— Мне нужна только пленица, — крикнул я. — Отдайте, а сами можете убираться на все четыре... или оставаться здесь, мне без разницы!

— Ах-ах, — крикнула она. — Если ты из-за женщины, я сама убью ее с превеликим удовольствием!

— Я тебя тоже люблю, — ответил я. — Ну?

За это время, просканировав окрестности, набрал номер патрульного полицейского авто.

— Алло, Ахмед аль-Закир?.. Быстро на шоссе Аль-Гасана!.. Здесь перестрелка, пытаемся захватить опасных преступников...

Грубый мужской голос рыкнул:

— Кто это?.. Почему у вас мой рабочий номер?

— Быстрее, — прервал я. — Вы в автомобиле с поцарапанным правым боком двигаетесь по улице Цветов Бурака, это прямо у выхода на междугороднее шоссе. Выходите на него и будете здесь через десять минут. От силы двенадцать. Двухэтажный особняк слева от дороги за деревьями в оазисе. Идет стрельба, часть бандитов убита.

— Едем, — бросил он.

Я прервал связь, выстрелил трижды, не давая на той стороне поднять голову, начал перебежками

приближаться, а когда осталось не больше десятка метров до их укрытия, прокричал:

— Стелла, я вызвал полицию. Сложите оружие!.. Это арабы, они права человека не зачитывают.

Она выкрикнула:

— А ты при чем?

— Я тоже не зачитываю, — ответил я громко, — но я их соблюдаю. Бросай оружие!

Рядом с тем местом, где за каменным бортиком пригнулась она, приподнялся боевик с автоматом в руках, но я нажал на курок чуть раньше и метнулся за каменный столб ограды.

Звонко щелкнуло, пули из автомата срикошетили со злым визгом, на голову посыпалась мелкая каменная крошка.

Картинка показала, что боевик бессильно заваливается на спину, зато Стелла встала во весь рост и, держа пистолет обеими руками, выстрелила трижды.

Я успел снова спрятать голову, одна из пуль зацепила рубашку на плече и, думаю, оставила кровавую царапину. Озлившись, высунул руку и выстрелил вслепую, держа в памяти, где находится Стелла и как стоит, где сейчас я и под каким углом нужно держать пистолет.

С ее стороны вроде бы послышался вскрик. Я быстро высунулся, Стелла выронила пистолет, а левой рукой инстинктивно ухватилась за плечо, где между пальцами потекли ярко-красные струйки.

Я ринулся к ней, она торопливо нагнулась и подбрала с земли пистолет левой рукой, но я уже подбежал и ударом по кисти выбил оружие на землю.

— Хорошо стреляешь, — сказал я. — А теперь на землю!

Она сказала зло:

— Мерзавец! Ты тоже, оказывается, стреляешь...

— На землю, — повторил я, она не подчинилась, я пнул под колени, она со стоном рухнула. — Не двигайся!.. Полиция уже на подходе.

Она сказала хриплым от боли голосом:

— Убей...

— Не могу, — признался я.

— Что так?

— Как убить женщину, которая настолько хороша в постели? Я сам не думал, что весь такой стромодный.

Она прошипела:

— Почему я не убила, когда была возможность в отеле?

— Чувствовала, — предположил я, — что однажды спасу тебе жизнь... как вот сейчас. Рана несерьезная, пулю извлекут, рука не пострадает.

— Дурак, меня посадят пожизненно!

Я сказал легкомысленно:

— Подумаешь!.. Пожизненно. Из тюрьмы сбежать через пару месяцев проще пареной репы. Да ты такая, и раньше сумеешь.

— Что-что?

Я сказал уже серьезнее:

— Еще не поняла? Тебя убьют свои же за провал операции. И заряды упали в другие руки, и деньги пропали. Да и вся группа уничтожена... Только в тюрьме и отсидеться в безопасности.

Она умолкла, между пальцев просачиваются струйки крови, взглянула на меня серьезными глазами.

— Это ты за этим всем?

— Нет, — ответил я честно. — Но краешком участвую. Самым-самым. Заряды, ты же знаешь, украдены в моей стране. Потому их и возвращать нельзя, так как по бумагам их давно нет, уничтожены по договору, и террористам отдавать нельзя. Все поняла?

Ее глаза сузились.

— Значит... ты сам их здесь продал?

Я кивнул.

— Но со скидкой. Чтобы поскорее избавиться. Сейчас мир бизнеса, ты меня понимаешь. Ты работаешь все еще на ирландцев или уже на курдов?

— Обойдешься, — прошипела она. — Сволочь.

— Эх, — сказал я, — только-только собрался с тобой поделиться выручкой, а ты такая грубая...

Она покосилась на окровавленные пальцы на ране.

— Спасибо, уже поделился.

С шоссе донесся рев мчащихся на предельной скорости полицейских сирен, но я не повернул голову в ту сторону. Стелла все еще не сдалась, ждал и одновременно смотрел на картинку, где далеко-далеко внизу коробочка полицейского автомобиля почти на той же скорости, едва не перевернувшись, съехала с дороги и понеслась к нам.

Я ждал, наконец за спиной раздался резкий визг тормозов, пахнуло жаром перегретого двигателя.

Выскочили и побежали к нам двое полицейских, я сказал быстро и властно тому, который Ахмед аль-Закир:

— Преступница ранена в плечо!.. Перевяжите. Да, обязательно. Это опасная террористка, соблюдайте

все меры предосторожности. Но обращайтесь предельно вежливо, у нее очень высокий ранг и связи в верхах.

Ахмед и напарник остолбенелыми глазами смотрели на распростертого рядом с нею боевика с автоматом в руках и пулей во лбу. В двух шагах еще двое, убитые так же надежно, а за горящим авто угадываются еще тела.

— А это...

— Опознаете по досье в полиции или спецслужбах, — отрезал я. — Все в международном розыске. Посмотрите еще и в доме, но осторожнее!

Ахмед, как старший, спросил быстро:

— Там еще боевики?

— Кто-то мог уцелеть, — ответил я. — Хотя надеюсь, что нет... А сейчас, ребята, я вас покидаю. Вы меня не видели, а террористов перебили сами!

Я улыбнулся, отступил и торопливо юркнул за развалины, а оттуда все же посмотрел, как руки Стеллы завернули за спину, благоразумно надели на них стальные браслеты, а уже потом заклеили пластырем ее рану.

Глава 5

Издали прозвучали сирены мчащихся в нашу сторону полицейских автомобилей. Похоже, Ахмед, видя такое побоище, вызвал уже не помочь, она не нужна, но спецов, пусть разбираются и опознают убитых на месте, а не в морге.

За время перестрелки со Стеллой и ее людьми с той стороны особняка торопливо выбежали двое,

в руках длинный черный мешок, забросили в багажник «Мерседеса», а сами прыгнули за руль.

Я проследил в бессилии, как «мерс» торопливо выметнулся на дорогу и сейчас уходит на предельной скорости. Мудрое решение, там полиция, масса народа, бегать и стрелять затруднительно, а так как это вынуждена делать нападающая сторона, то полиция скрутит в первую очередь ее, то есть меня...

В гараже пусто, хотя нет, вон в углу сиротливо приютился мотоцикл, но зря прикидывается жалобным, это ж «Дукати Монстр 990», мечта всех байкеров!

Бензобак полон, я торопливо прыгнул в седло, подошва почти привычно нашупала педаль газа. Вообще-то для меня родной только велосипед, даже за руль автомобиля я в первый раз сел, зная все о нем и дорожном движении только в теории, так и здесь вывел и погнал в сторону дороги сперва осторожно, но с каждым мгновением чувствуя себя все нахальнее и увереннее.

Как только вскочил на шоссе, начал выжимать из мотора максимум, дороги здесь идеальные, дураки всегда их ставят в пример российским, не зная по своей дурости, что в этих краях зимы не бывает вообще и что Россия – чемпион мира по переходу через ноль, когда температура то поднимается выше нуля и снег на асфальте тает, то падает ниже и вода замерзает, раздвигая микроскопические трещинки больше и больше, за один сезон ломая все покрытие.

Ссылки на Норвегию не катят, там температура на всю зиму остается примерно на одном уровне, никаких переходов через ноль...

— Блин, — сказал я невольно, — а это еще что?

Далеко впереди в сторону шоссе несется широкий пикап с мужчинами в кузове. На большой скорости, отрывая колеса от земли, выпрыгнул на трассу и тут же понесся за уже далеким белым «Мерседесом».

Все с оружием, как сразу рассмотрел, расположились у заднего борта поудобнее, чтобы взять меня на прицел. Я хоть и далеко, но вскоре догоню, а у них бесспорное огневое преимущество.

Молодец Хиггинс, сумел организовать дополнительную охрану.

В самом деле не пытаются загородить дорогу, тоже мчатся на пределе, стараясь догнать белый «Мерседес».

Покрытие шоссе идеальное, ни единой кочки или трещины, не трясет и не подбрасывает, даже такому гонщику, как я, можно не опасаться потерять руль и вылететь в кювет.

Мотоцикл несется как яростный стальной зверь, я со злой радостью видел, как хоть и медленно, но сокращается расстояние, сокращается.

Мелькнула запоздалая мысль, не слупил ли, фактически отпустив Стеллу. Что за прилив человеческого любия, нельзя же отпускать противника только потому, что с ней неплохой коитус...

Нельзя, ответил рассудительный голос, но ты отпустил не потому, ты скотина расчетливая и довольно бесчувственная. Сразу прикинул насчет будущего, когда сможешь ее как-то использовать, а это правильно, везде сам не сможешь не только лично, но даже с отрядами правительенного спецназа.

Выстраивай собственную сеть, все может пригодиться, начиная с Дугласа. Все спецслужбы так работают, ты не открыл Америку. Даже с мафией работают, хотя и отрицают с пеной у рта.

Я, конечно, могу доказать, что ЦРУ использовало и самых отъявленных преступников, но зачем, пусть использует. Не в идеальном мире живем.

В сингулярности будем идеальными... хотя кто знает, кто знает.

В кузове пикапа начали отстреливаться, на таком расстоянии можно попасть только случайно, но преимущество на моей стороне: в толпу попасть легче, чем в одиночку.

Их пятеро, после трех выстрелов один осел на пол, и хоть очень непросто одной рукой удерживать прыгающий руль, а другой ловить на прицел врага и стараться нажать на спуск в нужный момент, но через полминуты еще один выронил винтовку и упал навзничь.

Остальные трое усилили стрельбу, к тому же и я подобрался ближе, пули то и дело звякают по корпусу мотоцикла и бронестеклу. Я приоравливался к прыжкам байка, ловил в прицел оставшихся трех мерзавцев и стрелял в центрального, но обычно дергался и хватался за раненное место кто-то из крайних.

Наконец остался тот, кого я счел за главного, однако вместо того, чтобы продолжать отстреливаться среди трупов своих соратников, он развернулся и бешено застучал по кабине.

Автомобиль резко остановился. Вожак молниеносно соскочил, и почти сразу из кабины прогрохотала в мою сторону автоматная очередь.

Я развернул байк и, ударив по тормозам, выкатился на безопасную сторону. Земля сухая и прожаренная солнцем, от моего падения взвилось облачко пыли, тут же в полу шаге щелкнул камень, расколотый пулей.

Не рискуя бесцельно, я торопливо посмотрел глазами спутника, зумил до предела, вот так, хорошо видно, как трое залегли за автомобилем, а тот белый «Мерседес» все наращивает скорость, стараясь удалиться от нас как можно дальше.

Я прокричал:

— Эй, орлы!.. Мне нужны не вы! Уйдите с дороги, я только за тем белым «мерсом»!

В ответ прозвучала автоматная очередь. Я прижался к земле, защищает от пуль не столько мотоцикл, как бугор придорожной канавы, старый и высохший, явно строили по своим канонам европейцы, а то, что здесь дожди бывают раз в три года, во внимание принимать не стали.

Сцепив челюсти, я тщательно прицелился, цель вижу отчетливо со спутника, а здесь не очень, могу только просчитывать, как пойдет пуля, если все точно рассчитать...

На этот раз даже дыхание задержал, нажимая на скобу. На той стороне брызнул осколками валун, один из боевиков, что раньше сидел с шофером, инстинктивно отшатнулся, получив в щеку мелкими осколками.

Я ждал именно этого момента, палец тут же нажал на курок. Боевика словно конь лягнул в лицо, рухнул на спину, вскинул руки, роняя автомат.

— Минус один, — сказал я. — Блин, а еще их целых восемь миллиардов... Надо их как-то иначе...

Второй, слишком умный, получил пулю в кисть в тот момент, когда поднял руку над головой и попробовал дать очередь по мне вслепую.

Третий, который до этого отстреливался из кузова, не стал искушать судьбу, а принял поспешно отползать от дороги, а затем поднялся на ноги и понесся прочь, как скаковая лошадь.

Я торопливо побежал к их автомобилю, нужно убрать с дороги, быстро завел и тут ощутил, что не зачем терять время, проще пуститься в погоню на этом, здесь и мотор мощнее, и колеса шире...

Белый «Мерседес», почти не снижая скорости, проскочил мимо вынесенной далеко за центр города группы небоскребов, а это значит, дальше попадет в зону наблюдения полиции. Видеокамеры установлены на всех перекрестках, нарушения скоростного режима караются жестко даже в арабских странах, хотя правила сами по себе намного мягче.

Я, наблюдая за «мерсом» и со спутника, уловил, как он пойдет дальше, резко и рискованно свернул, но успел вывернуть руль перед встречным грузовиком, пошел наперевес, так же вроде бы безрассудно проскакивая где на красный, где по разметке, наконец вылетел на эстакаду над дорогой, торопливо остановил у края и выскошил.

Внизу белый «мерс» прет со скоростью около семидесяти километров в час, многовато в таком тесноватом месте. Я вздохнул, задержал дыхание и с пистолетом в руке прыгнул через низкий барьерь.

Расчет показывает, что рухну прямо на капот, водитель смотрит прямо перед собой и меня пока

не видит, я еще в воздухе успел выстрелить дважды, в боевика рядом с водителем и в самого шофера.

Больно брякнулся на капот, ушибся, но успел ухватиться за выступы, раскорячившись, как лягушка. Ветер дует в задницу с такой силой, что, не будь я в плотных брюках, раздул бы как воздушный шар.

Переднее стекло покрылось крупной белой патиной. Я ощутил, как автомобиль уходит вбок, поспешно скатился с капота в сторону, продавливаясь сквозь воздух, словно камень на дно озера.

Мозг просчитал сотни вариантов падения, выбрал десяток лучших, я успел изготовиться к тому, который он поставил на первое место.

Меня перевернуло несколько раз, но мозг следит, чтобы тело реагировало правильно, не пыталось ухватиться за что-то, иначе выставленные в панике руки тут же переломает, как спички.

И, еще не закончив кувыркаться, я ощутил, что ничего не повредил, вскочил и дважды выстрелил вдогонку. Мозг, учитывая возможности биологической ткани, тщательно выбрал самый выполнимый вариант, и я сам ощутил, что да, пули догнали автомобиль и просадили заднее стекло в нужном месте.

Вся громадная машина автомобиля ударились в угол дома и застыла с искореженным капотом, из-под которого пошел сизый дым. Прихрамывая, я подбежал к задней двери, рванул на себя.

Заскрежетало, я дернул сильнее и едва не упал на спину, вырвав ее целиком. На заднем сиденье двое боевиков с автоматами в руках и с пропущенными затылками. Уткнулись лбами в спинки передних сидений, кровь пропитала волосы и стекает за шиворот, это дыра во лбу тут же деликатно заку-

поривается кровяным сгустком, а здесь все красиво и по-настоящему.

За барабанкой мертвый водитель, на соседнем сиденье крупный мрачного вида мужик. Оба получили по пуле спереди в голову, когда я красиво стрелял в падении, потом еще и хряснулись уже разбитыми головами о руль и приборную доску.

Я метнулся к багажнику, и едва поднял рывком крышку, Эсфирь с черным мешком на голове тут же начала извиваться всем телом. Я сдернул мешок, у нее заклеен липкой лентой рот и крепко связаны толстой веревкой руки.

— Привет, — сказал я, — ничего, что я вмешался?

Она посмотрела дикими глазами, часто-часто заморгала, приоравливаясь к яркому свету.

— Вылезай, — велел я быстро. — Место оживленное, задерживаться не стоит. Вон уже народ собирается, сейчас селфиться будут.

Она молча протянула связанные руки, я вытащил нож и одним ударом перехватил веревку. Поморщившись, она тут же сорвала ленту, охнула, но метнулась к распахнутой двери и ухватила автомат из рук убитого охранника.

— А ты тут как оказался?

— Да так, — ответил я, — шел в библиотеку. Кстати, здесь библиотеки как, приличные?

— Зачем, — спросила она, — когда есть Коран?

— Счастливые, — сказал я. — Не отставай, Фатима.

— За Фатиму когда-то убью, — пригрозила она.

— Люблю это предвкушение, — ответил я. — Умереть от руки прекрасной девушки, как говорят дураки, это же счастье. Это ты прекрасная, хотя не

поверишь, потому давай через этот переулок.. там через двор, и никто не проследит.

Я вытащил из кармана убитого зажигалку, щелкнул и бросил с открытым огоньком под днище, куда медленно ползет струйка из поврежденного бензобака.

Эсфирь побежала следом, заметно прихрамывая, злая и взвинченная. Когда мчались мимо тесно поставленных домиков, на нас смотрели из окон и с балконов, указывали пальцами.

К счастью, никто не выстрелил, а на той стороне, где у бордюра пара припаркованных автомобилей, я высмотрел было лимузин помощнее, но сейчас не до жиру, пробежал мимо и остановился у джипа-вездехода, крытого и даже с тонированными стеклами.

На бегу отключил сигнализацию, Эсфирь только рот открыла, когда я легко распахнул перед нею дверцу.

– Не ранена?

– Нет.

– А чего хромаешь?

– Для красоты, – огрызнулась она. – Чтоб заметил и повосхищался моей грацией!.. Чего смотришь, отлежала!

– Ладно, – сказал я, – лежачая работа кончилась.

Она рухнула на сиденье, злая и пристыженная, буркнула мне в затылок:

– Намекаешь, будет хуже?

– Будет, – ответил я с сочувствием, – но передумывать поздно, автомобиль горит, а твоих спутников развлекают турии даже лучше, чем развлекла

бы ты сама. Хотя кто знает твои скрытые возможности...

Она оглянулась с заднего сиденья, там позади громыхнуло, взвился столб огня, торжествующе поднялся жуткими черными клубами столб дыма, похожий на вырвавшегося на свободу злого джинна.

Пламя быстро уменьшилось, но удущиво-черный дым стал гуще и поднялся выше крыш, пугающе грозный и зловещий.

Глава 6

Я быстро кругнул баранку, сворачивая во двор, не стоит встречаться с полицией, пронесся еще через два проходных, а когда выскочили на улицу, услышал, как с облегчением вздохнула Эсфирь.

— Нет у меня скрытых, — буркнула она наконец. — Ты их все знаешь.

— Польщен, — сказал я.

— Чем?

— Что мне сразу все выложила.

— Попробовала бы не выложить!

Что она имеет в виду, я выяснить не стал, автомобиль под моей твердой, надеюсь, рукой занял левую полосу, я погнал с максимальной разрешенной скоростью.

— Похоже, — сказала она, — раньше ты подрабатывал угоном автомобилей?

— Хорошо получается?

— Бесподобно, — согласилась она. — Эти штуки от тебя даже не защищаются. Жаль, тоже придется бросить.

- Не тот цвет?
- Слишком многие видели, как ты его спер у всех на глазах так нагло, будто в самом деле доктор наук.
- А нам только выскочить в другой квартал, – сообщил я, – а там зигзугами и кандибобером.
- Пешком?
- А что, – спросил я, – разве планета не стала совсем крохотной?

Она промолчала, а я продолжал наблюдать за Хиггинсом с помощью его же камер наблюдения: нервно расхаживает по кабинету, дважды на ходу в раздражении ударил кулаком по стене, злой и расстроенный, что и понятно, мужчины не любят проигрывать даже в мелочах, а он, хоть и остается строительным магнатом и хозяином провинции с ее нефтяными запасами, все же проиграл в деле перепродажи ядерных зарядов, а это больно бьет по самолюбию.

Ударило бы меньше, будь амбиции поскромнее, но скромный мужчина уже не совсем мужчина, такие выбывают из борьбы на самом первом этапе. Среди бизнесменов уже по дефолту нет ни скромных, ни мягких, само словосочетание «скромный бизнесмен» звучит настолько дико и нелепо, что всякий только иронично хмыкнет.

Продолжая мерить шагами кабинет, он сказал громко:

- Зульфия, ко мне!

Дверь из комнаты секретарши распахнулась с такой скоростью, словно эта куколка прижималась к ней ухом.

Зульфия, высокая и красивая молодая женщина, одетая строго по-европейски, как и в тот вечер, когда по приказу Хиггинса пришла в мою комнату разделить со мной постель, перешагнула порог и остановилась, держа руки почти по швам.

— Да, господин?

— Вызови Карла, — велел он, — и сразу Франца. Пусть Франц захватит доверенных электриков. Это срочно!

— Да, господин, — ответила она и неслышно выскользнула в свою комнату.

Эсфири покосилась на мое неподвижное лицо.

— Пора бросать автомобиль.

— Еще пару кварталов, — сказал я, — я просто вторым мозгом чувствую, что пока что нас еще не ищут.

— Вторым мозгом? — спросила она. — У нас говорят, жопой.

— А у нас, — ответил я, — задницей. Потому что мы культурные.

— Какая разница, — сказала она, — второе уголщение мозга у всех там.

— Потому динозавры и проиграли, — сообщил я новейшие научные данные, — не ту часть спинного мозга начали развивать, будто женщины... Вон там и остановимся!

Она молча следила, как я умело загнал во двор и спрятал за сарайми, чтобы не только полицейские с улицы не увидели, но и во дворе никому не мешал. А кому и помешает, то посмотрит на сам авто и отделку салона и не захочет связываться с таким богатым владельцем, потому что богатство — это сила, грубость и демонстрация превосходства.

Через два часа кружными путями и постоянно проверяя насчет слежки, подошли к ее дому. Она сразу направилась в ванную, а я не стал интересоваться, насиловали ее в плену или не успели, в наше время это такая мелочь, теперь никто не поймет, почему всего сто лет назад из-за такой ерунды женщины топились, вешались, резали себе вены и вообще расставались с жизнью, будто в чем-то виноваты они, а не насильники.

Я все еще водил пальцем по экрану планшета, когда она вышла, шлепая мокрыми босыми ступнями по полу, уже в длинном роскошном халате и с высокой чалмой на голове.

— Ах-ха, — сказала она с неодобрением. — Работает он!.. Нет чтобы, как настоящий мужчина, уже хлопотать на кухне!..

— Кофе почти уже, — ответил я, не поднимая головы, — гренки сейчас еще почти... или ужее? А вообще, постоянно жрать вредно. Не корова вроде бы. Хотя если вот в профиль...

— При нашей жизни не вредно, — ответила она. — Что накопал? Или нарыл?

— Сперва нанесем визит господину Хиггинсу, — сказал я. — А вот и кофе готов... Или готово, как говорят самые продвинутые.

Я переставил на стол обе чашки, тут же щелкнула пружина тостера, и два подрумяненных ломтика ароматно пахнущего хлеба выпрыгнули из горячих объятий на свободу.

Она положила один на блюдце мне, второй взяла себе и тут же забыла о нем, глаза непонимающие.

— Зачем? — спросила настороженно. — Хочешь дождаться?

— Напротив, — ответил я. — Он теперь уверен, что ему ничего не угрожает. Самое время сделать выдирку.

Она не стала переспрашивать, что такое выдирка, только посмотрела удивленно и с тревогой в глазах.

— Но вы же договорились?.. Он теперь служит тебе?

— Да как сказать тебе, чтобы не как женщине...

Она всмотрелась в мое лицо.

— Что-то не так?

— Увы.

— Ты нарочно заключал договор?

— Не совсем, — признался я. — Просто лажанулся. Я лажанулся. Он сперва вроде бы принял мои условия, в самом деле принял, я в таких вопросах разбираюсь, но потом мужское это взяло верх. Не знаю, объясняли вам или нет на кратких шпионских курсах Моссада, что мы, самцы, очень не любим подчиняться!.. В каждом сидит маленький лидер, у некоторых еще и лежит, а в других, напротив, сразу активно рвется к доминированию... Да ты пей кофе, остынет!

Она спохватилась, захрустела краешком поджаренного хлебца, все еще не отводя взгляда от моего лица.

— Да, Хиггинс не из тех, кто так легко сдается.

— Я ошибся, — ответил я без охоты, — сделав ставку на разумность. Разум ему велел подчиниться, но годы царствования на вершине империи дали перевес эмоциональному этого. Он хоть и понимает, что действует себе во вред, но уже не может остановиться.

Она сделала первый глоток, буркнула:

— Да, это как скандал. Начать легко, остановиться трудно... И что теперь собираешься?

— Изъять, — сообщил я. — Из общества... Хороший кофе, но это не тот, что в прошлый раз.

Она отмахнулась.

— Да какая разница! Сыплю те зерна, какие в шкафчике. И куда изъять? В тюрьму?

— В тюрьме тоже общество, — напомнил я. — Изъять из бытия. Если загробная жизнь существует, как полагают в Израиле, то пусть он там разворачивается как хочет. Но не здесь.

Она огрызнулась:

— В Израиле ему не место!

— Почему? — удивился я. — Он же в деньгах купается, а евреи деньги любят.

— Арабские шейхи тоже в деньгах купаются, — напомнила она.

— Тоже евреи, — сказал я уверенно.

— Уверен?

— Абсолютно, — заверил я. — Разве арабы и евреи не братья по отцу?.. Ну вот.

— Тогда и вы все евреи, — сказала она сердито. — Десять колен, что значит, племен Израилевых ушли в земли России и там поселились! Когда никакой России еще не было, даже Скифия была не то Киммерией, где гулял козак Конан, не то чем-то еще страшнее...

— Только украинцам такое не брякни, — предупредил я. — У ваших служб есть какие-то данные о Хашиме из Йемена?

Она задержала чашку у самых губ, взгляд ее поверх фарфорового края стал совсем подозрительным.

— А кто он?

— Вот уж еврейская привычка отвечать на вопрос вопросом, — сказал я с неудовольствием. — Я вот тоже хочу знать. Странно, о нем ничего не известно...

— О многих ничего не известно, — отрезала она. — В основном это те двуногие, как ты их называешь. На твой высококультурный взгляд, они уже лишние на этой планете?

— Абсолютно, — подтвердил я, — но мы придумываем, как избавиться... Если не заметила, уже начали это нужное и полезное дело.

Я неспешно сделал долгий глоток, она неотрывно следит за моим лицом, но, думаю, теперь хрен что поймет, я быстро осваиваю свои скучные ресурсы.

— Это тоже двуногий, — согласился я, — но с ним связано что-то не совсем законное, что еще ладно, мы все нарушители, но еще и не совсем хорошее... Вернее, нехорошее и опасное...

Она поинтересовалась сварливо:

— А где о нем должно быть известно?

— Там, — ответил я туманно, — куда можно дотянуться. Но нет ни у нас, ни в Лэнгли, ни, как догадываюсь, даже в Моссаде. Либо это одноразовый псевдоним, либо вообще не знаю, что такое. Но что-то с ним связано нехорошее...

Она выпрямилась, стегнула по мне взглядом.

— А ты откуда такое взял?..

— По непроверенным, — сказал я, — но заслуживающим доверия данным нашей энкавэдэшной агентуры. У меня есть предположение, но слишком зыбкое...

— Говори, — потребовала она. — Не можешь же ошибаться подряд так грубо дважды?

— Надеюсь...

— Вообще-то можешь, — уточнила она безжалостно, — еще как можешь, но не захочешь же позориться перед женщиной!

— Перед женщинами как раз и ляпаются мордами в грязь, — сообщил я, — когда переоценивают силы, стараясь блеснуть... А ты в самом деле женщина?

— Еще не рассмотрел?

Я сдвинул плечами.

— А вдруг ты только в теле женщины?.. Ладно, если хочешь поучаствовать, то дорого не возьму, собирайся. Когда говорю «собирайся», это не значит красить губы и ресницы. Кофе уже выпила, гренки сожрала, а больше не дам. И так корова.

— А что значит? — спросила она ядовито.

— Да, — сказал я, — ты в самом деле женщина.

Через несколько секунд она встала передо мной одетая, готовая к выходу и с традиционным платком на плечах.

— А ресницы? — спросил я.

— У меня недостаточно длинные? — спросила она с вызовом. — Или редкие?

— Нет, — признался я. — Ты само совершенство. В какой-то мере даже опасное для моего исполинского и всесокрушающего разума.

— В какой?

— Где-то в районе полутора процентов.

— У тебя только это исполинское, — сообщила она кратко. — И самомнение. А где сейчас Хиггинс?

Я сдвинул плечами.

— Как у большинства мультимилионеров, у не-

го несколько роскошных дворцов в разных концах света. Но сейчас он в Арабских Эмиратах. Недалеко от Дубая, кстати.

— И ты знаешь в каком?

Я кивнул.

— Да, конечно.

Она спросила с подозрением:

— А откуда узнал?

Я ответил самодовольно:

— Тебя снабжает и подстраховывает, если успевает, твоя группа, а меня — своя. Люди под глубоким прикрытием, показываться им нельзя, слишком дорого стоило внедрение. Думаю, Игорь с его группой тоже не единственные агенты Моссада в Арабских Эмиратах?

Она поджала губы и не ответила. Я вывел на экран планшета полученный со спутников общий вид здания с обширным двором и хозяйственными постройками, окрестностей, а затем раскрыл файлы с детальными чертежами.

— Вариантов много, — сказал я, — но все ходы-выходы перекрыты, везде охрана. В двух метрах вообще автоматизированные системы огня... можно бы попытаться там, но пока рассматриваю вариант насчет шахты лифта. Здесь один грузовой и два пассажирских. В смысле, там один грузовой и два пассажирских...

Она сказала сердито:

— Это я понять могу, не уточняй. Но... как?

— Лучше грузовым, — пояснил я.

Она посмотрела с недоверием.

— А как туда попадешь?

— Хороший вопрос, — похвалил я. — Деловой.

- Ну, знаешь!.. Я хотела сказать, это безумие!
- Карте место, – ответил я.
- Так как?
- На месте решим, – ответил я легкомысленно.

Глава 7

Она посмотрела с недоверием, легкий тон вроде бы не вяжется с моей занудной серьезностью учебного, но, с другой стороны, какой мужчина рядом с красивой женщиной не становится легкомысленным?

Я подумал с невеселой иронией, что нам предстоит то, что эвфемистично называется *зачисткой*. Сперва зачистить коридор, что значит перебить всех на хрен, затем зачистить лестницу, залив ее кровью и завалив трупами, а дальше весь второй этаж, убивая любого выскочившего навстречу, будь это боевик или перепутанная служанка, потому что все обязаны лечь на пол и не двигаться.

Проклятые красавицы языка, что позволяют творить убийства, оправдывая их или хотя бы нивелируя. Мы не убиваем, а всего лишь зачищаем. Словно с веником прошлились.

– До ночи еще не скоро, – сказала она строго и, перехватив мой взгляд, сразу ощетинилась, – ты чего? Днем туда переть – безумие!

– Да, – согласился я. – Это по-женски. А вот ночью – красиво и романтично.

– Это практически, – оборвала она с той же надменностью постоянной воюющей за женские права

феминистки. – Днем охрана начнет стрелять в любого, если тот не сам эмир Умар ибн аль-Хаттаб!

– А ты точно не эмирша? – поинтересовался я. – На восточную принцессу тянем с избытком. Если не обликом, хотя и с ним в порядке, то замашками так и вовсе царица Савская.

– У меня ничего не в избытке, – заявила она и прошлась ладонями по бокам. – И я не чернокожая, как та царица с козыми ногами. Можно вздремнуть вечером, чтобы потом в форме...

– Поставь будильник, – предложил я, – а то и забудем о такой ерунде, как убийство Хиггинса и его охраны.

Она сказала сердито:

– Не убийство, не убийство!.. Справедливое наказание.

– По суду?

– Ты что, – изумилась она, – себе не веришь? Готов уничтожить восемь миллиардов человек, а этого мерзавца...

– Для эволюции нет такого понятия, – напомнил я. – Есть успешные и неуспешные особи. Успешные должны выжить, давать потомство и вытеснять неуспешных. Род людской пресекся бы в самом начале, если бы в нем не было таких хиггинсов.

Она что-то щебечет, но практически не слушаю, хотя у нее не щебет, а скорее клекот орлицы, но в нашем понимании все женщины щебечут и чирикают, а за рулем – обезьяны с гранатой, так жить удобнее, и я одновременно серфил в Инете, приглядывал за своими в офисе, особенно за Гав-

рошем, что многое умничает и старается поднять статус, наконец углубился в расчеты с вариантами корректировки генов.

То, что удалось сделать с моими генами, теперь с гораздо меньшим риском можно повторить с другими людьми. А еще год-два — и риск можно исключить практически полностью.

С другой стороны, такой человек приобретает огромную мощь и власть, которой очень захочет воспользоваться. Я и то жажду как-то насынчить, но воздерживаюсь, а как другие? Смогут ли?

Если нет, то даже не представляю, что будет. Стоит хорошенъко взвесить.

Я перехватил на себе ее строгий взгляд.

— Что?

— О чем задумался? — спросила она с подозрением. — У тебя такое лицо...

Я отмахнулся.

— Да о ерунде всякой.

— Какой?

— О тебе, — ответил я любезно. — О чем воспитанный мужчина обязан думать даже после случки?.. Хотя, конечно, не думает, но говорить любезности самке пока еще никто не отменял.

Она поморщилась.

— Перестань хамить, меня не собьешь.

— Че, правда?

— Я тебя, паразита, — сообщила она, — насквозь вижу. Да, ГРУ — мощная разведка, если такие важные данные добывает и снабжает, никак перехватить не удается...

— А зачем? — спросил я с мягким укором. — Мы на одной стороне.

— Сейчас на одной, — согласилась она, — но кто знает, что будет завтра? Стоит на тебя посмотреть...

Я ответил твердо:

— Завтра будет сингулярность. А она решит все нынешние вопросы. Сразу. Во мгновение ока. Хрюкнуть не успеешь. И даже пискнуть.

— И ты даже знаешь, когда это случится?

— Увы, — сказал я, — говоря политкорректно, я человек с ограниченными возможностями.

— А-а, — сказала она понимающе, — женат?

— Нет, — сообщил я, — у меня другие ограничения.

— Серьезные?

— Не очень, но все равно как-то не радующие... Хотя кто из нас любит ограничения?.. О дайте, дайте мне свободу, я свой позор сумею искупить...

Она фырнула и ушла в другую комнату, как же, тайны мадридского двора, вот прям ничего и не услышу, о чем говорит. Даже вижу, кто как сидит там в наполненной компьютерной техникой последнего поколения комнатушке, о чем говорят еще между собой, какие графики на стенах и какая помада у женщины рядом с Игорем, что принял от меня атомные заряды.

В демократическом мире все новостные каналы ориентированы на удовлетворение запросов быдла, которому больше всего интересно, кто с кем спит и сколько мячей собираются закатить в сетку ворот во всякого рода футболах и прочей хрени, потому эти я просто отсекаю сразу, потому как нормальные люди вообще не подключают спортивные или так называемые развлекательные каналы.

В каналах, что именуются научными, девяносто процентов шлака, перепевов, обещаний будущих прорывов, но остальные десять просматриваю просто с наслаждением.

Вот Мацанюк, нигде не афишируя, вложил еще семь миллиардов долларов в новый вариант программы генных модификаций. Для этого еще и устроил настоящую охоту за перспективными молодыми гениями, его люди отлавливают их еще с первых курсов вузов, назначают повышенные стипендии, решают их проблемы, чтобы ничего не отвлекало от работы и творчества, но попутно связывают обязательствами работать в его Центре биотехнологий.

За это же время Ицков сумел привлечь интерес богатых инвесторов к его программе разработки машинного интеллекта по программе «Россия-2045», догнал аналогичные штатовские и кое в чем начал обходить на прямой, хотя еще и длинной дороге к финишу. Даже знаменитые Силико и Айби-Класс, у которых в портфеле почти триллион долларов инвестиций, во многом начали уступать ему лидерство.

Но гигантские суммы далеко не всегда дают преимущество. На строительство штатовских суперавианосцев стоимостью в сотни миллиардов долларов российские умельцы ответили созданием крохотных гиперзвуковых ракет, неуловимых для радаров, одна такая штучка способна с ходу уничтожить авианосец со всем окружающим флотом сопровождения.

Да что там гиперзвуковые ракеты: американцы до сих пор запускают своих космонавтов даже не на

российских, а еще на советских двигателях РД-180 и пока не в состоянии создать хоть какую-то замену!

Так что да, Мацанюк с его миллиардами может добиться большего успеха, чем конкурирующие штатовцы с их триллионами, а Ицков, умело привлекая чужие деньги, в состоянии обогнать их же, что и прекрасно, и тревожно. Открытия теперь часто свершаются раньше, чем успеваем подготовиться, это еще ладно, а то не успеваем даже проанализировать последствия, что в современных условиях катастрофично...

Она вошла в комнату, смартфон еще в ладони, взглянула с вопросом в серьезных глазах.

– Почему не на кухне?

– Сколько можно жрать? – спросил я.

Она сдвинула плечами.

– Я о тебе забочусь. Вы, мужчины, либо жрете, либо...

– Пьете, – досказал я. – Давай все-таки проедемся по окрестностям. Надо посмотреть пути отхода. Да и на гнездышко Хиггинса взглянем издали, вдруг что еще увидим.

– Я только «за», – ответила она, – однако это может быть слишком... Мы стали заметными, не находишь? Ориентировка на обоих могла поступить в полицию. А то и тем, кто посеръезнее.

– Здесь Восток, – ответил я. – Жизнь течет неторопливо.

Она взглянула на меня с пренебрежением.

– Говоришь так, будто сам потер о нас все записи!.. Ладно, я рискнуть готова. Ставки слишком высоки.

Я кивнул молча, женская интуиция — сила, даже если женщина сама не догадывается, насколько ее нелепости бывают верны. Конечно же, я слежу, что о нас говорят, и вовремя корректирую, а что-то и вовсе стираю в момент поступления, но дернулся, когда она сказала такое...

Задержались только затем, чтобы выпить по чашке кофе, я его пью в любом случае, в усталости и бодрости, счастье и горе, болезни и здоровье, и вообще без всякого случая, а просто потому, что нравится.

Чашки Эсфирь мыть не стала, сложила в раковину и повернулась, красивая и надменная.

— Все, больше не наувиливаешься!

— А еще по чашечке?

— Нет!

— По маленькой?

— Нет, — отрезала она. — Пойдем. Почему все мужчины такие ленивцы?

У подъезда ждет неприметный «Ниссан», мышного цвета и смотрится как-то чучундристо, что меня вполне устраивает, разведчики все чучундры, чучундрость как раз и обеспечивает успех в большинстве случаев...

— Хорошая у тебя команда, — заметил я. — Ты распорядилась или сами такую выбрали?

Она отмахнулась.

— Некоторые вещи делаются в автоматическом режиме.

Мы сели в машину, я заглянул в бардачок: все верно, там права и все документы на владение автомобилем.

— А на самолет, — поинтересовался я, — тоже могут?

— Какой, — уточнила она, — простой или военный?

Я отмахнулся.

— Проверка слуха. Пора стукнуть эмиру насчет коррупции в его фундаментальных рядах. Демократия проникла уже и в его руководство!

— Я тебе стукну, — пригрозила она. — Так стукну, вместе с дверью вылетишь.

Глава 8

Эту автомашину тоже ведет так, словно знает все ее причуды, хотя, думаю, все проще: под невзрачной внешностью таится новейшее оборудование, как и под капотом — новенький мотор, где все отложено до последнего винтика, ничто не подведет, а сама машинка выполнит любые капризы.

Я уже привычно отслеживаю движение по всему городу с высоты, это становится чуть ли не манией, как, к примеру, люди, не имевшие раньше вообще телефона в квартире и жившие преспокойно, теперь не могут выйти за дверь без мобильника в кармане, а если такое случится, то поспешно возвращаются за ним, иначе как жить, как жить?!

У меня такое же навязчивое состояние насчет необходимости видеть и слышать все-все в мире, ладно, хотя бы в этом городе в подробностях, а во всем мире — главное. Раз уж могу, то должен!

Человек может прожить без того, чего у него никогда не было, как, к примеру, все человечество когда-то обходилось вовсе без электричества, а сейчас

исчезни всего лишь Интернет... рухнет вся мировая экономика!

Эсфирь время от времени косилась в мою сторону, наконец поинтересовалась недовольно:

– Признавайся, что за гадость придумал?

– Почему гадость? – пробормотал я. – Просто мыслю о высоком.

– Выше летающего крокодила?

– Сбоку, – уточнил я. – В квантовой плоскости восьмого измерения... Останови вон там... Нет, за той кафешкой. Я ненадолго, подожди в машине, хорошо?

– Снова по бабам, – сказала она понимающе, – я думала, ты руссиш мэдвэд, а ты повадками гальский петух какой-то.

– Что делать, – поддакнул я, – жаркий климат, острые восточные специи... Надо же как-то твою нордическую холодность компенсировать.

Она промолчала, но во взгляде прочел укор, какая нордичность, когда под нами кровать едва не вспыхнула, но сказать такое – это почти оправдываться, а женщины никогда не оправдываются, это мы всегда виноваты...

Я вышел из машины, мягко прикрыв дверь, но двое крепких мужчин в строгих костюмах у входа в кафе все равно сразу обратили на меня внимание, я уловил их готовность сдвинуться и загородить вход, дескать, санитарный день или налоговая проверка, мешать нельзя, потому сразу сказал весело тому, что слева:

– Привет, Абдул!.. А знаешь, твоя сестренка Лейла, которую ты дразнил замарашкой, начала встре-

чаться с Гарбеном?.. А этот ишак на семь лет старше тебя!

Он дернулся, глаза расширились.

– Что? Да я его убью...

– Тогда поторопись, – сказал я так же беспечно. – Сейчас они поехали в Клуб западного кино, но сам знаешь, что там за кино... Можешь позвонить ей, проверить. Если станет врать, что в школе, вели включить камеру в смартфоне. Пусть покажет, какие там школьные стены, ха-ха!

Он торопливо ухватился за карман, где вижу включенный мобильник с работающим диктофоном, а я сразу же повернулся ко второму бодигарду:

– Цеденгул, ты обещал год тому назад во всем помогать Хургалу, после того, как он тебя вытащил из тюрьмы. Если шейх его не отпустит, тебе придется поехать вместо него решать проблемы его семьи.

Он застыл, до этой минуты был уверен, что это их с Хургалом тайна, а я улыбнулся и прошел мимо в помещение.

Принц Касим сидит за столом в одиночестве, перед ним только чашка кофе и сладости, я направился сразу к нему, улыбнулся издали обезоруживающе.

– Да-да, охрана меня пропустила, потому что это важно. Принц...

Он нахмурился, кивнул на стул по ту сторону стола.

– Странно, что вас пропустили. Похоже, вы знаете, кто я?

– Спасибо, – сказал я учтиво и медленно опустился на сиденье. – Прежде всего, чтобы показать наше уважение, сообщаю: в вашем окружении один

человек из «Хаджа Сархана» и двое из организации крайне левой группы «Аль-Массула».

Бровь его слегка приподнялась.

– Вы... уверены?

– Человек, – сказал я, – которого вы ждете на тайную встречу, – это Бахрияр, он из Аль Баха, хотя вам сказал, что из Хамима. Работает на вас, но, чего вы не знаете, еще и на разведку Ирана. Покушение на вашего брата было с его подачи... Это так же верно, как и то, что в вашем левом кармане лежит записка с первыми каракулями вашей младшей дочери Амины. Поздравляю, вчера у нее эта попытка была не такой удачной.

Он заметно напрягся, но тут же заставил себя улыбнуться и произнес почти светским голосом:

– Уверены, что это Бахрияр?..

– Как и то, – сказал я, – что он в рубашке зеленого цвета, усы не подбрел, как вы советовали, а брюки надел желтые... фи, какой диссонанс... А едет на «Порше» белого цвета. Я прощаюсь, принц, и желаю вам счастья и долгой жизни!

Он сказал быстро:

– Погодите. Похоже, вы хорошо знаете, кто я и чем на самом деле занимаюсь. А кто вы?

Я ответил учтиво:

– Наша организация знает, что человек вы предельно честный, как и большинство людей в разведке, и преданный порядку и закону. Но сейчас мир меняется слишком быстро. Даже ученые, которые его меняют, и то поражаются. Самое опасное, что изменения в одной точке могут изменить весь мир. Раньше это совершалось медленно, как, например,

великое учение Пророка возникло в Мекке, а распространялось по миру столетиями, а теперь любую новость узнают во всех странах в режиме реального времени.

Он кивнул, заметно польщенный, я сослался на учение Пророка с великим уважением, это заметно, а еще ощутимо, что делаю совершенно искренне...

– Новости бывают хорошие и плохие, – продолжал я так же методично, – но кроме новостей так же распространяются и моды, тренды, хорошие и плохие привычки. Это уже серьезнее...

Он помрачнел.

– Да, в последнее время с Запада идет волна, разрушающая наши обычай.

Я вздохнул.

– Сперва она у нас все разрушила, чему рада только самая низкая чернь.

– А что благородные люди?

Я посмотрел с укором.

– Будто не знаете принципы демократии! Благородных уравняли в правах с неблагородными, и все теперь решается большинством голосов. А черни в любой стране больше.

– Отвратительно, – сказал он с чувством. – Просто мерзко.

– Что делать, – сказал я, – теперь правителей выбирают большинством голосов, потому на троне оказывается тот, кто нравится большинству черни.

– Отвратительно, – повторил он и покачал головой. – Это ужасно.

– Потому этот правитель, – закончил я, – постоянно старается угодить своим избирателям, иначе

на следующих выборах посадят на его место еще более послушного.

— Это приведет к гибели, — сказал он мрачно.

— Совершенно с вами согласен, — сказал я. — Умные люди в меньшинстве. Полагаю, так везде, но у вас голоса черни звучат не так громко.

Он кисло усмехнулся.

— Увы, под влиянием Запада погонщики ишаков тоже требуют долю в руководстве страной.

— Главная беда нынешнего устройства Запада, — пояснил я, — хаотичность и лавинообразность научных разработок. Среди ученых тоже достаточно грамотной черни, у которых ни ума, ни благородства и которые занимаются наукой, совершенно не заглядывая вперед, к чему приведут их работы. Мы уже закрыли около сотни проектов, опасных последствиями, а в некоторых случаях вынуждены были... принять жесткие меры.

Он взглянул с интересом.

— А можно поинтересоваться?

— Да, — ответил я. — Неделю назад мы успели обнаружить в Тунисе лабораторию, что разрабатывала опаснейший штамм смертельного вируса. Стоило его выпустить из лаборатории, он за считанные дни уничтожил бы все население Туниса, а оттуда успевшие заразиться туристы занесли бы его в соседние страны... да и к вам.

Он напрягся, спросил тихо:

— И... чем закончилось?

— Мы обнаружили на последнем этапе, — ответил я. — Вирус как раз создали, оставалось его только выпустить и разнести по странам. Пришлось

действовать в спешке. Мы сожгли там все, как лабораторию, так и все-все.

Он спросил с тем же непроницаемым лицом:

– И людей?

– Это были преступники, – напомнил я.

Он подумал, кивнул.

– В Тунисе, говорите?.. Да, там спрятать можно все что угодно. У нас труднее, хотя... увы, тоже можно.

– Потому, – сказал я, – сейчас во всех странах спешно создаются контролирующие органы с чрезвычайными полномочиями. Чрезвычайными! Чернь особенно рьяно выступает против контроля, но даже правители не пойдут у нее на поводу, так как на кону существование всего человечества, в том числе и этой черни, что она упорно отказывается понимать.

Он невесело усмехнулся.

– Чрезвычайными – это хорошо, любые силовые структуры за расширение их полномочий. Но это сразу вызывает яростные противодействия.

– Власть нужно укреплять, – сказал я твердо. – Принц, действуйте решительнее. Мы, как видите, знаем многое. И в нужный момент поможем вам. Разведки разных стран, что даже враждуют на других уровнях, должны работать сообща. Есть настолько важные дела, что Восток и Запад обязаны делать вместе. Например, жить людям или погибнуть всем на свете, что запрещено Аллахом.

Он молча смотрел, как я поднялся и вышел на улицу, а через минуту к обочине подкатил белый «Порше», Бахрияр выпрыгнул через борт бодрый и улыбающийся, в зеленой рубашке и желтых брю-

ках, даже гигантские усы смотрятся неряшливо, не понимает, что и в пижонстве нужно знать меру...

Эсфирь молча дождалась, когда я сел, послала автомобиль в левый ряд, голос ее прозвучал обманчиво буднично:

— С бабами общался?

— Ну да, — согласился я. — Нам, самцам, необходимо разнообразие.

Она буркнула:

— То-то три охранника у входа.

— Три? — переспросил я. — Я заметил только двух.

— С двумя ты переговорил, — сказала она таким уличающим голосом, словно поймала меня в постели с ее бабушкой, — а третий сидел в трех шагах и наблюдал за вами, читая газету.

— Какую?

Она наморщила нос.

— Не разглядела. Но что ствол автомата смотрел в твою сторону, а палец охранника был на курке, это да, видела.

— Ладно, — ответил я легко, — не бери в голову. Просто зашел спросить, который час. И как пройти в библиотеку.

Она хмыкнула, уверенная на все сто, что я встречался с резидентом. Может, надо было ей дать увидеть, с кем говорил? Вот в Моссаде всполошились бы...

Вилла Хиггинса никуда не делась, очень удобное место, удаленное и в то же время в десяти минутах от городской черты. Широкая великолепная дорога проходит в сотне метров от ограды его владений,

вроде бы и на природе, и в то же время почти городская квартира.

Во дворе несколько деревьев, каждое на призенном издали витаминизированном грунте, небольшие аккуратные пристройки для прислуги и домик для павлинов.

Эти павлины почему-то раздражают Эсфири. Проезжая мимо, она рассматривала их в бинокль и зло ворчала насчет зажравшихся буржуев, что лопаются от нефти.

Я сказал с сочувствием:

– Ничего, скоро нефтью перестанут пользоваться.

– Размечтался!

– Сжигать не будут, – пояснил я. – Химия пока вся на нефти... А вот электричество, у вас же солнечные панели на каждом третьем доме! Вывернетесь. Евреи хитрые, не знала?

– А как же Россия? – спросила она с лицемерным сочувствием.

– А что Россия? – переспросил я. – Да, десять процентов прибыли идет от нефти. Десять лет назад было двадцать. Еще через пару лет сократим до двух... Думаешь, у нас все еще Екатерина Вторая на троне?

– А как же медведи?

– А что медведи? – переспросил я. – На балалайке играют, на велосипедах гоняют. Даже на одноколесных, как сказал в своей знаменитой речи перед танкистами один бравый комбат... А высокие технологии осваивать еще легче, хотя кажется, что труднее.

Она продолжала гнать по шоссе, остановиться и поехать обратно слишком уж на виду нельзя, на конец добрались до поворота, а там долго вилюжили дорогами попроще.

— Скорее бы ночь, — буркнула она. — Хорошо вам в России, там почти всегда полярная.

— Точно, — одобрил я. — Ты прекрасный знаток нашей страны! Как президент Штатов.

— Вот-вот, — согласилась она. — Вы же полгода спите, зарывшись в снег, как пингвины, а весной уже ничего не помните...

— Значит, — сказал я, — мы счастливые.

Она поджала губы, недовольная, что не стал возражать и доказывать, что и в России бывает лето, в прошлом году вообще пришлось на воскресенье, повезло, а мне в самом деле как-то возражать влом: скоро для сингуляров не будет разницы между летом и зимой, как для меня сейчас нет разницы между днем и ночью.

Небо ночью такое же чистое, звездное, а луна заливает мир настолько ярким светом, что хоть иголки собирай. К счастью, большинство людей ночью все-таки спят, на взгляд Эсфири, это единственное наше преимущество в ночном рейде.

Охрану Хиггинс на ночь переключает на автоматику, что усложняет, да еще как усложняет. Если людей успею обойти на скорости, вообще операю как в решении задач, так и в передвижении, то с техникой такое не прокатит.

Автоматический пулемет откроет огонь раньше, чем мои мышцы успеют выполнить приказ мозга хотя бы сдвинуться в сторону.

Нужно стараться понять систему, что управляет всем этим комплексом, отыскать ее слабые места, все-таки там очень простая механика, а мне чем сложнее электроника, тем проще перехватывать управление.

Глава 9

Я предложил вернуться в город, неплохо бы пожинать поплотнее, но Эсфирь молча вытащила из большого пластикового пакета увесистый сверток.

— Ого, — сказал я, ноздри уловили аромат свежего поджаренного хлеба и мяса с лучком и перцем, — бутерброды сделала?

— Готовые купила, — отрезала она с таким видом, словно сделать для такого существа, как я, бутерброд для нее великое оскорбление. — И целое ведро кофе.

— Целое, — сказал я, — это хорошо. А то могла бы дырявое... А где ведро?

— В термосе, — отрезала она. — Все поместится, если натолкать поплотнее, не знал?

— У женщин все получается, — согласился я, трудно возражать женщине, которая протягивает еще горячие бутерброды. — Спасибо, ты просто чудо!.. Возьми меня во вторые мужья. Или хотя бы в третий...

— Это у арабов можно брать до четырех жен, — напомнила она.

— А у вас Соломон, — сказал я уличающе, — взял тысячу жен!

— С того времени, — сказала она, — законы слегка изменились.

— Странно, — заметил я. — А как же традиции? Еврей без традиций уже не еврей.

— Много ты о нас знаешь, — сказала она высокомерно.

— Жаль тех времен, — сказал я со вздохом. — Вот было раздолье... Сейчас бы вернуть, население Израиля стало бы в тысячу раз больше. И всех бы в мире обижали, как сейчас Штаты. Да и вообще бы все мужчины в мире стали евреями.

— Так мы всех и примем, — отрезала она. — Молчи уж, богоносный!.. Жри, не удавись.

Я откусил кусок, замычал от наслаждения.

— Как божественно... Эх, если б ты умела так готовить, я бы взял тебя третьей женой. А то и второй.

Она фыркнула.

— У тебя и первой нет!

— Откуда знаешь?

— Да кто за такого пойдет? — отпарировала она. — На запей, а то в самом деле удавишься!.. И не глотай, как голодная утка, а прожевывай. Всему таких доминантов учить надо...

Я принял из ее пальцев горячий алюминиевый стаканчик с обжигающим кофе, сделал глоток.

— И кофе там же купила?

— Да.

— Гм, — сказал я, — не знал, что у тебя и собственная кофейня, где готовят по твоим рецептам. Надо стукнуть эмиру и правоохранительным органам. Ишь, прямо под боком израильтяне захватывают тяжелую промышленность...

— Ешь, — велела она, — и не болтай, так переваривается хуже. Я о своих животных привыкла заботиться.

Я проглотил большой кусок, запил и ответил сипло:

— Благодарю... можешь и ты взять бутербродик. Там есть поменьше, я видел. Добрый я, ты заметила?

— Больше не лезет? — спросила она с сочувствием. — А глаза бы еще съели. Что значит доминант во всей красе и величии. Смотрите и восторгайтесь!

Я сыто рыгнул, она поморщилась, я посмотрел осоловелыми глазами.

— Смотри, какой закат... Именно в этих землях могла родиться такая красочная картина сотворения мира... Поспим малость?

Она сказала раздраженно:

— Малость — это до утра или до обеда?.. И не вздумай закрывать глазки. Вот блистер модафинила, можешь взять таблетку.

— А у вас не запрещен? — спросил я опасливо. — А то у нас такая дурь бушует под видом заботы о на-селении.

— У нас и алкоголь не запрещен, — ответила она с покровительственным высокомерием, — но употреблять его не рекомендуется. Для евреев достаточно и совета от умных людей.

— А вот русские, — ответил я с достоинством, — бунтари, герои и революционеры в натуре. Наши Степан Разин, Пугачев, Болотников, Робин Гуд и Махно всегда боролись против замшелых догм!

Она отобрала у меня стаканчик, я залюбовался, с какой обезьяньей ловкостью навинчивает его на горлышко термоса.

— Допьем в полночь. Перед атакой, или как ты там надумал...

— Распорядительница очага, — сказал я с нот-

кой одобрения. – Вот и столкнулись миры... Ты из матриархата, я из патриархата. Пойдем в сингулярность плечо к плечу или подеремся?

– Сама не пойду, – отрезала она, – и тебя не пущу. Еще пригодишься.

– Силой потащу, – заверил я. – Там нужны такие злые.

Она вытащила из рюкзака бинокль, а я сложил на его место термос и еще пару увесистых бутербродов, поглядывая, как Эсфири приблизила окуляры к глазам и внимательно рассматривает далекое здание.

Красочный закат погас, над горизонтом некоторое время тлело растекшееся по краю земли зарево, затем ночь стерла грань между небом и землей, теперь только на верхней части темного занавеса торжествующе сияют звезды, а в нижней тускло горят огни городов и поселков.

– Хиггинс, – сказал я, – самую лучшую охрану выставит со второй половины ночи. Атаки по всем учебникам рекомендуют начинать перед рассветом, когда часовые не могут бороться со сном...

Она пробормотала:

– Люблю, когда все по учебникам.

– Отличница, – сказал я. – Видел твоё засекреченное досье, видел... И как докатилась до такой жизни? Могла бы мирно работать официанткой, как обычно выходит у отличниц. Или укладчицей асфальта, если предпочитаешь работу помужественнее.

– Есть такая профессия, – буркнула она, – родину защищать. Не слыхал?

– Наша родина, – ответил я мирно, – Земля.

Защищать ее от жукоглазых не придется, мы единственные во Вселенной. Ты вот вообще уникальная...

— Скажешь про сиськи, — предупредила она, — прибью на месте.

— И не собирался, — заверил я. — Вот правда, почти не собирался. Разве что так, вскользь, мимоходом в лоб... Ладно, готова?.. Пойдем.

Она побежала за мной согнувшись, а пару последних шагов вообще проползли среди жесткой низкорослой травы, где еще раз приложила к глазам окуляры бинокля, а я и без них, глядя со спутника и видеокамер, на самом здании видел подъехавший автомобиль, откуда сразу из всех четырех дверей выскочили мужчины с автоматами в руках, настороженные и готовые стрелять в любой момент.

Она прошептала встревоженно:

— Он что, знает о наших планах?

Все четверо вбежали в дом, даже шофер, пятясь задом, вытащил трубу тяжелого гранатомета, взвалил на плечо и побежал за своими следом.

— Конечно, — ответил я. — Хиггинс умеет прорачивать наши ходы, как мы его... Когда говорю «мы», ты понимаешь, что имею в виду в первую очередь... тебя, конечно, а я так, где-то сбоку, как Англия в команде с Америкой.

Она поморщилась.

— Точно убью. Никакой пощады за такое надругательство!.. Кстати, раз уж Хиггинс вызвал добавочную охрану... почему бы не вызвать и нам хоть какую-то помошь?.. Как твои информаторы?

— Им нельзя выходить из спячки, — пояснил я.

— А тем, кто уже помогает?

— Я их не должен видеть, — ответил я. — Да и вообще... с чего такие вопросы?

Она двинула плечами.

— Да так... Ощущение, что ты неправ и сам понимаешь. Твое руководство не поддержит твой план, потому торопишься сделать, а потом доложить.

— Да ладно, — сказал я, — ты же вон какая орлица!.. А я при тебе как бы орел. Нам двоим здесь просто негде развернуться! А еще и кого-то на помочь звать? Стыдно перед муравьями.

— Какие муравьи, какие муравьи? — сказала она сердито.

— Катаглипс биколор, — сказал я, — и катаглипс фортиф. А еще здесь обитают бомбицина и мауританикус, а также еще десяток разных пустынных, приспособившихся к жизни в горячих песках. Муравьи везде, от них не укрыться, они все видят! Вот бы их использовать для видеонаблюдения... гм, а это идея. Я вообще-то гений, не заметила?..

— Нет, — отрубила она.

— А что заметила? — спросил я заинтересованно.

— Что ты напыщенный и самоуверенный хам!

Я кивнул.

— Да, именно так простой народ воспринимает нас, гениев и преобразователей.

— Тогда можно использовать группу, — сказала она, — работающую в контакте со мной.

Я посмотрел на нее внимательно.

— Говоришь, а в лице надежда, что откажусь. Конечно, откажусь.

— Почему? — спросила она, но не сумела скрыть из голоса и мимики облегчение.

— А чтобы потом испросить должок, — пояснил

я, — не по такой мелочи. Пусть растут проценты, а потом... С вами, евреями, только так, иначе уважать не будете... И вообще не трусь. Трусить буду я, как интеллигентный эстет и чувственник, даже тонко-чувственник, а ты иди сзади и верь, что не упаду в обморок. Я же чувствительный, как все гении.

Она прервала мрачно:

- Что насчет огня с автоматических установок?
- Обещают отключить, — ответил я многозначительно.
- Твоя команда?
- Да пусть твоя, — ответил я великодушно. — Я все равно их не знаю. Это тебя курируют в лоб, а меня издали.
- А как узнаем насчет пулеметов?
- Когда выйдем на линию огня, — сказал я, — сразу и увидим. А то и как бы ощутим.
- Ну спасибо, — сказала она с сарказмом. — Ты в бронежилете с головы до ног?

Я вздохнул.

- На автоматические платформы обычно ставят крупнокалиберные стрелялки, раз уж в руках держать не обязательно! Так что можно идти голым, тот же результат.
- У голого нет карманов, — уточнила она. — И вообще, я люблю красивую одежду.
- А ты сейчас в ней? — спросил я и оглядел ее с головы до ног. — А то я какой-то сегодня особенно рассеянный.
- Рассеянных отстреливают в первую очередь, — напомнила она. — А если промажут, сама пристрелию, чтобы людскую породу не портил.
- Добрая ты, — сказал я с чувством. — Такие по-

надобятся при переходе в сингулярность. В саму сингулярность вряд ли, а вот побегать перед порогом с веником... Будем действовать так. Подчинение мне беспрекословное. Поняла?

— Поняла, — буркнула она.

— Скажу «падай», — уточнил я, — падай сразу. В грязь, в говно, в расстеленную постель, поняла?.. Иначе пойду один.

— Да поняла, — сказала она с досадой. — Сам сейчас придумал? Вообще-то эти правила существуют сто лет. Со дня создания отрядов спецназначения.

— Правда? — сказал я с огорчением. — Блин... а в самом деле... Во дурак!.. Ну да ладно. Если все и так знаешь, то пойдем. По дороге проверю насчет подчинения...

— Я те проверю, — сказала она так злобно, что я отчетливо услышал шипение гигантской кобры. — Так и знала, мерзавец, что поспешишь воспользоваться...

— Чем?

— Чем, чем, доминированием! У вас это в подкорке так глубоко, что где-то на уровне ягодиц. Если по-русски, то жопы.

Она шла за мной неслышно, некоторое время шипела, но умолкла, готовая реагировать только на знаки, принятые в спецназе, но я почему-то не люблю эту показуху, а также чувствительность микрофонов с этой стороны здания приглушил, но сказал шепотом:

— Стоп. Пусть пройдут...

Эсфирь не видела, почему остановились, но выполняет все беспрекословно, а когда в трех шагах

впереди протопали мимо двое охранников, посмотрела на меня с уважением.

— Тебя ведут? — спросила она едва слышно.

— Да, — подтвердил я так же тихо. — Сам Господь Бог!

— Скотина, — прошипела она. — Шуточки ему все...

— Я не соврал, — шепнул я. — Кто еще, как не создавший такую Вселенную для нас, ведет нас?.. Конечно, сперва меня, такого нарядного, а потом всех остальных... Хотя остальных не он ведет, а мне поручил, а я вот начал с тебя, гордись, Фатима!

— Ты жив только потому, — сообщила она, — что бесшумно тебя не прибить, а то бы я уже... Тихо, вон там что-то мелькнуло!

— Да, — согласился я, — что-то...

С пугающей трезвостью ощутил, что это «что-то» носит простое честное имя Ганс Мюллер, родился в Гамбурге, учился, работал, переехал во Францию, снова работал, служил в рядах армии, а затем вот ушел на вольные хлеба в частные армии. Могу перечислить не только все его связи, но и всех знакомых, знаю о нем больше, чем он сам... и потому нужно поскорее отстраниться и забить его как «живую силу противника», а не как человека.

— Та-ак, — шепнул я, — теперь подойдем ближе...

— А видеонаблюдение?

Я отмахнулся.

— Ты же красивая, зачем думать о такой ерунде? Морщины как раз от думанья. Мужчины потому и живут меньше женщин, что думают чаще. А то и дольше.

— Так вам и надо, — отрезала она злорадно.

— Злая ты, — сказал я печально, — потому и в разведке, чтобы вволю убивать и грабить?.. И не отчитываться?

— Мы отчитываемся по каждому шагу, — ответила она злым шепотом. — Перед тремя комиссиями.

— Кнессета?

— Нет, спецами из Моссада.

— А-а-а, ну свои все простят и от всего отмажут. Только спросят, почему убили так мало. Иначе уважать не будут. Восток силу уважает.

— Мы не Восток!

Охрана следит за периметром, еще двое на крыше, это снайперы. Остальные в доме, там самое серьезное. Полагаю, те тоже в бронежилетах, что несколько осложняет ситуацию. Даже мне из моей усиленной «беретты» нужно стрелять точно в цель, чтобы не срикошетило, а простые пули вообще не проходят через кевлар, хотя нож — да. Я точно могу рассчитать, как бросить нож. Сил у меня недостаточно, чтобы пробить кевлар в броске, но я могу попасть в глазницу, даже если человек двигается.

Эсфирь прошептала:

— Я могу взять тех двоих, что прохаживаются перед входом... Я справлюсь!

Я вздохнул, раздираемый долгом и пониманием требований Вселенной к человеку, а еще и понятной жалостью, потому что я не только предсингуляр, но и питекантроп, а им свойственна скорбь по уходящему миру и защита традиционных ценностей.

При нынешней нарастающей необходимости снизить рождаемость женщин нужно не только принимать в армию, но и вообще посыпать на самые опасные задания. Чем больше их перебьют, тем

меньше лишнего и совершенно ненужного в будущем потомства... это хорошо и правильно, но питетакантропу во мне женщин жалко.

А тех, кто не погиб, нужно держать в постоянной занятости, чтобы не оставалось времени вить гнезда и выводить птенцов. Это в помощь усиленно распространяемому и насаждаемому чайлдьфришничеству.

Наилучший эффект дают комплексные решения, что хорошо вижу по принимаемым мерам в наиболее развитых странах, в то время как в неразвитых и недоразвитых все еще в цене традиционные ценности, из-за чего там грабаная и ненужная на этом этапе развития рождаемость и даже некоторый прирост населения.

Впрочем, есть еще умело организуемые локальные войны и конфликты между этими недоразвитыми обществами, тоже неплохо сокращает рождаемость, нужно только вовремя подливать бензинчику, чтобы войны не прекращались на радость культурным странам, где любят на такое смотреть в новостях.

Она покосилась в мою сторону с подозрением в больших серьезных глазах.

– Что молчишь?..

– Боюсь, – ответил я. – Да не их, тебя... вдруг опять что-то брякну не то, что тебе нравится? Сразу во враги израильского народа запишешь.

Глава 10

Она ответить не успела, я уже высчитал, как эти двое ходят от угла здания и до следующего, прикинул свои возможности, и в нужный момент, когда

оба закончили идти в нашу сторону и развернулись, я ринулся со всех ног, не дожидаясь, когда сделают первый шаг.

Тело мое идет на той скорости, которую раньше ни за что бы из себя не выжал, а часть мозга холодно и прицельно наблюдает, как Эсфирь поднимается от земли, как готовая к прыжку черепаха, делает шаг, второй...

Часовые услышали шаги и начали оборачиваться, но я ударил свирепо и точно по тому позвонку, где череп держится на хребте, и жизнь обоих оборвала раньше, чем они рухнули на землю, все-таки человек – создание очень хрупкое, и одна из первых целей перехода к сингулярности – укрепить его имплантатами и экзоскелетом.

Эсфирь еще несется ко мне со всех ног, когда я ухватил винтовку в руки и дважды выстрелил, как ей показалось, вверх.

Уровень звука выстрела винтовки «Выхлоп» где-то между щелчком 4,5-мм пневматической винтовки и хлопком ладоней, а модернизированного варианта последнего поколения не услышишь уже за пять шагов.

Она побежала, когда я забросил винтовку снова за спину.

– С часовыми в порядке.

– Ты, – выдохнула она хрипло, – как машина какая-то...

– В здание, – велел я.

Дверь с кодовым замком открылась бесшумно, Эсфирь только и успела бросить на меня взгляд, полный подозрения, но вбежала уже взвешенная, как граната за секунду до взрыва, не пропустить

бы момент начала схватки, осться живым или умереть здесь и сейчас зависит от ничтожной доли секунды...

Стрелять надо в голову, напомнил мозг, мало ли у кого под одеждой бронежилет. Все понимают, что надежнее стрелять в лоб, но эти все чаще всего не попадают даже в туловище, а я могу и в лоб, даже в переносицу, так что используй возможности...

Эсфирь жарко дышит в затылок, пробираемся вдоль стены прихожей, я чувствовал, как готовится хотя бы раз выстрелить раньше меня, но здесь парни горячие, быстрые, с удовольствием дал бы ей возможность пострелять, но вдруг какой гад достанет ее пулей раньше, а все-таки почему-то жалко, хотя и она входит в восемь миллиардов, но чаще все-таки выходит, точнее, я ее помещаю в другую категорию.

Этажом выше раздались крики, с лестницы доносится топот, к выходу побежали трое с автоматами в руках.

Я показал Эсфирь знаками, чтобы сдуру не выстрелила. Нас не видят, вот и хорошо, пусть бегут, это полезно для укрепления сердца и сосудов. Да и холестерина отложится меньше.

Едва за ними хлопнула дверь, я шепнул:

— Давай сразу наверх. Прорываемся к кабинету Хиггинса.

Она кивнула, а я побежал, прыгая через ступеньку. На площадку выскочил охранник в хорошем костюме, что значит, уже охраняющий внутренние помещения, я выстрелил, он отшатнулся на стену, а когда я пробежал мимо, услышал сзади еще хлопок из пистолета Эсфирь, явно решила, что моей пули охраннику в лоб мало.

– Давай на третий, – крикнул я.

Она ответить не успела, в конце коридора появились двое охранников, один с ходу дал очередь, пули ударили по стенам. Я дважды выстрелил на долю секунды раньше, а за спиной протрещал автомат Эсфири, по камерам я видел, что с противоположной стороны выскочили трое.

– Наверх, – велел я.

Она метнулась по лестнице, приказы в бою не обсуждаются, я выстрелил трижды, побежал за нею следом, часто оглядываясь, останавливаясь для стрельбы, а Эсфири, забежав на третий этаж, открыла стрельбу оттуда.

Охранники бегут за нами по пятам, азартные и жаждущие уничтожить врага, я даже восхитился этим странным исступлением, все молодые, не старше тридцати, могли бы дожить до эпохи бессмертия и жить вечно, но падают под пулями, падают, падают...

Эсфири быст аккуратными скучными очередями, мой мозг бесстрастно считает выстрелы, в нужный момент я крикнул:

– Смени диск!..

– Что?

– У тебя десять... семь... четыре патрона!

Она выпустила еще очередь, ругнулась, поспешила заменила диск.

– Ты просто не человек!

– Да, – согласился я довольно, – трансгуманист – это звучит гордо. И красиво.

– Да пошел ты, красавец...

Я стрелял одиночными, жаль, винтовка с ее скорострельностью на один выстрел все равно расходо-

дует три патрона, а мне бы хватало и одного, но пистолет на такой дистанции просто не достанет, а где достанет, там уже слишком большой разброс.

Эсфирь покосилась в мою сторону, я крикнул:

– Как здорово!.. Запоминай эти моменты!

– Зачем? – спросила она в недоумении.

– Через каких-то тридцать-сорок лет, – заверил я, – этого не будет. Нигде в мире!

Она прошипела:

– Рехнулся.

– Увидишь, – пообещал я. – Убивать не будут.

Даже скот.

– Вообще обалдел...

– Еда только из мисочек в принтерах, – сообщил я, – а люди станут бессмертными. Оружие все уничтожат! Останется только в космосе для защиты от астероидов и всяких там комет...

Она покосилась как на конченого дурака и снова выстрелила, стараясь достать самого упорного, что успевает высунуться на краткий миг, выстрелить и тут же нырнуть за укрытие.

Что делать, не только она так смотрит, любой слесарь поглядывает на профессора свысока, как на дурака, который хрен знает чем занимается.

Увы, наше общество считает себя больше людьми, чем каких-то чудаковатых ученых, забывая о том, что весь современный мир создан учеными, а без ученых все ходили бы еще в звериных шкурах.

Я поглядывал на экраны: Хиггинс у себя в кабинете, охранники рассредоточились в местах, откуда выковырять непросто, но иначе не пройти...

Эсфирь крикнула:

– Они могли вызвать подмогу!

— Уже вызвали, — ответил я.

— Будем пробиваться к Хиггинсу или отступим?
Я сказал обиженно:

— Я что, похож на человека, который пьет кофе
без сахара?

Она промолчала, осталася неподвижной, потому что я поднялся во весь рост и пошел вперед, быстро и часто стреляя, вроде бы беспорядочно, так со стороны даже Эсфирь может не заметить, что каждым выстрелом убираю с дороги противника.

Услышав за спиной топот ее каблучков, я протянул руку, и она молча вложила в нее контактную мину. Я сразу взвел, а когда попытался приставить к стене, ее чуть не вырвало из моих пальцев, а прилипла к плоской поверхности как крупная голодная пиявка к жирному диабетику.

— Хай-тек, — буркнул я, — первым делом, первым делом самолеты... боевые, конечно, да и вообще все для сокращения популяции...

Еще три мины, короткий коридор, там два охранника ждут наготове, отчетливо вижу их на мониторах, потому даже не стал высовываться и Эсфирь придержал свободной рукой, а выдвинул кисть с пистолетом за угол и дважды выстрелил.

Мозг со злой радостью человека сообщил, что нечеловечески точный расчет позволил всадить по пуле каждому в голову, и я помчался по коридору, чувствуя себя нечеловеком в человеческом теле, где эмоции животного бьют через край, но все же разум уже рулит...

У дальнего распахнутого окна еще один труп, в руках тяжелый гранатомет, придавивший ему пузо.

Я кивнул в его сторону.

— Этот дурак зря тащил на третий этаж такую тяжесть.

— Он уже захватил цель, — заметила Эсфирь, — оставалось только нажать на «пуск».

— Ты бы выдержала, — заверил я.

— Еще бы, — отрезала она. — Если тебя выдерживаю!

Дверь кабинета Хиггинса скользнула вдоль стены коридора и оказалась перед нами. Эсфирь только успела бросить на меня взгляд, полный вопросов, а я трижды выстрелил в центр и по краям ближе к откосам с такой скоростью, что это прозвучало как очередь из автомата.

Эсфирь по звуку поняла, там проложен стальной лист, бронебойные пули с усиленным наконечником просадили ее как тонкий картон, я с силой ударил в дверь ногой.

Проход распахнулся с грохотом, в кабинете трое охранников распластались в лужах крови. Один еще пытается ползти, Эсфирь короткой очередью пригвоздила его к полу.

Хиггинс, вскочив из-за стола, бледный и растерянный, то смотрел на их трупы, последнюю защиту, то поглядывал в нашу сторону. Увидев Эсфирь, страшную в своей неумолимости, вскрикнул с перекошенным лицом:

— Погодите!..

Он вскинул руки с растопыренными пальцами, однако Эсфирь молча и сладострастно всадила в него три пули, а когда его с силой отбросило на спинку роскошного кресла, подбежала и в упор выстрелила в переносицу.

— Готово!

— Уходим, — велел я. — Сейчас сюда примчится полиция.

— Так сообщать некому...

— Кто-то да услышит выстрелы, — напомнил я.

Она сделала пару быстрых шагов в сторону выхода из кабинета, но вдруг насторожилась, быстро шагнула к шкафу со старинными папками и рывком дернула на себя дверцу.

В нижнем отделении, скорчившись, сидит, сжавшись в комок, насмерть перепуганная Зульфия.

Эсфирь подняла пистолет, нацелив ей в голову, а Зульфия поспешило вскрикнула:

— Ты хочешь застрелить за то, что я спала с твоим напарником?

Эсфирь злобно взглянула поверх пистолета.

— Что-что?

— Ты убиваешь меня из ревности, — выпалила Зульфия. — Вот!

Эсфирь засопела в ярости и бросила мне лютко:

— Все, уходим!.. А ты, дура... иди впереди. Бегом, я сказала!

Зульфия бросилась по коридору, я видел, что ожидает пулю в спину, горбится. Так выскочили во двор, Эсфирь затолкала ее в автомобиль охраны Хиггинса, я сел за руль и едва сдвинул машину с места, земля дернулась. Со всех сторон полыхнуло такое яркое пламя, будто мы оказались на поверхности солнца.

— Быстрее! — прокричала Эсфирь.

Горячая волна тутого воздуха ударила сзади и едва не перевернула автомобиль. С грохотом ударили по крыше крупные камни, обломки мебели, на капот рухнула оторванная по локоть кровоточащая

рука с зажатой в кулаке рукоятью мелкокалиберного автомата.

— Сколько заложил взрывчатки?

— Всю, — сообщил я. — А что, жалко? Хотела бы продать?

— Да нет, — буркнула она. — Не наше. Хотя вообще-то здание строила для арабов и оборудовала израильская фирма.

— Прекрасно, — сказал я с энтузиазмом. — У вас, евреев, все всегда застраховано и перестраховано. Постройте еще раз и продадите новое оборудование. Потребуй с той фирмы комиссионные за помощь в развитии их бизнеса... Эй, Зуля, ты там жива?

Зульфия подняла голову, посмотрела вокруг ошалело.

— Что... Мы уцелели?

— Вроде бы.

— Там был такой ад, — выдохнула она. — Как вообще... не представляю.

Я быстро оглянулся, из пустых окон стремительно удаляющегося дома вырывается пламя, будто в помещении бушует доменная печь. Горящие рамы окон вынесло на десятки метров, догорают на земле, бросая трепещущие тени по сторонам.

Эсфирь потребовала остановить автомобиль через два квартала, повернулась к перепуганной женщине.

— Вылезай, дура!.. Где-то пикнешь, что случилось, из-под земли достану!.. Тебя там просто не было, поняла?

Зульфия поспешило выскользнула наружу, Эсфирь зло захлопнула за нею дверь. Зульфия по-

спешно прошла несколько шагов и быстро шагнула в ближайший переулок.

Я помалкивал, Эсфирь тоже не произносила ни слова, автомобиль неспешно двигался вдоль рядов летних кафешек, где стулья вынесены прямо на тротуар и не убраны даже ночью.

— Ну ты и козел, — сказала она вдруг.

— Кто?

— Козел, — сказала она с отвращением. — На всех баб прыгаешь!.. Ах-ах, Зуля!.. Зулечка...

— Я так не говорил, — запротестовал я виновато.

— А как?

— Да никак, — ответил я пониженным тоном, — это же просто угощение гостю, как принято даже в Израиле... наверное. Или у вас не демократические ценности? Нужно будет стукнуть в Лигу Наций.

Глава 11

Она надулась и молчала всю дорогу, пока мы не оставили автомобиль снова в неприметном дворе, где мальчишки разберут его раньше, чем обратит внимание полиция.

Уже когда вышли на улицу, вдруг сказала:

— Дура.

— Да ладно, — сказал я успокаивающе, — зато ты красивая.

Она огрызнулась:

— Я не о себе! Хотя с тобой тоже дура, раз еще не прибила.

— А о ком? — поинтересовался я.

— Сам знаешь, — отрезала она зло.

— Тогда чего не пристрелила? — спросил я. — Не такая уж она и дура, если придумала, как остановить твой палец на спусковом крючке.

— Это я дура, — согласилась Эсфирь. — Надо было застрелить, она же лишний свидетель!..

— Тогда почему?

Она сказала зло:

— А вот попалась! Чтобы ты не подумал, что для меня что-то значит, с кем ты еще занимаешься непотребством.

— Ну уж и непотребством, — возразил я. — Никакого непотребства! Удовлетворение обычных животных потребностей, раз уж я пока что в животном теле.

Она буркнула, бросая откровенно любопытные взгляды по сторонам, как и положено богатой туристке из далекой страны франков, пусть даже сейчас ночь, но все равно на улицах все еще есть туристы и работают небольшие кафешки:

— Вот именно. Это я и показала... Но все равно чувство, что она меня обхитрила.

— Заставила сдержаться?

— Воспользовалась моментом.

— Прекрасная реакция, — согласился я. — Наверное, она смотрела в щелочку и успела придумать, что скажет, если ее обнаружат. Через минуту ты передумала бы, но этой минуты у нас не было... Эх, рано мы бросили машину!..

Она спросила быстро:

— Опасность?

— Вряд ли, — ответил я. — Просто в-в-вон в той лавочке дивно хороши лукумы, там есть с фисташ-

ками, цукатами, шоколадный с вишней, с грецкими орехами и в шоколадной глазури... А как там готовят пахлаву, шербет, грильяж, нугу!

Она посмотрела на меня дико.

– Ты чего?

– А что? – спросил я. – Обожаю сладкое. Здесь у каждого свое название, представляешь? А у нас это все просто «восточные сласти».

Она сказала с отвращением:

– Ну ты и мерзавец... Перебил кучу людей, а теперь потянуло на сладкое?

– Думаешь, – спросил я с тревогой, – забеременел?..

– При беременности тянет на соленое, – ответила она. – Так говорят. Не смотри так, на себе еще не пробовала.

В магазинчике пожилой грузный мужчина в перстном национальном поднялся навстречу.

– Господин?

Я сказал бодро:

– Самое вкусное и самое сладкое!.. Такое, чтобы могло поспорить по сладости вот с этой...

Я указал большим пальцем через плечо, узнавая по стуку каблуков Эсфири.

Хозяин посмотрел в ее сторону, вздохнул.

– Господин, у меня лучшие сласти в городе, но никакие не смогут спорить с вашей женщиной... Могу только предложить те, что лишь немногим уступают...

– Хорошо, – сказал я. – Упакуйте. Нет-нет, такие вот две... Хотя чего я жмусь, четыре!

Эсфири сказала холодно:

– Зачем тебе столько? Я сладкое не ем.

— А ты при чем? — спросил я. — Сладкое нужно мне, человеку мыслящему. Сладкое — бензин для мозга. Высокооктановый бензин. А ты зато красивая.

Хозяин, пряча улыбку, завернул мне все сладости, на которые я указал, я расплатился и вышел, сопровождаемый Эсфирию, что идет, как и положено в мусульманских семьях, на два шага позади человека, по сторонам глазками не стреляет, женщина должна быть скромной, европейская она женщина или арабская.

Все это время, пока ехали и даже когда разговаривал с хозяином лавки сладостей, одновременно просматривал, как идет расследование взрыва в доме Хиггинса. Полиция причину объявила сразу: всего лишь небрежное обращение с газом, накопилось много, потому такой мощный выброс, но это версия для публики, а само расследование, конечно же, продолжается.

Эсфирия шагнула было через дорогу, но я придержал ее за локоть.

— Погоди, возьмем машину.

— Такси?

— Можно, — согласился я, — но здесь так много свободных...

Она сказала зло:

— Ты совсем охамел. Одно дело взять чужой автомобиль в минуту смертельной опасности...

— Погоди, — повторил я, — здесь другое. У меня, ты верно сказала, есть чутье насчет автомобилей. Я понимаю не только как отключить сигнализацию, но и какой из них оставлен на дни и недели.

Она посмотрела с недоверием.

— Мне кажется, мы уже во всех базах данных как злостные похитители автомобилей.

— Женщина, — сказал я кротко, — доверься человеку.

Она сдвинула плечами.

— А что я все это время делаю?

— Ты умная, — согласился я.

Она сказала едко:

— Для женщины?.. Ладно, не оправдывайся. Ты такой наглый и уверенный потому, что твои люди подтирают полицейские базы данных?

— Догадалась, — сказал я пораженно. — Может быть, ты все-таки мужчина?

Она сама села за руль разблокированного мною авто, а когда человек рядом на правом сиденье наслаждается видом из окна, то женщина за баранкой смотрится нормально даже в Саудовской Аравии. В этом случае женщина не женщина, а, как и принято, домашний негр.

Я же в самом деле поспешил в базе все упоминания о нас, как делаю всякий раз, и вообще постоянно просматриваю поступающие в полицию сведения на предмет чего-то полезного.

Да, много интересного, много возможностей, но приходится себя обуздывать, мало ли что могу, все-таки нужно делать то, что надо...

— А почему ты взялся за поиски третьей бомбы? — спросила она вдруг. — Я понимаю, первые две могли уничтожить Израиль, весь мир его обязан спасать, но тебе что до штатовских военных баз?

Я пробормотал:

— Если Израиль — кленовый листок на спине арабского слона, то весь арабский мир — такой же

листок на спине слона-человечества. Все-таки важнее спасти этого самого большого слона, другого во Вселенной нет.

Она нехотя выдавила кривую улыбку.

– Да, у тебя масштабы.

– Теперь уже и у тебя, – ответил я серьезно. – Не верю, что ты еще не заразилась дурью спасать мир. Я такой, заразительный.

– Не лопни от гордыни, – посоветовала она ходино.

– А ты в меня еще не влюблена?

– Меня от тебя временами вообще тошнит, – ответила она откровенно. – Самовлюбленнее и наглее вообще не встречала человека.

– Ага, – сказал я довольно, – уже влюблена! Первые, но неопровергимые признаки...

– Сейчас застрелю, – предупредила она, – а труп выброшу по дороге. Мир я если и буду спасать, то после Израиля. Мне все равно кажется, хоть это иррационально, что если даже мир погибнет, Израиль уцелеет.

– Нормально, – согласился я. – Женщины никогда не мыслили рационально. Что их не портит. Сиськи у тебя классные.

Она огрызнулась:

– Ах да, вы же рациональные доминанты!

– Вроде того, – согласился я скромно. – Так Господь повелел. Или ты против Господа?

– Иди ты, – сказала она.

– Раньше на первом плане, – напомнил я, – были угрозы нашим странам, как вот сейчас этот пустячок, когда погиб бы всего лишь Израиль. Да и то

не весь бы погиб?.. Подумаешь, всего две бомбы!.. А теперь вперед вышли угрозы вселенскому слону! Так что вливаешься в команду спасающих этого уникального животного, кем пока еще является человек.

Она нахмурилась, явно придумывает, как ответить пядовитее, а я еще раз просмотрел, что и как в местном полицейском участке. Там в первую очередь по факту взрыва и пожара озабочились, есть ли пострадавшие, затем – есть ли жалобы, но так как никаких заявлений в полицию не последовало, то традиционно любое расследование по факту идет достаточно медленно, в перерывах между неотложными делами, а потом постепенно затухает и откладывается в ящик нераскрытых и не столь важных дел. А то и объявят насчет неосторожного обращения с газовыми баллонами или утечкой газа.

Автомобиль оставили во дворе в соседнем ма-лонаселенном квартале, я выбрался с огромной коробкой сладостей в руках, Эсфирь с неодобрением покосилась в мою сторону.

– Не лопнешь?..

– Как будто не сядешь рядом, – ответил я.

– Ни за что, – сказала она так твердо, что я сразу понял, сядет не только рядом, но еще и локти расставит пошире, – я фигуру берегу. А ты сперва поешь то, что приготовлю я.

Из прихожей я сразу прошел в кухню-столовую, пока Эсфирь переобувалась, опустил коробку на край стола.

– Ты в самом деле умеешь готовить? Расскажи, как курицу ощипываешь?

Она округлила глаза.

- А разве они не ощипанные живут?..
- Вроде нет, – ответил я с сомнением.
- Ладно, – отрезала она с достоинством, – тогда просто разогрею. Жареную.
- Мудро, – согласился я.
- Не ты один мудрый, – отрезала она. – Зачем делать самой то, что лучше делают кулинарные профи?
- Мудро, – повторил я. – Я б вообще... если бы можно было два пальца в розетку и подзарядиться за пару секунд. Пусть даже минут. А потом, какое счастье, подзарядка станет дистанционной.

Она поморщилась.

- То будет уже не человек.
- Да, – подтвердил я. – Правда, здорово?

В ее глазах появилось понятное подозрение современного среднего человека, которого разыгрывают, однако я смотрю достаточно искренне, а глаза вообще честные-пречестные.

Она покачала головой.

- Сумасшедший.
- Время такое, – согласился я.
- Вообще безумное.
- Спасибо за оправдание, – сказал я. – Хотя мы сами делаем его таким. А вообще-то вопрос насчет времени интересный... хочешь, напишу формулу пространства-времени и взаимодействия с гравитацией?

Презрительно фыркнув, она поколдовала с кухонной плитой, я тут же дистанционно посмотрел, что там за процессор, сейчас всюду встраивают их помощнее и с апгрейдами по Интернету, чтобы да-

же кухонная плита могла удивить хозяйку чем-то неожиданным.

Человека перестали приучать жрать больше, медицина против, зато считается особым шиком жрать изысканнее, а для таких блюд нужны хорошие вычислительные ресурсы плюс постоянная широкополосная связь с Интернетом, плита должна получать все новые рецепты и консультироваться со специалистами, не загружая своими заботами конечного пользователя, от которого требуется только оплачивать все фокусы разработчиков.

Глава 12

Я начал распаковывать коробку со сладостями, но наткнулся на прямой и сердитый взгляд Эсфиры.

– Что не так?

– Сперва еда, – заявила она решительно, – потом сладкое.

– А сладкое не еда?

– Нет!

– А что?

– Лишний вес, – отрезала она. – И не бреши, что часто ешь вот такие лакомства. Ты бы уже в дверной проем не протиснулся!.. Хотя, надо признаться, сладости выбирать умеешь... А в чем еще твои таланты, кроме как дурить головы добродетельным женщинам?

– Есть умею, – похвальился я. – Хотя, уже сказал, как-то без разницы все это гурманство, но ес-

ли говно и деликатес на одном столе, предпочтут деликатес.

Она поморщилась,

– Фи, за столом...

– Ладно, – сказал я, – винюсь и сам сделаю кофе. Тебе послабее или послаже?

– Почернее, – ответила она, – но чашку поменьше той, что выбираешь себе. Ты вообще бегемот, а не человек. Интересно посмотреть бы твоё происхождение...

– Уже посмотрел, – сообщил я скромно и, наткнувшись на ее вопрошающий взгляд, пояснил: – Нет-нет, на том уровне уже нет разницы между евреем и антисемитом.

– Но сейчас ты уже не тот человек?

Я встретил ее прямой взгляд.

– Уверена?.. Наука – высшее проявление нашего интеллекта, и кто хоть раз к ней прикоснулся, уже не оставит то счастливое состояние даже ради трона Соломона.

Она покачала головой.

– Не поверю. Неужели после таких приключений вернешься к кабинетной работе?

– Войны начинаются из кабинетов, – напомнил я. – Как и великие перемены творят не цари или президенты, а ученые. Так что отсюда уйду вовсе не розы сажать в загородном домике.

Она сказала задумчиво:

– Внешность обманчива, это понимаешь, когда смотришь на тебя, такого мимишного... Как тебе вообще здесь? Ты даже на солнце обгореть не успел. Арабский мир в новинку?

Я двинул плечами.

– В целом знал, что увижу, на то есть Интернет, но не предполагал, что все настолько остро и обнаженно. В главном.

Она спросило с подозрением:

– Ты о чем?

– О духовности, – объяснил я. – Думал, этой дурью заразились только русские, да и те за последние двести лет переболели... особенно в последнее время. Но чтоб ислам... как везде говорят, дикий ислам!

Она проговорила в сомнении:

– Но разве не любая религия... духовность?

Я покачал головой.

– Какая духовность в индуизме? Или не видела барельефы на их храмах?.. Духовность только в авраамических. Но ислам, что тоже авраамическая религия, если не знала, в последнее время обрел очень уж воинственных носителей. Русским такое и не снилось. Там «режь наши головы, но не трожь наши бороды», а эти как раз головы и режут с превеликим удовольствием.

– Безбородым, – сказала она.

– Да, безбородым. Хорошее уточнение. Головы резать – это не дифференциальные исчисления или интегралы браты! И проще, и приятнее неверному кровь пустить. Да ты и сама это знаешь.

Она нервно дернулась.

– Но-но! Я при чем?

– Интегралы щелкаешь?.. Дифференциалы брешь?

Она спросила с подозрением:

– Куда беру? Ты на что намекаешь? И что это за дифференциалы, которые во что-то берут?

— Ладно, — ответил я, — не прикидывайся. Меня психотерапевтить не надо. Ислам опоздал. Сейчас у него единственный достойный соперник — сингулярность. Но против нее у ислама нет шансов.

Она сказала враждебно:

- А мне как-то ни то ни другое.
- Сожалею, — ответил я лицемерно, — но куда денешься?.. Это чем пахнет?

Она поспешила повернуться к плите. Там уже мигает огонек, сообщая о готовности. Мир ускоряется во всем, даже в приготовлении пищи. Уже не шесть часов, как было во времена молодости моей бабушки, не три часа, как у мамы, а всего пятнадцать минут, а мои дети не успеют вырасти, как в самом деле можно будет перейти на прямое получение энергии... лучше по широкополосной вайфайной связи.

Эсфирь начала быстро и умело вытаскивать из недр плиты и переставлять на стол умопомрачительно пахнущие блюда из мяса и птицы, а я погрузился в долгие раздумья, впервые ощущив привычную амбивалентность мыслящего существа, намертво всаженного в тело животного.

До этого не подлежало сомнению, что в какой-то момент выберу пару, совьем гнездо и выведем потомство. Это мощнейший инстинкт, самый мощный, без него бы жизнь прекратилась... но вот сейчас разум холодно и трезво говорит, что отныне в этом необходимости нет. Цель достигнута, сингулярность рядом, люди станут бессмертными, а бессмертным уже нет необходимости в продлении рода.

С другой стороны, весь разум — высшая точка инстинкта. И если он входит в противоречие сам с собой, то это не противоречие, а борьба новых

отделов мозга с самыми старыми, базовыми, возникшими самыми первыми на заре молодой Земли.

Плюс размножение возможно и при сингулярности. За долю секунды создаешь свою копию, либо абсолютную, либо в чем-то особенную, и отправляешь либо себе в помощь, либо в свободное плавание...

Эсфирь придвинула блюдо мне поближе.

– Ешь, не смотри таким бараным взглядом!..

– Это же баранина, – буркнул я, возвращаясь в реальный мир. – Как может баран есть баранину?

– У тебя только вид бараний, – пояснила она, – а так ты лев рыкающий!.. Да и взгляд у тебя как у орла.

– А нюх, – пробормотал я, – как у собаки... Спасибо, очень вкусно.

– Хамло, – заявила она, – еще не начал!.. Это оскорбительно, не находишь? Или люди будущего станут такими свинтусами?..

– Людей не будет, – пояснил я. – Как нет сейчас питекантропов. Правда, в каждом из нас питекантроп живет и действует, даже толкает речи о ценности культуры, но потом его даже не выдавим, а просто вычеркнем... Мясо прекрасное.. Говоришь, баранина? А почему такая... гм, небаранная?

– Ешь, – сказала она сердито, – не умничай. А то и тебя посадят.

– Здесь?

– В России, – ответила она. – У вас же все умные только по тюрьмам?

– Что ты, – заверил я, – умных всех перестреляли и передушили. У нас же тоталитаризм и угнетение. То ли дело у вас: свободы, гей-парады...

— Заткнись, — посоветовала она. — Не порти аппетит.

Некоторое время ели молча, у меня не просто аппетит, а голод. Чувствую, когда перейду на электропитание, придется пользоваться повышенным тарифом.

Эсфирь лопает быстро и с удовольствием, глаза блестят, чуть ли не урчит, как дикая кошка над пойманной толстой жирной мышью. Мы словно соревнуемся, кто быстрее очистит от еды тарелку, какие уж тут манеры, великосветскость остается в том мире, который если и вспомним, то с презрительной ухмылкой, типа: какими же дикими дураками были.

— Ты специализируешься, — сказала она с набитым ртом и чуть не подавилась, — по Востоку?

— Я специализируюсь по генной модификации, — ответил я с тоской, — а здесь просто хренью занимаюсь.

— Ты чего?

— Сейчас мы не будущее, — прояснил я брезгливо, — а прошлое. Бегаем, стреляем, убиваем, прям пещерные люди.

— Что, — сказала она с издевкой, — всерьез веришь, что уже вот-вот этого не будет?

Я прожевал, ответил очень серьезно:

— Раньше, чем ты думаешь. Не дети твои, а ты сама увидишь мир, где не будет ни единого выстрела!

Она вытерла губы салфеткой, подумала, зябко повела плечами.

— Жуть какая-то... А как же наше извечное «убивать и грабить»?

— Останется в романтичном детстве, — пояснил я, — вместе с пиратами, корсарами, флибустьера-

ми, робингудами и феодальными порядками... Со временем приукрасят все настолько, что и самые грязные бандиты и насильники настоящего будут выглядеть как Робин Гуд, хотя на самом деле то был еще тот мерзавец!

Она буркнула:

— Это уже и сейчас приукрашено. Каждый второй фильм о наемных киллерах, о грабителях банков и о преступниках, которые выходят из тюрьмы и снова берутся за старое.

— То ли еще будет, — сказал я, — когда истребим все это.

— Терроризм? Или вообще и бандитов?

— Их тоже стоит, — согласился я, — но я о самом явлении. И о возможности убивать и грабить... безнаказанно.

Она зябко повела плечами.

— Страшные вещи говоришь.

— Почему?

— А мне чем тогда заниматься?

Я сказал утешающее:

— Девяносто девять человек из каждой сотни лишатся работы. Но зарплату получать будут, так что не подохнут с голода. Ты же видишь, уже такое началось. В разных странах разрабатывают на законодательном уровне, сколько будут платить каждому жителю страны «просто так». Неважно, работает или нет. Чтобы не бунтовал и не жег покрышки... Это что за вино? Необычный вкус...

— А хвастался, — обвинила она, — что не разбираешься в винах! Это альхедакра, древнее вино, которое делали в этих краях, когда сюда еще не пришел ислам с его запретами.

— Своеобразный аромат, — согласился я. — На вкус полное говно, но понимаю, местный патриотизм, традиции, уважение к корням, почтение к предкам, возможность прикоснуться к истокам...

Она посмотрела с подозрением, нет ли в моем сарказме скрытого антисемитизма, у ортодоксов особо трепетное уважение к корням, но решила не задираться с человеком опасного будущего.

— Допивай быстрее, — сказала она. — Пора ехать! А восточные сладости можно взять с собой. По дороге съешь.

— Куда ехать? — спросил я.

Она сказала сердито:

— Я думала, уже придумал. Третий заряд еще где-то застрял на полпути. Тоже мне, а еще в доминанты рвешься!

— Я уже там, — сообщил я, — и подвигаться на троне не намерен. А где кофе?

— Что, помогает придумывать?

— Во всем помогает, — ответил я покровительно. — Делай, Фатима! Как заснуть без чашки крепкого кофе?

Она фыркнула, женщины просто обязаны демонстрировать, что ничуть нам не подчиняются, но поколдовала с кофейным агрегатом, задавая ему новые параметры, а вернулась к столу уже с разложенными на широком блюде пирожными и сладостями.

Я потер ладони.

— Хорошо...

— Ага, нравится в нашем человечьем мире?

— Тебе не с чем сравнивать, — напомнил я. — Даже я, у которого дух захватывает от перспектив будущего, и то вижу лишь дивный свет и божественную

мощь, а детали пока в тумане... А ты вообще существо.

Она со вздохом взяла первое пирожное.

— Ладно, только одну штучку. Нет-нет, кофе не буду, тогда точно не засну.

— Хорошо, — сказал я. — Одну штучку хорошо. Хотя и ее на ночь вредно.

— А тебе?

— Мне очень вредно, — сообщил я, — если лягу спать голодным.

Глава 13

Утром она неслышно выскользнула из-под одеяла и отправилась в душевую, эти дикари еще не понимают, что смывают с кожи защитный слой, облегчая всяким вирусам проникновение через этот могучий барьер.

Плюс еще и ускоренное старение кожи, но лучше смолчу, и так чересчур умничаю, современные женщины теперь предпочитают мужчин красивых и с длинными ногами, а не умных и сильных, дескать, сами с усами, в смысле, умные и сильные...

Пока она плескалась там, употребляя по очереди две дюжины гелей и шампуней, я просматривал массу звонков с мобильного, голова раскалилась, и какого хрена все звонят и звонят, весь Дубай в разговорах, а еще и весь Эмират, что за болтливый народ, где же восточная неторопливость и степенность, молодежь вообще уже не та...

Наконец, когда хотел взять передых и охладить проц, сознание зацепилось за один из звонков, вы-

тащило его из навозной кучи, отмыло и с торжеством представило мне.

Не откладывая, я тут же вышел на эту волну, дождался, когда на той стороне щелкнуло и сильный голос сказал тревожно:

— Алло?

— Мистер Хиггинс, — сказал я, — а ведь вы в самом деле меня обманули, поздравляю... Не надолго, правда, но все же этот раунд в вашу пользу.

Он беззвучно охнул на том конце, я почти видел, как хватается за сердце.

— Это... это вы...

— Да, — ответил я, стараясь, чтобы он ощущал в моем голосе злобное торжество, — охота становится интереснее. На этот раз вам придется измыслить что-то вообще особенное. Замена себя двойником больше не пройдет, да и вообще буду настороже... Я сгупил, потому что я самый молодой член Организации, но я учусь быстро.

Он вскричал:

— Мистер Икс!.. Погодите минутку!.. Вы меня слушаете?.. Я начал говорить еще в тот раз, но вы не стали слушать!.. Но сейчас, когда вы уничтожили мой лучший дом, перебили охрану и нанесли непоправимый урон моей репутации... может быть, как-то договоримся?.. Я сдаюсь, я увидел вашу мощь и готов выполнять ваши указания! Полностью!.. Безоговорочно!

Я спросил с интересом:

— Да? Но вы же из тех, кто не упустит возможности ударить в спину?

Он сказал быстро:

— А разве так не во всем мире?.. Но вы не из тех, кто поворачивается спиной. А я могу быть полезным!

— Можете, — согласился я.

— Мистер Икс?

— Да вот думаю, — ответил я. — Хорошо. Если сумеете отыскать след третьей бомбы, вы помилованы.

Он заговорил испуганно, однако я ощутил в его вроде бы сильном голосе нотки облегчения:

— Третьей?.. Но я о ней ничего... Да-да, понимаю, я очень влиятельный человек, у меня все схвачено, все работает на меня... Даже у тех, кто так не думает...

— Ну-ну?

Он сказал быстро:

— Сейчас же отправлю на поиски.

— О каждом шаге сообщайте, — уточнил я деловито и без всякой злобы. — Возможно, на каком-то этапе наши люди подключатся и смогут узнать больше.

— Да-да, — сказал он с той же неприличной, но легко объясняемой торопливостью, — мистер Икс, все будет сделано!.. Вы же понимаете, насколько я хочу реабилитироваться!

— Хорошо, — ответил я коротко, — ищите. Я свяжусь с вами позже.

И прервал разговор, но даже в отсутствие видеонаблюдения легко представляю, как он пытается докопаться, как же я его нашел, как вычислил, каким образом отыскал номер засекреченного мобильника, который он приобрел час назад, и надо

или сразу еще раз менять место, или же подождать результатов поиска третьей бомбы.

Эсфирь картинно вышла из ванной, на голове сложное сооружение из махрового полотенца, по размерам больше похожее на одеяло, сама лишь слегка промокнула спортивно-элитное тело, такие очень неохотно будут с ним расставаться при переходе в сингулярность, на ходу взглянула на часы.

— Утро доброе, — сказал я жизнерадостно. — Там в коробке еще пара пирожных... будешь?

Она спросила с подозрением:

— Вчера оставалось шесть!

— Но ты ночью вставала в туалет, — напомнил я. — А потом с кухни слышалось жадное чавканье.

Она отмахнулась, лицо чуть омрачилось, я промолчал, догадываясь, а она сказала со вздохом:

— Через семь часов рейс в Иорданию, а оттуда в Тель-Авив.

— Между Эмиратами, — спросил я, — и кленовым листком на спине арабского слона все еще нет прямого рейса?

— И никогда не будет, — отрезала она.

— Ладно, — сказал я. — Интересно было с тобой поработать. И даже в какие-то моменты, не буду уточнять, приятно.

Она вскинула брови, несколько секунд всматривалась в мое лицо.

— Ну, спасибо...

— Садись, — сказал я. — Я сделал кофе по своему рецепту. Попробуй?

Она вскинула брови, что-то в моем голосе насторожило, поинтересовалась с подозрением:

— Что за рецепт?

— Просто кофе, — пояснил я. — Выпьешь и лети, лети в свой провинциальный Тель-Авив... А третью бомбу отыщу сам.

Она уже садилась за стол, но тут же словно ее подбросило, круто развернулась в мою сторону.

— Что-о?

— Да я такое повеление здесь дал, — пояснил я скромно. — Изволил.

— Кому? — потребовала она. — Своим людям?

— Да, — согласился я. — Своим. Если учитывать, что все люди на свете мои в какой-то мере. И даже родня. Все-таки от одной обезьяны, а не от разных... Хотя евреи говорят, у них и обезьяна была своя.

— Евреи так не говорят, — отрезала она. — Плохо ты читал Библию!

— Даже Тору просмотрел, — скромно сообщил я.

— Тебе и заголовок прочесть труд!

— Все пятьдесят томов, — сообщил я. — Целых полминуты потратил!..

— Как много, — сказала она язвительно. — Так где собираешься искать?

— Дал задание Хиггинсу, — ответил я елейным голосом. — Кстати, это платье тебе идет!.. А туфли под цвет глаз?.. Ах да, прости, ты еще голая...

Она отрезала:

— Ты чего мелешь?.. Я сама выпустила в Хиггинса три пули плюс контрольный в лоб!

— То был не Хиггинс, — ответил я мирно. — Клонов еще не выращивают, приходится гримировать похожих, но это срабатывает. А с Хиггинсом я связался, пока ты забавлялась в душевой, и велел отыскать третью бомбу. Иначе в следующий раз точно придем за ним.

Она смотрела на меня остановившимися глазами, даже дыхание в зобу сперло, ни каркнуть, ни крякнуть, ни даже пискнуть.

– Ты... знал?

– Насчет Хиггинса? – перепросил я. – Нет, лажанулся, как говорит старающаяся быть к народу поближе наша современная интелигенция. Лажанулся по самые помидоры. Что такое помидоры, объяснить?

– Не надо, – отрезала она. – Расскажи, как ты обос... ошибся. Минутку, включу запись, буду потом прослушивать, поднимая себе настроение!

– Хиггинс обхитрил, – повторил я. – Хотя это не хитрость, он сам понимал, что делает глупость, но у нас, мужчин, такое бывает часто. Понимаем, что делаем ошибку, но отступить стыдно, позорно, гордость не велит... Отступить – в этом что-то женское.

– Доминанты, – сказала она с отвращением. – Везде стараетесь доминировать, инстинкты рулят?..

– Точно, – подтвердил я. – А вот при сингулярности...

Она прервала:

– Ты в сторону не прыгай!.. Как ты понял, что там был не Хиггинс? Почему сразу не сказал?

– Сам не знал, – признался я.

– Ага!

– Совершенен только Бог, – ответил я смиренно, – а я, как Его сын, пока еще иногда допускаю некоторые незначительные промахи, простительные по моей юности и беззаветной отваге.

Она фыркнула.

– Ну да, похвали, похвали себя еще!

— Зачем? — спросил я. — Ты и так в меня влюблена.

Она прошипела:

— Я точно убью тебя своими руками! Чтобы получить уж самое полное за всю жизнь удовольствие!.. И освободить землю от такой угрозы.

— Мафия бессмерт... в смысле, сингулярность победит, — ответил я гордо, — несмотря на. За мной придут другие... чего, честно говоря, сам побаиваюсь.

— А уж как страшит меня!

— Но сейчас давай сосредоточимся на Хиггинсе, а то скакешь из стороны в сторону, как мартышка, отвлекаешь серьезного думающего высокими категориями доминанта... Эти пирожные просто чудо, не находишь?

— Это я скаку?

— Ладно, это просто мысль слегка вильнула... Не помнишь, о чем я говорил?.. Ну вот, сперва помешала, а теперь не можешь вспомнить.

— О Хиггинсе ты что-то молол!

— Ах да, о Хиггинсе... В общем эволюция слепа, упорно и целенаправленно продолжает вести свою селекцию. Это мы, люди, создав свод моральных правил, стараемся выдвигать наверх умных, чистых и что-то делающих для общества, а вот слепая, как говорят, эволюция вот уже миллиард лет ставит на доминантов. Так надежнее, как она считает.

Она сказала злобно:

— Хиггинс доминант, тут не поспоришь...

— Вот-вот, — согласился я. — А кто мы, чтобы идти против эволюции сейчас?.. Потом, когда станем сильнее... А в данное время, как бы мы ни пытались выставить во главе человечества мудрецов

и ученых, все равно на самом верху оказываются криклиевые политики, бизнесмены, актеры, спортсмены, шоумены, телекомментаторы...

Она посмотрела со злым прищуром.

– У эволюции карты круче?

– Она миллионы лет, напомнил я, – оттачивала свой стиль игры. А мы только начали. Потому она наверху и всеми ресурсами пользуется вся та дрянь, которой в скором будущем не будет вовсе. Но сейчас она у власти в силу своей доминантности и рулит. Так что Хиггинс для эволюции ценен.

– Намного ценнее тысячи честных людей?

– Эволюция не знает понятия честности, – сообщил я чуточку свысока. – Как и вообще моральных принципов. Это недавняя выдумка людей.

– Ах-ах, выдумка!

– Пусть придумка. Сами люди по-настоящему начнут править... по уму править!.. только в сингулярности. Так что да, Хиггинс расценивается эволюцией как образцовый представитель рода человеческого. Сильный, многое добившийся, подчинивший себе уйму других двуногих... Ты же знаешь, когда люди начали привносить в общество гуманизм и сострадание, количество даунов и неизлечимо больных начало нарастать с пугающей скоростью...

Она сказала с отвращением:

– Почему мне кажется, что ты всерьез?

– Я серьезный, – согласился я, – хоть и с женщиной, что для разумного человека нехарактерно. Мы перед вами всегда павлиним! В общем, эволюция делает ставку на таких людей, как Хиггинс. Думаешь, они только в преступном бизнесе?..

Она отмахнулась.

— А еще ученый, боишься с эволюцией спорить.

— Я ученый, — напомнил я, — а не революционер, которому лишь бы низвергать, спорить и ломать. Эволюция сделала нас теми, кто мы есть. Сама понимаешь, Хиггинс может сделать больше, чем тысяча честных и справедливых рабочих по укладке асфальта или разносчиков пиццы. Я имею в виду холодный расчет эволюции насчет потомства. У таких, как Хиггинс, должна быть вся полнота власти.

Она зябко передернула плечами.

— Страшный мир бы наступил!

— А она и так в их руках, — сообщил я. — Думашь, наши, ваши или американские политики не такие? Или бизнесмены какие-то иисусики? Маркс насчет них был прав... Хотя и не все заполучили богатства и власть таким прямым образом, как пират Морган, но все игнорировали законы, установленные людьми, и руководствовались только суровыми законами эволюции...

Она не ответила, глядя расширенными глазами на планшет, где высветилась красочная фотография высокого светлого здания.

— Он... там? Это тоже его дом?

— Именно, — ответил я. — Правда, красиво? У Хиггинса есть чувство вкуса и стиля. А вот у множества честных и порядочных укладчиков асфальта нет. Несправедливо, да?

Она в нетерпении мотнула головой.

— А там настоящий Хиггинс?

— Можешь задать контрольные вопросы, — предложил я. — Или взять пробу крови для анализа ДНК, что надежнее.

— А у тебя есть образец для сравнения?

— Достанем, — ответил я скромно.

Она продолжала рассматривать меня злыми и непонимающими глазами.

— Так чего мы сидим?

— Потому что еще не допили кофе, — пояснил я. — И пара пирожных... Нет, уже одно, хотя тебе и одно вредно...

Она торопливо ухватила пирожное, успев определить меня на полсекунды.

— А дальше?

— Допьем кофе, — ответил я, — понежимся в постели, отдохнем, снова по чашечке... Нет, завтракаем как следует. Не поняла?.. Нужно некоторое время приободрять, Хиггинс сейчас разворачивает кипучую деятельность по всей территории.

— Думаешь, найдет?

— Не уверен, — ответил я, — но у него возможности пошире, чем у нас, не находишь?.. Если даст команду, то будут искать тысячи человек. А он даст. Еще и премию объявит...

— За бомбу?

— За любой след, — ответил я серьезно. — Он знает, сейчас решается — быть ему на этом свете или отправиться в мир иной. Так что землю будет рыть даже своими передними...

Она пробормотала:

— То, что успела узнать о Хиггинсе, говорит о хитрой сволочи. Вряд ли пожелает делиться даже информацией... Видишь, даже тебя перехитрил!

Я сказал с неудовольствием:

— Мне нравится твое «даже». Мы у тебя две одинаковые сволочи, только я глупее Хиггинаса...

— Отдыхай, — ответила она. — Посмотри пока порно или футбол. Набирайся сил.

— А ты?.. Может, — предложил я, — пока поваляемся вместе?

Она гордо отрезала:

— А хозяйством когда заниматься?.. Лежи, ленивец, я человек дела.

Я не стал спрашивать, каким делом можно заниматься в практически автоматизированной квартире, где даже пылесос ползает сам по себе и выискивает пыль, которой неоткуда взяться, в самом деле лег на диван, Мануйленко сейчас как раз снова покинул свое рабочее место и притащился в общую комнату, где увлеченно работают Ивар с Данко и Гаврошем, почти не обращая внимания на Оксану, а вот Мануйленко остановился как раз за ее спиной, начал громко и все-таки скучно, несмотря на приподнятость тона, рассказывать Гаврошу, что если наш мир некоторым образом возник из ничего совершенно неведомым нам образом, то что ему мешает так же внезапно исчезнуть?

Гаврош, несмотря на молодость или же как раз благодаря ей, более восприимчив к разным экстравагантностям даже в науке, тут же загорелся, начал спорить и придумывать свои варианты, в то время как Ивар и Данко скептически похмыкивают и не реагируют на такие провокации.

Гаврош с ходу предположил, что столкновение нашей планеты не с астероидом, чего опасаются простые существа, а с объектом в многомерном пространстве намного вероятнее, но тогда мы вообще ничего не увидим и не услышим, а просто исчезнем.

Ивар все же не утерпел, присутствие Оксаны с ее мощным гормональным фоном, а то и ароматом виновато, заговорил с апломбом о тепловой смерти, связанной с ростом энтропии и выравниваем температуры во Вселенной, на что Мануйленко и Гаврош переглянулись, Гаврош сказал с чувством полнейшего превосходства:

— Ты еще скажи про сжатие Вселенной благодаря гравитационным силам!..

— А что, — спросил Ивар, — сжатие отменяется?

— Да нам как-то по фигу, — ответил Гаврош лихо, — что произойдет через восемнадцать миллиардов лет. К тому времени что-то придумаем. А вот если ослабление озонового слоя совпадет с ослаблением магнитного поля и сильной вспышкой на Солнце?

Мануйленко покосился в сторону Оксаны, наверняка все слышит, хоть и не участвует, сказал громко:

— Сейчас еще нет достаточно сильного ослабления. К тому же мала вероятность совпадения всех трех негативных факторов.

От своего стола повернулся Данко, строгий и начальственный.

— Эй-эй, — сказал он. — Послушал бы вас шеф, всех бы вздернул на рее. Мы должны искать угрозы, что могут рвануть мир уже сейчас, а также завтра. А то, что будет даже через сто лет... подготовиться успеем.

— Истощение озонового слоя, — сказал Мануйленко, — мы запустили сейчас, а расплачиваться потомкам через поколения, а кто знает... сумеют ли?

Ивар тоже покосился в спину Оксаны и сказал надменно:

— Сейчас Оксана повернется и скажет, что ты не веришь в могущество человека, его разума и воли!

Оксана не повернулась, но сказала с жутковатой уверенностью в голосе:

— Кому-то в самом деле висеть на рее. Думаю, шеф в самом деле в состоянии подключаться к нашей Сети из любой точки мира!

Мануйленко зябко передернул плечами и быстро взглянул в сторону ближайшей камеры наблюдения, буквально встретившись со мной взглядом.

— А в самом деле, — сказал он виновато, — но это я так, вместо перекура.

— Увидимся в обед, — сказал ему Ивар вдогонку.

Глава 14

За это время Эсфирь прошла мимо пару раз, на лице неприступность и готовность резко отбрить мои поползновения, но я поступил вопреки ее ожиданиям и не поползнул, после третьего прохода она удалилась с самым разочарованным и даже оскорбленным видом.

Полсекунды израсходовал на бурю в русскоязычном секторе Интернета насчет окончательной смерти бумажных изданий и перехода на электронные носители.

Несчастные не понимают, что нет будущего не только у бумажных книг, но и у так называемой электронки.

Главные убийцы не пираты, а баймы с их красочным и увлекательным миром, что изменяется в процессе игры. Помню, в прошлом году прямо

на Рождество зашел в «Архейдж» и ошелел, такое там веселье и праздник, везде елки, праздничные гирлянды, народу втрое, чем в обычные дни!

Думаю, и в Новый год, когда был бой курантов, большинство оставалось в игре. Книгу любой из нас прочитывает от силы за неделю, а обычно за вечер-два, а в игру входит на месяцы, а то и годы. У меня есть друзья, что все еще играют в WoW и «Эверквест», потому что даже в этих древних играх мир постоянно меняется, а это то же самое, если бы книга прямо в наших руках дорастала новыми главами, частями, аддонами, а мир становился все интереснее.

Переход на электронку не спасет, в ней те же буквы, изобретенные финикийцами, что спустя полтыщи лет оттогохали великий Карфаген, грозивший Риму. Где тот Карфаген теперь? Буквы пережили его создателей, но и они не бессмертные.

Жаль уходящие звездочки прошлого, но, положа руку на сердце, признаемся: получаем в сотни раз больше.

Получать, не отказываясь от каких-то вещей прошлого, еще никому не удавалось. Потому любой апгрейд – это не только расширение функций, но и замена, однако большинство приспособиться к новому миру просто не могут в силу каких-то ограничений, кто религиозных, кто этических, а большинство – по лени и тупости.

А это значит, сказал я себе с твердостью, их не только в сингулярность, но и на следующий уровень брать не стоит, а этих отсекающих уровней будет несколько, так что до сингулярности добе-

рется даже не процент от общей массы населения, а сотые доли процента...

Эсфирь остановилась напротив дивана, руки в бока, поинтересовалась ядовито:

– И чего разлегся?

– Фатима, – ответил я сердито, – не видишь, моя тюбетейка надвинута на лоб?

Она отрезала:

– А когда мои руки вот так, мне пофиг, на каком ухе твоя тюбетейка!

– Ох, – сказал я горько, – нужно не пускать в Израиль русскоязычных, все вредные анекдоты к вам занесли... Чего желаешь, женщина?

Она спросила с интересом:

– Интересуешься как Аладдин или как его джинн?

– Как султан, – сообщил я скромно. – Хочешь полежать? Подвинусь, но только ноги на тебя возложу в знак доминантности, как застолбивший это место первым.

– Сейчас доминанты в мире женщины, – напомнила она и села рядом, – не заметил, что благодаря нам войны прекратились?.. Мировые?

– А с локальными слаб?

– Вот додушим остатки мужской независимости, – пообещала она, – и мир станет безопасным. Ты же чувствуешь себя со мной в безопасности?

– Да, – согласился я, – и вот тут тоже почеши... Да сильнее скреби, не ленись... Ногти вон какие отрастила!.. Ох, хорошо... И вот здесь...

– Нет, – отрезала она, – там сам скреби, бабuin. Расскажи о своей Организации!

– Я же рассказывал...

Она потребовала:

- Мало, давай больше! Подробнее!
- Успеешь, – ответил я благодушно, как Санта-Клаус. – Все узнаешь.
- Но ты же...
- Обещал отдать ключи от офиса? – спросил я.
- Предложил сотрудничество. Не слепое, сама увидишь. Начинается борьба с новым видом террора. Самым страшным. Еще и проситься к нам будешь!

Она презрительно покривила губы.

- Вслепую?
- Все увидишь в ходе первой же операции нового типа, – сказал я. – Никто не велит тебе стрелять с дистанции в незнакомых людей.

Она пожала плечами.

- Мы с тобой тоже выглядим подозрительными.
- Мы арестовываем преступников, – пояснил я, – кроме самых экстренных случаев. А тогда сама увидишь, невинных ли овечек арестовала.

Она сказала с недоверием:

- Что-то не видела, чтобы ты арестовывал.
- Идет война, – ответил я. – Какие в ней аресты?
- У тебя на все оправдания, – обвинила она. – Почему?
- Потому что умный, – похвалился я. – Разве не видно?
- Да как-то не очень, – холодно сказала она. – А вот наглый... да, заметно.
- Человечество, – сказал я назидательно, – все еще развивается как вид. Уверен, в сингулярности тоже будут рулить умные и наглые.

Она посмотрела на меня исподлобья.

— Что-то мне уже расхотелось в твою сингулярность.

— Тогда пойдем в нашу, — согласился я. — Впрочем, я тебя затащу.

— Не заташишь!

— Ты же меня затащила в постель?

Она помолчала, лицо помрачнело, а из груди вырвался тяжелый вздох.

— Все-таки, хотя мировых войн больше нет, но локальных все больше. А вдруг какая-то перерастет в мировую?

Она взглянула большими серьезными глазами, в них женская надежда, что мужчина все-таки мужчина, сколько ни отбирай у него доминантность, именно он придумает, решит, спасет...

Я пробормотал:

— Ну, как тебе сказать... Может быть, даже хорошо, если начнется война, а в ней погибнет большая часть этого хаотичного стада, красиво называемого человечеством... Понимаю, это звучит по-людоедски, но уже сейчас большая часть двуногих планете абсолютно не нужна.

— Скотина.

— Утилизация уже началась, — напомнил я мирно, — только пока так называемыми «гуманными» способами.

— Что ты называешь гуманными? — спросила она. — Что выборочно пулей в лоб, а не всех атомной бомбой?

— Прекращение рождаемости, — пояснил я. — Те, кто уже, ладно, пусть пока живут, а вот новых ну не нужно. Все равно лишние, а заботы потребуют.

Она нахмурилась.

– Постой-постой, ты сказал «пусть пока живут»...
Что значит «пока»?

Я двинул плечами.

– Начинают всегда мягко. А потом... сама знаешь, ты же в Израиле. По мере нарастания изменений в обществе оно, общество, будет разделяться на продвинутых и отстающих все резче и заметнее. Продвинутых, как всегда, будет меньшинство, а отсталые будут тормозить, мешать и даже пытаться устраивать бунты.

Она запротестовала:

– Погоди, ты что-то совсем людоедствуешь!.. Те, кто отстал, могут спокойно жить в своем привычном и неизменяемом мире!.. Ресурсов на планете хватит. Ты чего такой злой?

– Я не злой, – пояснил я, – просто рациональный. Этих отсталых придется собрать в одну резервацию, не слишком большую, чтобы не мешали перестраивать планету. Они, конечно, будут орать о своих правах... Но это наша планета, а они... в лучшем случае – как коренные жители Америки в своих вигвамах.

– В лучших?

– Да, – ответил я мирно. – Но я сомневаюсь, что мы им предоставим даже сносные. Мир жесток... Эволюция, как ни крути, все еще рулит. С развитием медицины отбор как бы закончился, как заявили недалекие алармисты, спасаем даже безнадежно больных, калек и уродов, однако в силу вступил еще более жесткий отбор.

– И под него подпадают и абсолютно здоровые?

– Но тупые, – уточнил я. – Отбор идет уже не по

физическим данным, кому они нужны в развитом индустриальном обществе, а по шкале развития разума. Нет-нет, никакого отбора по тестам и уровню айкью!.. Просто тупые, или назовем их стандартными гражданами, сами не пойдут в сингулярность. Только и всего.

– Туда уйдет горстка?

– Да.

– И вы будете считать свою горстку человечеством, а оставшихся...

– Обезьянами, – ответил я с пугающей ее откровенностью трансгуманиста. – Большим стадом обезьян. Восемь миллиардов обезян!.. Но какое нам дело до них?.. Они не животные, о которых мы обязаны заботиться. Те, кому даден разум, отвечают за себя сами. Передожнут или перебьют друг друга... это их проблемы. У нас дела пограндиознее!

Она вздохнула.

– Ну да, яблони на Марсе...

– Это первые шаги, – заверил я. – от трансформирования планет до колонизации галактики по имени Млечный Путь. А затем...

– Другие галактики?

Я покачал головой.

– Нет, еще до того, как перестроим свою галактику, уже начнем осваивать само пространство-время...

Она рассматривала меня исподлобья.

– И ты планируешь, как будешь менять пространство между звездами, хотя сейчас еще в теле человека и должен помешать террористам и безумцам уничтожить жизнь на Земле?.. Хороший у тебя размах.

Глава 15

Эсфирь, не зная, чем себя занять, отправилась на кухню, инстинкт рулит, принялась готовить нечто замысловатое, активные женщины тоже не могут сидеть без дела, как обожают дураки и дуры, только у нас с женщинами жажда деятельности выражается по-разному.

Я рыскал по Инету, ловил все переговоры по мобильным, скайпу и мессенджерам, читал имейлы и отслеживал все банковские переводы и платежи, все еще временами наслаждаясь могуществом и тем, что вижу как Хиггинс в самом деле развернул кипучую деятельность в поиске третьего ядерного заряда.

Уже не сомневаюсь, что если отыщет, то сдаст всех сразу, это же конкуренты, ишь заныкали третий заряд, сволочи...

Со стороны кухни потекли дразнящие запахи, я крикнул:

– А чего у тебя там горит?

– Где горит? – послышался сердитый голос. – Почему горит?.. Ты чего человека пугаешь?

– А где ты еще человека прячешь? – спросил я и пошлепал босыми ногами на кухню. – В кухонном шкафу? Там он тебе всю посуду перебьет... Выпусти из себя человека, оставайся женщиной.

Она обернулась, уже с кокетливым передничком, просто картичная домохозяйка за приготовлением обеда, хоть на обложку журнала.

– Что-то нарыл?

– Проницательные вы существа, – сказал я с изумлением. – Или это по моему честному лицу все

видно?.. Ты смотри, сколько с тобой общаюсь, а все еще честный и почти целомудренный.

– «Почти» – это как?

– В меру, – пояснил я. – В меру целомудренный. В сравнении... например, с типичными работниками спецслужб.

Она надменно задрала носик.

– Я не типичный.

– Ты экстра, – согласился я. – Во всем... Открывай духовку, а то подгорит, я же слышу!

– Только такое и слышишь, – сказала она обвиняюще.

– Тебя тоже слышу, – заверил я. – Всеми чувствами.

– Ах-ах, чувства у него есть! Гусь бесчувственный.

– Согласен, – сказал я мирно, – сейчас вот по людоедствую... или погусеедствую?..

Она наконец развернулась к плите и, откинув дверцу духовки, вытащила из облака ароматного мясного пара тушу зажаренного гуся, молодого, откормленного и в блестящей коричневой корочке, что уже лопается под напором распирающего ее мяса, выпуская струйки сока и одуряющих запахов.

Я потер ладони.

– Ладно, раз уж я пока что на биологическом носителе...

– Оправдывайся, – сказала она, – оправдывайся, животное...

Она критически смотрела, как я, вооружившись большим ножом и вилкой, разделяю гуся. Горячий ароматный пар вырвался из-под кожи, я жадно вдохнул, закрыл глаза и сладострастно помычал, раздражая Эсфири, что уже глотает слюнки,

а потом резанул глубже, пар пошел еще более жаркий и насыщенный, уже и Эсфирь непроизвольно громко сглотнула, сконфузилась и посмотрела на меня сердито, как же, мужчины вообще виноваты во всем.

— Можешь пукнуть, — разрешил я. — Вину принимаю на себя.

Она надменно приподняла подбородок, чтобы смотреть свысока, а я доразрезал окутанного сладкими ароматами гуся и положил ей самую лакомую часть на тарелку.

— Спасибо, — сказала она, — мог бы положить крыльышко. Женщинам всегда кладут крылья.

— Какой-то древний намек, — спросил я, — идущий со времен неолита?.. Я к старине глубокой равнодушен. Я человек будущего, уже сейчас живу в двадцать втором веке... хотя бы мыслями и плачами.

— У тебя много не закончено в двадцать первом, — напомнила она. — Про третий заряд еще не забыл?

Я ответил мирно:

— Видишь ли... Не все нужно делать лично, рядовой. У генералов другие приоритеты, а доктор наук и профессор — это равно генералу в армии. Ну, пусть генерал-майору или бригадному... Я говорил тебе, что дал задание Хиггинсу отыскать третью бомбу?

Она, работая столовым ножом и вилкой, буркнула, не поднимая глаз:

— Еще бы не побахвалился.

— Он почти отыскал, — ответил я скромно.

Она уронила вилку и уставилась в меня недоверчивыми глазами.

— Что?.. Отыскал бомбу?

— Пусть не саму бомбу, — ответил я менее охотно, — но ее след. Почти отчетливый, хотя не совсем, но вроде инверсионного за высотным самолетом, что вот-вот рассеется, но пока здим отчетливо...

Она сказала быстро:

— А его...

— Достаточно, — договорил я, — чтобы распутать остальное. В том числе в чьих она руках и где лежит. Даже на каком боку.

Она перевела дыхание, но посмотрела на меня исподлобья и с недоверием.

— Зная твою брехливую натуру, можно предположить... уже знаешь, где и на каком боку?

— Спасибо, — ответил я скромно, — за веру в человека. Впрочем, я эту веру оправдываю, не так ли?

— Не виляй, — сказала она в жадном нетерпении, — и не увиливай тоже. Ну?

— Пенис гну, — сообщил я, — дуга будет. Что ты подгоняешь, что подгоняешь?.. Люди все медленные, взять вон тебя, просто улитка сонная... Как только, так сразу, разве я не?.. Ну вот, все поняла. А что не поняла, не показываешь виду, что правильно, иначе какая ты женщина?.. Вот поедим, а если не отправимся, то поедем на. Если, конечно, там что-то наклонется.

— Тебе бы только жрать, — сказала она обвиняюще.

— Видела бы ты, — похвалился я, — какой у меня был аппетит, когда я выздоравливал...

— После ранений? Сколько в тебя всадили из гранатомета?

— Я просто болел, — сообщил я. — Как люди. Простудился или съел что-то.

Приготовила она умопомрачительно вкусно и лакомо, моя биологическая основа визжит от восторга, в то время как верхний сегмент мозга продолжает отслеживать все подозрительные звонки, все сужая и сужая круг поиска.

И вот я, высший разум Вселенной, всаженный в непрочное тело животного, с жадностью жру лакомое мясо молодого гуся, а интеллект просматривает со спутника всю область, где может находиться ядерный заряд, и просчитывает разные варианты его изъятия.

— Ешь-ешь, — сказал я, — но пережевывай, ты же не утка... вроде бы. Хотя если в профиль...

— Что-о?

— В профиль просто лебедь, — сказал я поспешно. — Не клювом, а грацией... Давай еще вот этот кусочек положу, смотри, какой сочный...

— Не подлизывайся, — сказала она грозно, — видела я твоих лебедей на сущее... Что еще нашупал?

— Ешь, — посоветовал я, — а то подавишься. Да и желудочный сок будет вырабатываться криво. Хочешь, расскажу, как пища переваривается и как...

— А вот это «и как» не надо, — велела она. — И вообще, если пока ничего не знаешь, так и признайся.

— Перед женщиной? — спросил я с сомнением. — Не много найдется таких мужчин.

— Но ты же не хохорист?

— Тоже хорохорист, — признался я с раскаянием. — Все хорохоримся, так эволюция кроила сотни миллионов лет. Со временем, когда еще вытанцовывали перед динозавриками, и даже раньше. Но бо-

роться с этим наследием – только зря тратить силы. Все равно через пару десятков лет просто сотру эти древние черты трилобитного поведения из своего драгоценного генома...

– А что впишешь?

– Не знаю, – признался я. – Но впишу точно больше, чем стер.

Она уловила, как чуточку изменилось мое лицо, но это не страх или сомнение, как могла подумать, а раз могла, то и подумала, у людей, особенно у женщин, все происходит именно так..

Это озарившая, как вспышка сверхновой, все закоулки мозга мысль, что зачем ждать, когда неповоротливая наука подползет к такому порогу и начнет тяжело переваливаться на ту сторону?

Я начал продумывать, где именно в геноме нужно покопаться. В этой гигантской мусорной куче, куда складывались все находки еще со времен амеб, инфузорий, рыб и динозавров, много всего, как нужного, так и абсолютно устаревшего, на последнем этапе у нас, двуногих, ничего не видно, а в геноме у нас прекрасно развиты не только жабры...

Мозг, как и вообще у двуногих, требует огромных затрат энергии, потому старательно увиливает от тяжелой работы, вот сразу же выловил сообщение в научном журнале, что экспериментальная работа с выращиванием зубов скоростным методом закончена, начинается передача методики в клиники. Каждый желающий может вырастить превосходные зубы всего за две недели, стоимость пока что на уровне имплантации, однако обещают в течение года снизить цену вдвое, а затем и вчетверо.

Хорошо, конечно, что у потребителей есть вы-

бор. Большинство все же предпочтет вырастить собственные зубы, пусть кривые и подверженные разным заболеваниям, но разумное меньшинство сделает верный выбор, как и вообще насчет высоких технологий.

Эсфирь поглядывает с подозрением, выражение моего лица все же чуть-чуть меняется, а это оскорбительно, мужчины должны думать только о женщинах, а думать о них – значит громко и часто говорить комплименты...

Она обратила внимание на мимолетную улыбку, спросила с подозрением:

– Опять какую-то пакость замыслил?

Я молча вытер масляные пальцы о салфетку и вывел на широкий экран сообщение о научном прорыве с парой фотографий ослепительно-белых зубов, явно из металлокерамики.

– Это ты порносайты посещаешь, злая моя лапушка, а у меня даже на смартфоне только умное, доброе, вечное... Жаль, не все йогурты одинаково полезны. Иные открытия вообще... выброшенные на ветер деньги.

– Ты чего? – спросила она. – Получить снова молодые зубы – это же здорово!.. Твоя генетика рулит!..

– Генная инженерия, – сказал я наставительно, – сейчас самая страшная вещь на свете. Мы все говорим для страны, для простого народа, как с ее помощью будем лечить ранее неизлечимое... даже не лечить, а враз и навсегда!.. Но, увы, куда проще заменить какой-нибудь ген в вирусе гриппа, превратив в самую страшную чуму на свете... прости, что за столом.

Она жевать не перестала, только челюсти стали двигаться медленнее, спросила настороженно:

— Почему проще?

— Ломать не строить, — ответил я. — А в вирусе проще копаться, чем в человеке. Вирус, если ты не знаешь, мельче человека. И проще устроен.

Она стиснула зубы, суровая, как Боудика, королева варваров.

— Я бы вас всех из тюрьмы не выпускала!

— Нас слишком много, — сказал я с сочувствием. — Теперь такие вирусы могут переделывать в тысячи лабораторий. Да какие там тысячи, в сотнях тысяч!.. Даже в школьных. Даже в Израиле. У вас же психов больше, чем в Китае!

Она зябко передернула плечами.

— Теперь кошмар приснится. Лучше бы не знала. Ты вон тарелку уже очистил, а мне теперь кусок в рот не лезет... И как с этим бороться?

Я двинул плечами.

— Да просто есть, и все. Ах, ты о вирусах?.. Никак. Просто установить везде камеры. Такую гадость за полчаса не создашь, а когда продвинешься хоть на половину, дверь вышибут и в лабораторию ворвется спецназ. В идеале, конечно.

Она с облегчением вздохнула.

— Ну хоть что-то.

— Вот только аппаратура становится все портативнее, — сказал я безжалостно. — Скоро ее можно будет брать с собой на прогулку в парк, где можно отыскать уголок без видеокамер...

Она посмотрела на меня зло.

— Ты нарочно меня пугаешь?

Я спросил с интересом:

– А тебя можно? Я думал, ты абсолютно непугательная. Или непуганая. Ладно, это я просто стараюсь тебя взбодрить. Раз уж все ноотропы запрещены вашей кровавой властью.

– Нашей?

– Ну да. Вы ее сперва установили в России, а потом в Израиле...

Она настороженно смотрела, как я ухватил смартфон, поелозил кончиком пальца, но закономерности не уловила, что и понятно, я двигаю наугад, лишь бы чаще и быстрее, чтобы совсем запуталась, наконец спросила:

– И... что-то срочное?

– Есть, – сказал я.

– Третий заряд?

– Теперь знаю точно, – сообщил я, – где он и почему. Куда вскочила?.. Сперва кофе, потом самолеты, ну а женщины где-то на конце...

Часть III

Глава 1

Через полчаса быстрой езды, когда город небоскребов остался далеко позади, а потом исчез вовсе, мы еще два часа мчались по великолепному шоссе среди бескрайнего моря золотых барханов.

Эсфирь за рулем сперва беспечно болтала, но слишком беспечно, а вопросы очень точные, я в ответ начал рассказывать о некоторых сложностях в работе с митохондриями, и она, все поняв, сердито замолчала. Мой мозг, которому скучно тратить исполнинские ресурсы на повседневную хрень, ее человек выполнил вообще на рефлексах, уже почти привычно начал так и эдак поворачивать некоторые проблемы, назревшие перед обществом, с особенным смаком взялся моделировать будущее общество, в котором удастся отменить старение, что уже не проблема науки, а чисто инженерная.

Мы знаем человека и судим по последним годам жизни. То есть Пушкин и Лермонтов стали прозаиками и в конце писали только прозу, но погибли рано, потому остались в нашей памяти как поэты, а такой прекрасный поэт, как Бунин, прожил долгую жизнь и остался в памяти как прозаик.

Дзержинский сказал, что, если бы ему пришлось прожить жизнь заново, он бы прожил ее точно так же. Да, глупо сказано, но для молодежи самое то. Она же знает уже все, постигла все, даже жить неинтересно...

Интересно бы промоделировать его жизнь на суперкомпе: каким бы он стал в пятьдесят лет, в шестьдесят, в семьдесят? Может быть, стал бы монархистом или увлекся буддизмом? Ушел бы в монастырь? Возглавил бы оппозицию?

Погибни Лев Толстой раньше, запомнили бы немногие, да и то лишь как молодого отважного офицера, участника Крымской войны.

Кто знает, каким был бы мир, если бы гениальный Галуа не погиб на дурацкой дуэли в двадцать один год? Или не стал бы? И продолжил бы Галуа свои работы в математике или же увлекся бы рисованием картин либо путешествиями в дикую Африку?

Она сперва поглядывала на меня в зеркало, наконец на мгновение повернула голову.

— Что молчишь?..

— Из меня хреновый певец, — признался. — Но если хошь, щас запою...

— Только попробуй, — пригрозила она. — Пристрелю и тут же в песках прикопаю. Как я понимаю, такие операции, как у тебя, будут все чаще?

— Уже началось, — сообщил я, — говорю откровенно потому, что вы тоже наверняка начали. Возможно, еще раньше нас, только помалкиваете. Речь не просто о террористических атаках, что для всех номер один, а о возможности, как уже говорил, террористических атак на все человечество.

Она поморщилась:

— Если сам помнишь, что говорил, зачем повторяешь?

— Потому что это уже реальность, — напомнил я. — Когда в кино Супермен или Бэтмен спасают мир, все смотрят с улыбкой — сказка, но каждый содрогнется и даже не захочет представить, что сейчас все люди на свете в шаге от уничтожения. И не термоядерной войной, а от прихоти какого-то идиота-биохимика, которому изменила жена!

Она зябко передернула плечами.

— Я тоже не хочу такое представлять.

— Нужно выдержать, — сказал я. — Всего лет двадцать-тридцать устоять перед натиском дураков и фанатиков, а там все вопросы разом решит сингулярность.

— Решит?

— Или отметет, — ответил я, правильно поняв вопрос. — Почти все, что сейчас волнует человечество, станет несущественным и будет с удовольствием отброшено. Ради более высоких радостей... Ого, вон за теми холмами и наша цель!

Она посмотрела вперед и чуть в сторону, пролеживая за моим взглядом, но ничего не увидела, кроме очень высоких песчаных барханов.

— Что там?

— Полевой лагерь курдов, — пояснил я. — Да, здесь у них нет своих земель, но у них нет их везде, а живут даже в Штатах, в Англии и вообще по всей Европе... Останови вон там. Чтоб с той стороны холма не увидели.

— Что брать с собой?

— Ты останешься, — велел я. — Нет-нет, мы не станем затевать войнушку. Я не знаю, где заряд. Так

что если даже всех перебьем, а здесь только боевиков около сотни, все равно бомбу искать и искать... Я сказал, оставайся и жди, Фатима!

Она умолкла, а я покинул автомобиль и пошел по горячemu сыпучему песку, где с вершины бархана открылся достаточно крупный лагерь в долине.

На первый взгляд не то бедуины, не то йеменцы, так это выглядит со стороны, те все чаще вторгаются в пределы более богатых и благополучных стран, полный аналог цыган в Европе, что промышляют чем угодно, только гордо отказываются от такого унизительного занятия, как работа.

Все верно, Аллах велел делиться с единоверцами, а кто не исполняет его заветы, тот отвернулся от Него свое спесивое лицо, потому каждый мусульманин вправе отнять у такого нечестивца коз, женщин и земли, все еще богатые нефтью.

Меня заметили, сразу с десяток человек привычно перехватили поудобнее винтовки, и дальше я шел под прицелом, на всякий случай даже руки приподнял над головой и растягивал рот до ушей. Карнеги утверждает, что человек с улыбкой нравится всем, хотя ему это не очень-то помогло...

Они умело раздвинулись, продолжая держать меня на прицеле, и в то же время на безопасной дистанции, чтобы даже не подумал дотянуться до кого-то из них и рискнуть отбирать автомат.

— Салам алайкум, — сказал я и, не дожидаясь ответного «алайкум салам», добавил: — Друзья, спецслужбы узнали, что в вашем племени сейчас находится похищенная у франков атомная бомба. Скоро сюда нагрянут правительственные войска на бронетранспортерах, небо закроют тучи вертоле-

тов, а жаждущих крови десантников здесь окажется больше, чем у вас народа...

Они переглянулись в недоумении, вряд ли рядовые боевики знают о какой-то бомбе.

Высокий и с орлиным носом боевик в арафатке сказал резко:

— Кто тебе такое сказал?

— Это неважно, — ответил я с предельным сопреживанием, которое сумел изобразить. — Я сочувствую гордому курдскому народу, разбросанному по всему миру, и хотел бы, чтобы вы осуществили свою мечту и построили Великий Курдистан от можа и до можа. Но с правительственными войсками страны, которая дала вам приют, воевать вам не стоит.

Высокий спросил требовательно:

— Откуда это известно?

— Разве недостаточно, — сказал я с упреком, — что это известно мне? Значит, и другим тоже. Я послан от друзей, вам советуют немедленно собраться и передислоцировать бомбу. Куда-нибудь в более безопасное место.

К нему подошел один и быстро-быстро пошептал на ухо, косясь в мою сторону.

Тот выслушал, кивнул.

— Сейчас решим, — сказал он. — Но сперва проверим, кто ты и почему такая забота.

— Многие, — сказал я многозначительно, — вам сочувствуют, а другие хоть и не сочувствуют, но хотят сохранить вас как грозную силу. Это и без проверки известно, не так ли?

Он буркнул:

— Твои слова похожи на правду, но жизнь научила нас не всему верить, что скажут и пообещают.

— Разумно, — одобрил я. — Мир пока что несправедлив.

Он поморщился.

— А ты пока подожди нашего решения.

Я слышал за спиной шаги, затем в поясницу уперся ствол автомата, а злой голос рявкнул над ухом:

— Руки назад!.. Медленно, вот так..

Я стиснул зубы, все пошло не совсем так, как планировал, кисти рук связали достаточно крепко, даже Геракл не порвет, затем толкнули в спину и затащили в достаточно вместительный шатер.

— Сесть, — велел голос за спиной.

Конвойир ногой придинул мне легкий пластмассовый стул, цивилизация сюда принесла не только «калашниковы», хотя их в первую очередь, но смартфоны тоже у каждого, да и сам шатер, как мне кажется, китайского производства...

— Ребята, — сказал я упавшим голосом, — вы делаете ошибку. Эта бомба слишком опасная вещь, чтобы вам ее оставили. Когда сюда высадится десант спецназа, они будут убивать всех, кто покажется подозрительным. Это подадут как антитеррористическую операцию, хотя вы никакие не террористы.

— Для всех мы террористы, — сказал конвойир зло.

— Вы борцы за свободу Курдистана, — возразил я. — Все честные люди на вашей стороне!

— Тогда почему нам не помогут? — спросил он.

— А где вы видели честных людей в правительстве? — поинтересовался я. — А у простых людей ни прав, ни голоса.

Он отмахнулся.

— Сиди и помалкивай. Сейчас там решат, что с тобой делать.

Я сказал устюжливо:

— Помните, я ваш друг! Если не верите, то союзник. Тем, кто меня послал, выгодно, чтобы вы остались целы и перепрятали ядерный заряд по надежнее.

Он посмотрел на меня внимательно.

— У нас ядерный заряд?

— А ты не знал?

Он сдвинул плечами.

— Никто из рядовых не знает. Что и понятно...

Я старался общаться ровным спокойным голосом человека, уверенного, что правда на его стороне и потому все будет хорошо, а мозг лихорадочно просчитывал все варианты, рассматривая лагерь сверху, в зените как раз проходит российский метеорологический спутник с ядерной бомбой на борту, все как на ладони, можно сосчитать полоски на арафатках кочевников и все способы просто выбраться отсюда живым.

Конечно, гребаный мозг высокодуховного учёного всажен в тело примата, потому сам мозг как бы работает над проблемой, как освободиться, но какие-то доли то заглянут по дороге на порнолаб, то посмотрят на новый подвид гигантских джерсийских кур, только что выставленных напоказ на вернисаже в Париже, но самая дисциплинированная часть все же просмотрела варианты, как освободиться от веревок.

Жаль, что не в наручниках, от них избавляться проще, но откуда у этих диких людей такие аксессуары продвинутого хай-тека, потому ладно, я задер-

живал дыхание, меняя давление в кистях рук, кости изменениям поддаются, но не в той мере, как суставы, наконец успел освободить руки за полминуты до того, как конвоир, переговорив по мобильному, вытащил из кожаного чехла на поясе массивный кривой нож, какими здесь режут горло баранам.

— Кому-то ты досадил, — сказал он задумчиво. — И очень сильно. Требуют твою голову.

— Надеюсь, — спросил я, — в переносном смысле? Он хмыкнул.

— Парень, здесь простые нравы. Придется везти твою голову через весь город... Надо хороший пакет найти.

— С этим трудно, — сказал я с сочувствием. — Цelloфан пошел не тот. Постоянно рвется.

— Потому что одноразовый, — буркнул он. — Раньше даже нарочно порвать было непросто... Ну, закрой глаза.

— Зачем? — спросил я. — А как же смотреть смерти в лицо?

Он ухмыльнулся.

— Герой?.. Ладно, я сделаю так, чтоб не больно.

Дверь резко распахнулась, на пороге возник второй, по виду постарше и наделенный какими-то полномочиями.

Увидев нож в руке конвоира, моментально выхватил пистолет и навел ему в грудь.

— Стоять!.. Опусти нож!

Конвоир повернул медленно в его сторону голову.

— Тахир... чего?

Тахир сказал резко:

— Приказ Куран-заде!.. Он сам прикончит этого

мерзавца. Это приказ хозяина. Все не так, как он тут рассказывал! Опусти нож, я тебе говорю!

Конвоир поколебался, но все-таки нож опустил, в глазах мелькнула неприкрытая ненависть.

– Знаешь, Тахир, когда этот рейд закончим, ты уже не будешь мною командовать...

– Я и тогда тебя согну в бараний рог, – пообещал Тахир. – А теперь выметайся отсюда!

Конвоир метнул в мою сторону злой взгляд.

– Думаешь, тебе повезло?

Он вышел, Тахир сказал мне бодро:

– От сердца отлегло?.. А зря. Он срезал бы тебе голову одним ударом, а я так не умею. Буду резать медленно, слушать твои вопли.

Я поинтересовался:

– А что за такое странное соревнование?

– Наниматель сказал, – ответил Тахир, – сто тысяч долларов тому, кто принесет ему твою голову.

– А-а, – протянул я, – тогда понятно. Бизнес есть бизнес. Приятно, что прогресс проникает и в такие дикие места. В смысле, на слово уже не верят?

– Не верят, – согласился он. – Нравы совсем испортились.

– За такие деньги, – сказал я, – я и сам себе голову отрежу...

Глава 2

Он захотел, заметно расслабившись, а я смотрел, как он вытащил нож и шагнул в мою сторону, двигаясь все медленнее, словно преодолевая сопротивление воды. Глаза его начали расширяться в ужасе, когда я вскочил в турборежиме и выхватил

с легкостью из его руки странно тяжелый в этом состоянии нож.

Рот медленно начал открываться для крика, но я уже вогнал острие клинка справа в живот по самую рукоять, рванул справа налево, вспарывая от бока до бока, и метнулся к выходу из шатра.

Думаю, я на своей скорости не просто выскочил, но и пробежал до ближайшего автомобиля, даже вскочил за руль, вышвырнул ожидающего там водителя, и все это за тот промежуток времени, пока тело Тахира валилось на пол.

На мгновение настигла слабость, я ухватился за барабанку руля, в глазах потемнело, но через две долгие секунды пришел в себя, мотор работает, осталось только дать газ и помчаться через лагерь по пути, который наметил еще в шатре и который рассматриваю сверху.

Со всех сторон прогремели выстрелы, реагируют здесь быстро, я свободной рукой подхватил с правого сиденья укороченную винтовку Калашникова, которую народ называет автоматом, и торопливо стрелял, держа одной рукой, в наиболее опасных и умелых, судя по их виду, пока автомобиль не вылетел за пределы лагеря.

На заднем сиденье три короткоствольных автомата, рюкзак и мешок, я дотянулся до рюкзака, так и есть, на дне под комплектом одежды пара гранат и мины, что просто прекрасно, хоть и не знал, какой из пяти автомобилей ухватить, но чутье сработало, что значит женские хромосомы в тела мужчин...

В минуты опасности мозг, слава богу, работает четко: я взводил мины, выбрасывал в окно, а через

равные интервалы слышал далеко за спиной бухающие взрывы.

Взгляд со спутника показывает, что одна мина взорвалась на секунду раньше, автомобиль погони лишь тряхнуло, он выровнялся и пошел за мной, увеличивая скорость, но вторая рванула точно под днищем. Машину разнесло на куски, пассажиры из кузова взлетели на воздух.

Третья мина взорвалась под передним колесом второго автомобиля, его перевернуло, людей выбросило в кювет.

Я поглядывал сверху: в лагере еще три автомобиля, но нельзя же все бросать в погоню, а беспорядок, вызванный бегством пленника, скоро утихнет, это воинский лагерь, не туристы из Италии.

Хотя... к лагерю приближаются еще два автомобиля, один черный джип, плохая окраска для здешних земель, где солнце никогда не прячется за тучами, второй — мощный пикап с боевиками в кузове, явно отряд сопровождения неких важных господ.

Я наблюдал, как они вдруг резко свернули и, не заезжая в лагерь, понеслись в мою сторону.

— Блин, — сказал я, — и кто эту гребаную мобильную связь придумал...

Если из лагеря я повел погоню в сторону от Эсфири, то сейчас пру к ней напрямую, придется тактику менять...

Хотя зачем?

Перевалив через холм, с облегчением увидел на той стороне наш автомобиль, хотя куда он мог деться, Эсфири с винтовкой в руках бежит к нему с холма.

Я остановил свое авто, Эсфирь помахала рукой и вскочила в машину, а я, оставив свою, бросился к ней.

Погоня молодцы, прут на предельной для таких мест скорости, людей в пикапе едва не выбрасывает через борта. Кто-то ухитрился выпустить очередь из автомата, пули ушли далеко в сторону.

Эсфирь высунулась из автомобиля, в руках автомат, прокричала с перекошенным лицом:

— Ложись!.. Прикрою!

Я крикнул на бегу:

— Уходим отсюда!

Она втянулась, как улитка под раковину, за моей спиной застучали автоматы. Я запрыгнул в автомашину, как в нору. Сиденье подо мной дернулось вперед, будто я упал на спину норовистого коня.

Над ухом сразу запищало, требуя пристегнуться, а то щас вызовет полицию и проследит, чтобы мне вломили штраф.

Пара пуль на излете звонко чиркнула по корпусу, Эсфирь инстинктивно пригнулась, я следил за тем, как погоня приближается к брошенному мной автомобилю.

Грохнул взрыв, автомобиль разнесло, а пикап тряхнуло так, что двое вылетели за борт. Джип, однако, даже не замедлил скорости, даже прибавил, отважные ребята, в этих местах только такие становятся командирами и эмирами.

Пыль столбом как за нашим авто, так и за джипом, погоня в диких местах хороша для нас тем, что если даже при гонке по гладкому шоссе трудно попасть в цель, то здесь вообще даже в упор легко промахнуться при таких диких прыжках автомобиля.

Эсфирь то и дело поглядывает в боковое зеркало, я заметил, сказал успокаивающим голосом:

– Женщина, ну что ты такая любопытная? Возле тебя такой орел, а ты на других мужиков смотришь...

Она огрызнулась:

– А разве ты не для того их за собой привел?..
Мог бы и перебить всех там в лагере!

– В лагере перебил, – сообщил я. – Ну, почти...
а эти подъехали новенькие. Наверное, их вызвали.
Гони, не обращай внимания, а то мне как-то обидно даже.

Она спросила быстро:

– А что насчет заряда?

– Я им подсказал, – ответил я, – чтобы в целях безопасности перебазировали в другое место. Возможно, это за ним и прибыли... Твои могут проследить, куда и как?

– Не знаю. Сейчас спрошу...

Одной рукой крепко удерживая баранку, она вытащила мобильник, а я достал ее рюкзак, поинтересовался, держа на весу:

– Тут не меньше полдюжины гранат?

– Три, – ответила она, не удивившись. – И три мины.

– Запасливая, – похвалил я. – Домовитая. Еще и гуся умеешь...

Она набрала номер и быстро-быстро заговорила на иврите, прибегая к кодовым словам. Я сделал вид, что не понимаю ни языка, ни примитивного кода, вытащил мину, взвесил, быстро сложив нашу скорость и скорость джипа, сделал необходимые поправки и выбросил из окна.

Эсфирь еще пару минут трещала по мобильнику, старательно выбирая дорогу среди барханов, только бы не увязнуть, я вытащил вторую мину, а Эсфирь крикнула, не оглядываясь:

– В рюкзаке две запасные обоймы!

– Какая кровожадная, – сказал я с укором. – Хотя это хорошо... самка должна защищать детенышней.

Она прошипела что-то сквозь зубы, за нами вздымается пыльное облако, иногда коротко поблескивают зайчики на металле, я прикинул расстояние, все в пределах, взвел таймер и, приспустив окно, небрежно выбросил на дорогу и тут же снова поднял стекло.

Эсфирь вцепилась в баранку, автомашину подбрасывает просто свирепо, словно старается вытряхнуть нас и помчаться на свободе навстречу истраляющему людей всемогущему ИИ.

Далеко позади громыхнул взрыв. Я не шелохнулся, Эсфирь зло посмотрела в мою сторону.

– Ну?

– Что тебе, женщина? – спросил я. – Думай, что впереди. Только медиевисты смотрят в прошлое да всякие там луддиты. Ты как насчет луддизма?

– Иди в жопу, – отрезала она. – Там как? Не нужно остановиться и добить остальных?

– А зачем? – поинтересовался я. – Если бы можно было вот так все восемь миллиардов, тогда стоило бы...

Она вдруг сказала резко, не глядя в мою сторону:

– Почему из лагеря повел погоню по кругу?

– А как надо?

– Прямо ко мне, – отрезала она. – Я такую удобную позицию для стрельбы с упора выбрала!

Я вздохнул.

— Увы, нельзя.

— Почему?

Я сделал скорбное лицо.

— Принять помощь от женщины? Я же навеки покрою себя позором. Несмываемым. Король Артур и Добрыня Никитич в гробах перевернутся!.. Нет, мужчина должен решать свои проблемы сам. Да и чужие тоже.

— Они не твои!

— Все мои, — пояснил я великодушно. — Это мужской мир, лапушка, что бы мы вам ни говорили. И мы вас все равно оберегаем, как всегда оберегали, и оберегать будем.

Она надулась, еще не просчитав, обидел или польстил, но решила все-таки обидеться, это выгоднее.

— Все равно свинья, — сказала она. — Ладно, за курдами теперь проследят. Думаю, ядерный заряд повезут с особой осторожностью...

— ...и охраной, — досказал я.

— И охраной, — согласилась она. — А мы сейчас к ним?

— Нет, — ответил я. — Перейди вон на ту дорогу. Там сейчас улепетывает один из лагеря... Нет, не курд, а так, мелкий посредник из местных... Может навести на след либо компонентов, либо секретной документации по сборке заряда и запуску сложного кода.

— Проследим?

Я покачал головой:

— Это ничего не даст. Нужно остановить и задать несколько вопросов. Лучше это сделать здесь,

до въезда в город... Вон-вон, смотри вперед, а не на барханы, ты же не верблюд!.. Видишь, голубой «Ситроен» вот там мелькнул за поворотом? Хорошо бы догнать и остановить типа за рулем...

– Догоним, – пообещала она, – а ты стреляй по шинам.

Я поглядывал с высоты спутника, встречных автомобилей практически нет, дорога ведет через пустыню до следующего оазиса, а там снова жизнь, как одно из немногих зеленых пятен на карте мертвой жаркой пустыни.

– Ого, он не один...

– Охрана, – заметил я. – Значит, либо с ними кто-то ценный, либо везут ценное...

Она встрепенулась, в глазах блеснула надежда.

– Бомбу?

– Вряд ли, – ответил я. – Бомбу пусть вытаскивает твоя команда. Увидим их в деле.

– А здесь?

– Увидишь, – пообещал я.

Наш автомобиль уверенно догоняет, «Ситроен» словно почуял неладное, ускорился, однако Эсфирь неумолимо сокращала расстояние.

Когда осталось не больше двадцати метров, я высунул руку через открытое окно и дважды выстрелил, тщательно рассчитывая толчки, скорость и рывки «Ситроена» из стороны в сторону.

Заднее стекло разлетелось вдребезги, двое пассажиров на заднем сиденье торопливо пригнулись.

Я выстрелил снова, «Ситроен» пошел вилять из стороны в сторону, не давая обогнать.

Эсфирь сказала хищно:

– Вон там широкое место... Приготовься.

Я думал, попытается обогнать, однако наш автомобиль, заходя чуть сбоку, с силой ударили слева в багажник. «Ситроен» развернуло, Эсфирь ударила по тормозам, а я выдвинул в окно руку с пистолетом и снова дважды выстрелил.

С той стороны, где шофер, в окно высунулась рука с растопыренной пятерней. Я выскочил, быстро открыл заднюю дверь справа. Под ноги вывалилось тело с пробитой головой в районе виска.

На сиденье рядом с водителем еще один, пуля пробила ему череп навылет и брызнула кровью на шофера, потому так поспешно и поднял руку в жесте сдачи.

Эсфирь выскочила быстрая, как пантера, выдернула шофера из машины и моментально запихнула в свою, успев беглым взглядом окинуть убитых.

Я сел с пленником рядом, а Эсфирь, убедившись, что мой пистолет направлен ему в бок, быстро метнулась за руль.

Машина сорвалась с места, словно ею выстрелили. Вся стычка заняла несколько секунд, я сам удивился нашей слаженности.

Эсфирь спросила, не оборачиваясь:

— Кто ты и что ты?

Пленник, мелкокостный и юркий человечек с недобрым лицом и желтой кожей, огрызнулся:

— Я просто шофер!.. Я не знаю, кто они и кто вы!.. Отпустите, ничего никому не скажу!

Я вытащил смартфон, Эсфирь настороженно поглядывала в зеркало, а я подвигал пальцем окошки, наконец вывел на экран его лицо.

— Так-так... Узнаешь?.. Умрюм Гагли, семь раз

привлекался за сутенерство, за поджог, трижды судим, но сроки получал небольшие...

Он покосился одном глазом на экран.

– Откуда это все?

– Из полицейского досье, – пояснил я больше для Эсфири. – Про Интернет слыхал?.. Теперь все там, даже ты... Вижу, в самом деле мелкая сошка, потому никакой для нас ценности, понял? Мы охотимся за крупной дичью, а ты можешь идти, но сперва все расскажешь про этих двух пассажиров.

Он поймал слово «пассажиры» и тут же заглотил крючок, заявив очень уверенно:

– Просто подошли и предложили сто долларов, чтобы я отвез в центр города. Я согласился! Но вы по дороге обоих шлепнули... И где теперь мои сто долларов?

– Хорошо придумал, – одобрил я и, сдвинув пальцем его лицо на экране смартфона, вывел вместо него на весь экран фото, где он и один из убитых стоят в летней одежде на берегу моря. – Милый снимок, верно?

Он запнулся, пробормотал с усилием:

– Ох... это что, тоже я?

– Тоже, – согласился я. – Хорошо получилось. Такие позы, а лица значительные, увереные...

– Я снимался один, – сказал он глухо. – Это кто-то встал рядом.

– Такое бывает, – согласился я. – Есть чудаки, портят нам снимки. Мерзавцы, какой-то у них извращенный юмор. Вот и тебе испортил... еще пару раз. В баре этот же дебил как-то встал рядом, а еще в саду сидели с ним за одним столом, а беседовали позыркивая по сторонам... Наверное, обсуждали от-

крытие бозона Хигса. Такое тоже бывает. С незнакомцами особенно интересно поговорить о науке...

Он промолчал. Я сказал с сочувствием:

— Ладно, раз ничего не знаешь, то никакой ценности для науки не представляешь. Фатима, останови!.. Пусть выйдет, не хочу пачкать кровью сиденье да и весь салон...

Она остановила, а Умрюм с ужасом вытаращил глаза, глядя на пистолет в моей руке, что уперся ему в бок.

— Я все скажу!

— Говори, — предложил я.

— А точно меня отпустите?

— Конечно, — ответил я. — Нам такая мелочь не нужна.

Он сказал упавшим голосом:

— Эти двое, что на заднем сиденье, должны были взять у Аслан-бека, это помощник Хайдира, какие-то особо ценные бумаги.

— Когда?

— Прямо сейчас! Я их к нему и вез.

Я подумал, сказал со вздохом:

— Похоже, на этот раз не врешь. Ладно, иди.

Он торопливо вышел из машины, пошел прочь, все ускоряя шаги. Я поднял пистолет и, почти не целясь, как показалось Эсфири, выстрелил.

На затылке Умрюма взметнулись волосы, он дернулся и, взмахнув руками, рухнул лицом вниз.

Эсфири спросила с негодованием:

— Ты же сказал, что отпускаешь!

— Но не уточнил, — напомнил я, — насколько далеко. А еще я сказал, что он никакой ценности

не представляет... Или тебе понравился?.. Вроде не красавец...

Она сказала зло:

– Я в затылок никому не стреляла!

– А есть разница? – ответил я рассудительно. –

В грудь или в спину... устаревшие правила, различий нет. Главное – цивилизации такие существа не нужны. А если в сингулярность не брать, то зачем он вообще?..

– Зверь.

Я поинтересовался:

– Так мы едем или чё?.. Или искать бомбу тебя уже не возбуждает?

Она молча взялась обеими руками за баранку. Когда автомобиль набрал скорость, я поинтересовался:

– Кто такой Хайдир, ты, конечно, знаешь?

– Откуда? – спросила она в изумлении.

– Я думал, – сказал я подразнивая, – у Моссада в самом деле руки длинные...

Она поморщилась.

– Чисто случайно мы знаем о нем. Не слишком крупный торговец всем нелегальным, от оружия до женщин с Запада, но амбициозный, всеми силами старается повысить свой авторитет. Но я не думала, что возьмется за опасную возможность насчет атомных зарядов. Конечно, это упрочило бы его положение, но раньше он так не рисковал...

– Осторожен? – спросил я.

Она покачала головой.

– Бизнесмены все не святые, но этот обычно старался не втягиваться в рискованные операции...

– Тогда чего вы за ним следили?

Она двинула плечами.

– Крупная фигура. Да, был связан с такими же мастодонтами, но переступающими грань. При случае рассчитываем его использовать.

– Значит, – сказал я, – у него просто удобного случая не подворачивалось переступить закон. Ваш Карл Маркс сказал, что бизнесмен за пятьдесят процентов прибыли пойдет даже на убийство конкурента, а за сто – на любое преступление...

Она поколебалась, словно решала, говорить мне или не говорить, даже в своей разведке есть секреты от других отделов, а уж от меня тем более, наконец сказала с сарказмом:

– А знаешь, Хайдир не доверяет никакие секреты электронным носителям информации.

– Что, держит в бумаге?

Она спросила с интересом:

– Трудно поверить? Он старой школы. Потому все важное хранится у него в кабинете. Где именно, никто не знает. Никому не удалось установить даже «жучок» в его офисе.

– В его кабинете?

– Вообще в офисе. Даже в коридоре.

– Что, – не поверил я, – совсем-совсем?

– Установить удавалось, – ответила она с неудовольствием, – но, во-первых, там мощные глушилки, а во-вторых, через пару минут их обнаруживали.

– Большие потери, – согласился я. – Сверхминиатюрные стоят пока что дорого. А если еще и защищенные от помех... что вообще-то не защищают, то вообще... Прибавь, не люблю опаздывать.

– А куда едем?

– К Аслан-беку, – сообщил я, – куда же еще.

Она дернулась.

— А ты знаешь, кто он?.. И даже где?

— Конечно, — ответил я в изумлении. — А ты не знаешь? Странно, у него тут такие притоны... И вообще, он главарь одной из банд, но в нашем случае всего лишь посредник. Даже не посредник, а запасной кошелек на тот случай, если партнеры кинут...

— Кошелек или сумка?

— Все точно схватываешь, — признал я. — Скорее сумка... Вон там вдали видишь как бы город? Ну и что, если только десяток домов, зато какие! Небоскребы, как все здесь. Возле первого же остановишься, будем ждать.

Она сказала независимо:

— Как будто я не знаю, где его офис!.. А вот откуда ты узнал?..

— Все нужно делать быстро, — сказал я, — Как мне в лагере сообщили... да, прям доложили, у Аслан-бека в сумке все чертежи, схемы, коды и варианты запуска.

— Нам нужен Аслан-бек или сумка?

Я сказал с одобрением:

— Верно ставишь вопрос. Главное — сумка. А жив Аслан или нет...

— Понятно, — прервала она, — их же восемь миллиардов!.. А ты не подумал, что это все человечество? И не их, а нас восемь?

— Всего двуногих на планете восемь миллиардов, — сказал я, — пятьсот миллионов семьсот тысяч... и постоянно добавляются. К счастью, умирают почти столько же.

Она сказала со злостью:

— Скотина! К счастью, видите ли... Значит, ты в те восемь не входишь?

— И даже в восемь пятьсот, — подтвердил я. — Вообще-то оставшихся семьсот тысяч тоже многовато.

— Ну ты и мерзавец! Что-то я не верю в наступление такого мира!

— Не верь, — согласился я с благодушием взрослого, что разговаривает с ребенком, — но солнце все равно взойдет. Но даже и те семьсот тысяч почистим. Для той задачи, которую нам ставит Вселенная, вовсе не нужна огромная толпа дураков, а семьсот тысяч умных не набрать, не набрать... Та-а-ак, подрули вот туда и замри, как мышь под полом, но мотор не глущи.

Она молча сделала все, как я сказал, сейчас не до споров, затихла, держа одну руку на баранке, в другой пистолет, нога на педали газа, десантный нож рукоятью касается локтя, выпитое олицетворение начала дикого двадцать первого века, что уже к середине станет неузнаваемым, а во второй половине полностью очистится от человечества... по крайней мере я бы не стал оставлять остатки даже в резервациях.

— Выходят, — предупредил я. — Аслан-бек что-то уж очень бережно несет сумку...

— В руке?

— Через плечо, — ответил я. — Кожаная, ремень толстый... Выходят!

Глава 3

Дверь распахнулась, первый боевик не вышел, а почти выскочил, настороженный, как зверь, вслушиваясь во все звуки и поглядывая по сторонам. То ли предупрежден, то ли жизнь такая, где ходи и бо-

ись, а следом почти выпрыгнули один за другим двое постарше, тоже алертные, готовые к схватке, как полевые командиры, что других натаскивают, но и сами не разучились стрелять, бросать гранаты и драться в рукопашке.

— Пора, — шепнул я.

Эсфирь начала стремительно-медленно распахивать дверь со своей стороны, а я выстрелил поверх приспущеного стекла в первого, тут же во второго.

Оба еще не ощутили, что убиты, а Эсфирь, распахнув дверь и поднявшись у машины во весь рост, дважды выпалила в только что вышедшего из подъезда самого грузного, у которого через плечо большая сумка из темной кожи.

Он упал навзничь, я на всякий случай держал его на мушке, в руке Эсфири моментально блеснул нож. Я только подивился, как она в одно стремительное движение оказалась рядом с ним, перехватила острым лезвием ремень сумки и, подхватив ее, бросилась обратно к машине.

Я за это время передвинулся на ее сиденье за баранку, распахнул для нее правую дверцу. Эсфирь вскочила, я тут же рывком бросил машину вперед.

На повороте впереди занесло, но лишь стукнулись колесами о бордюр, а дальше погнал уже по улице.

Эсфирь торопливо рылась в сумке. Я ощущал неудобство, за это короткое время уже почти привычно, что могу заглядывать куда угодно, а еще как орел сизокрылый смотреть глазами спутников на землю, что создает иллюзию могущества, но тут не

могу посмотреть, что в этой сумке Аслан-бека, доверенного посредника самого Хайдира.

— Есть, — вскрикнула она. — Не знаю, все ли...

— Чертежи?

— Даже инструкции, — ответила она торопливо.

— Хорошо, — сказал я. — Без них заряд так просто не собрать!

Она огрызнулась:

— А то бы ты собрал!

— Конечно, — ответил я и заложил крутой вираж, обходя выкатившийся на край полотна большой камень, в Арабских Эмиратах тоже не успевают следить за дорогой. — Я все соберу, что не успеет спрятаться.

— Свинья самоуверенная.

— Я такой, — согласился я. — Еще и красивый, заметила?.. Вообще-то любой ядерщик соберет, но его не так просто отыскать во всех Арабских Эмиратах. А их здесь семь, знаешь?

Она дернулась.

— Семь ядерщиков?

— Нет, эмиратов, — сказал я успокаивающим тоном.

Она сказала с облегчением:

— Ну, нельзя же так пугать.

А пока будут искать в Европе или Иране, — сказала она, игнорируя иронию, — за ними установят наблюдение. За ядерщиками.

— И за контрольными пунктами на границах, — добавил я. — Если не прохлопают ушами. Жизнь сейчас привольная, в тренде расслабляться и ловить кайф.

— Да, — согласилась она очень серьезным голосом, — и за ними обязательно.

— У Моссада длинные руки? — напомнил я.

— Не хами, — ответила она с горечью, — как раз наша служба получает финансирования меньше, чем организаторы гей-парадов!

Я вздохнул.

— Гей-парады в Израиле... Куда ваши ортодоксы смотрят?

— Их слишком мало, — ответила она устало.

Мне почудилось, что бросила в мою сторону взгляд, полный надежды, покачал головой:

— Нет уж, сами. Америку поддерживать в ее крестовом походе к сингулярности, а еще и Моссад?.. Россия один раз уже надорвалась, поддерживая справедливость во всем мире и разруливая конфликты между дураками. Это не так легко, как считалось... Что там еще?

Она сделала было движение отбросить сумку на заднее сиденье, но передумала, ответила упавшим голосом:

— Все...

Я сказал быстро:

— Дай-ка посмотрю сам, начальство понимает больше, а уж доминанты так и ваше...

— А машину кто поведет?

— Здесь светофоров нет, — напомнил я, — так что доверю существу с гранатой.

Я остановил автомобиль, она тут же села на мое место, не дав мне выбраться, но я добился свободы из-под чисто женского варианта доминирования, обошел автомобиль, как коня, спереди, а то вдруг лягнет, все-таки чужой, машины теперь умеют при-

знавать только своих хозяев, а скоро и рулить будут сами, только скажи, куда ехать...

Эсфирь бросила мне сумку на колени, едва плюхнулся на сиденье рядом.

— На, — сказала она недовольным голосом. — Без этих бумаг им бомбу даже из всех компонентов не собрать, мы молодцы...

— Но?

— Но все равно, — договорила она, — здесь не сказано, где они сами. А я своей команде сигнал уже послала!

Она повела автомобиль быстро и ровно, по-женски не отрывая взгляда от полотна дороги, субдоминанты все же дисциплинированнее нас, что и правильно, свобода решений должна быть только у руководящих самцов.

— И что? — спросил я недовольно. — Твои еще не проследили, куда повезли из лагеря курдов?

Она покачала головой.

— Возможно, все еще в дороге.

— В дороге пусть и захватывают, — посоветовал я. — Впрочем, всегда еще есть метод больших чисел.

— А что это?

— Не слышала? — изумился я.

— Нет...

— А я слышал, — сообщил я гордо, — хотя и не знаю, в чем он, но, наверное, в работе с большими и сверхбольшими массивами информации. Это если верить интуиции, а я ей не верю, это оскорбительно для ученого, хотя иногда бывает права, а иногда и не иногда. А на самом деле теперь нам не нужно просеивать слишком много навоза в по-

исках жемчужного зерна имени Крылова, уже есть ниточки.

— Хоть покажи, — сказала она с сарказмом.

— Бессовестная, — сказал я с удовольствием, красивый исход операции всегда настраивает на веселый лад, а когда все чисто и никакой погони, это же вообще песня. — Ты же за рулем! Дай полчаса, а потом еще раз свяжись со своей группой. Если, конечно, сумела в прошлый звонок до них добудиться.

Она встрепенулась.

— Ты... уверен?

— В себе? — спросил я изумленно. — Шутишь? Стал бы я тогда заниматься наукой?.. Неуверенные идут в творчество. Там, какую бы глупость ни сотворил, всегда можно сказать: «Я так вижу!»

— Да ладно...

— Не думаю, — сказал я с намеком, — что твои всей толпой поперли те два заряда прямо в Израиль.

— Правильно думаешь, — отрезала она холодно, но я уловил в голосе страстную надежду, что удастся захватить и последний заряд. — Но сперва нужно знать точно, что и когда. Ты же сказал, достаточно проследить, куда из лагеря курдов спешно перевезут заряд!

— Достаточно, — согласился я. — Если, конечно, твоих не обманут.

— Как?

Я отмахнулся.

— Да по-всякому. Пошли с большой охраной грузовик в одну сторону, а в другую поедет кто-то на легковушке. За кем ринутся наперехват твои орлы?

— За легковушкой, — ответила она дерзко. — Что, съел?

— А заряды повезут на грузовике, — сообщил я. — Под хорошей охраной.

Она помолчала, крепко удерживая в руках баранку, наконец буркнула:

— Ладно, высчитывай по своим большим числам.

— Спасибо за разрешение.

— Пожалуйста. Но если сбрешешь, сама удавлю.

— Такой соблазн сбrehать, — сказал я задумчиво, — но этика ученого заставляет действовать, как надобно светлому будущему, вопреки тьме и невежеству в облике женщины. Хорошо хоть красивой.

— Что бы вы, — заявила она по-женски мудро, — без женщин делали!

— Да, — сказал я трезво, — пока еще так... Но уже разработаны технологии, как обходиться без женщин, а также — как женщинам без мужчин... Осталось только в массовое производство.

— Это в твоей сингулярности? — спросила она.

— Увы, — ответил я, — здесь, в мире двуногих. А сингулярность... это совсем иной мир. Людям в ней зачем?.. Там мир чистый... Может быть, именно его имели в виду древние, описывая рай как царство чистой энергии?

Справа и слева от дороги бегут навстречу и пропадают позади такие красивые песчаные барханы, похожие на холмы из золотого песка, со стороны просто чудо природы, европею не понять, почему местные их ненавидят, это же так прекрасно: синее-синее небо, такой чистоты и глубины в Европе никогда не увидят, и чистые-чистые горы сухого хрустящего песка...

Я сказал со вздохом облегчения:

— А все-таки показался конец...

— Какой конец?

— Конец этой ерунды, — пояснил я. — Осталось только перехватить сам заряд. Правда, там охрана о-го-го, но, надеюсь, твои боевики уже перехватили?

— У нас не боевики, — напомнила он сердито. — У нас преданные делу Израиля лучшие люди, как у вас когда-то были коммунисты! Вначале. А если нашим не удалось по дороге...

— Штурмовать крепость, — ответил я, — куда увезли и где спрятали. Надеюсь, это одинокая палатка в пустыне. Хотя и не верю. Но дум спиро сперо?

— Иди ты с латынью, — сказала она, но на этот раз не уточнила, куда идти и как идти, с песней или с барабаном на шее. — А если худший вариант... сколько человек надо?

— Мне одному можно одной левой, — сообщил я, — с завязанными руками. Хотя если идти с тобой, то мужчины обязаны и за женщинами присматривать, а это такие дурные козы... А если привлечь твой отряд, то человек пять, не меньше.

Она задумалась, даже не озлилась на такое нахальное принижение ее бойцовского уровня, взглянула на меня исподлобья.

— Если заряд перехватить по дороге не удалось... ты точно не сможешь принять участие... в штурме одинокой палатки?

Я сдвинул плечами.

— Могу, если необходимо.

Она сказала со вздохом:

— Ставка слишком велика, чтобы рисковать. Лучше задействовать все силы. Помоги, и весь Моссад у тебя в долг!

— А разве он уже не в долг?

— Будет еще больше, — заверила она. — Все руководство в долг!.. Только свистни, все прибегут. Даже премьер, если узнает.

— Откуда узнает? — удивился я. — Он и про ваши атомные бомбы не слыхивал! Про какой-то Моссад вообще не знал.

— Ты не ответил.

— Узнаю еврейские хитрости, — сказал я с подчеркнутым неудовольствием. — Ты нам сейчас, а мы тебе потом. Ладно-ладно, не вскидывайся, как конь на картине Диего Родриго де Сильва-и-Веласкеса. Раскусил тебя, и ладно. Я же пока не бью?.. Хоть и заработала. Поднимай своих, а мы с тобой начнем выдвигаться на позицию.

Она ответила послушно:

— Все сделаем!

— Евреи ради атомной бомбы, — сказал я с полным пониманием, — как Карл Маркс, на все пойдут.

— Свингус, — бросила она бодро. — Карл Маркс был русским.

— А точно?

— Если его учение потерпело крах, — сообщила она, — то русский. Если привело к большим деньгам — еврей.

— Как все просто и ясно, — одобрил я. — На всеобщих выборах ты бы стала президентом. Простой народ обожает простые решения. И красивых женщин.

— А ты?

— Умных, — ответил я и пояснил: — умная женщина всегда красивая.

Она задумалась, подсчитывая набранные баллы на всевозможных тестах, самые высокие показатели получаются на размещенных в социальных сетях, там всегда и умная, и выглядит моложе, и жить ей вечно, и в прошлой жизни была Клеопатрой, а также Елизаветой Великой...

Глава 4

Конечно, насчет плохого финансирования Мостсада сбrehала, как нам постоянно брешут все женщины. При плохом финансировании всего за пару часов не собрался бы отряд из пяти прокаленных постоянными в этих регионах войнами и пограничными стычками мужчин.

Даже в их досье можно не заглядывать, хотя я заглянул, у меня это получается почти на автомате, слишком быстро мозг шарит везде, куда можно влезть, сейчас у Сети возможности больше, чем думают даже специалисты.

Командир, Яков Кельми, хотя здесь отзывается только на кличку Ястреб, неслышно вынырнул из темноты, я успел оценить его ловкость и гибкость, несмотря за возраст в пятьдесят лет, а он сказал в сторону Эсфири:

— Отряд на месте.

— Не стесняйтесь, Яков, — сказал я, — здесь все свои.

Он дернулся, все тело напряглось, как перед прыжком.

– Вы знаете мое имя?

– И даже ник в онлайновых, – заверил я. – Что, лень придумывать разные? А то если хакнут один, полетят и другие.

Он буркнул с неприязнью:

– Уже не играю. Аккаунты передал младшень-кому.

– Только следите за карточкой, – посоветовал я. – Своей. А то ваш младшенький уже тратит шекели на новые мечи, а еще коня купил с алмазными подковами, мифриловую кольчугу... Добро бы у разработчиков, такое допустимо, а то у черных дилеров. Мне денег не жалко, это американские, а не наши налогоплательщики расплачиваются, но за такое могут кикнуть и забанить...

Он смотрел на меня, опешив, а Эсфирь сказала подчеркнуто серьезно:

– Если кикнут, как жить младшенькому?.. Ему бы лучше, чтоб из школы пинком, даже обрадуется.

Из темноты, что не темнота, вынырнул еще один, сказал шепотом:

– Все в сборе. Вертолет прибыл.

– Ого, – сказал я, – даже вертолет. Как догадались?

Командир сказал настороженно:

– Карина решила...

– Ого, – ответил я, – Эсфирь, ты у них за главного? Подниму цену, когда буду предлагать тебя в гарем эмиру.

Она буркнула:

— А в свой не хочешь?

— Такая мне не по карману, — признался я.

Она прямо посмотрела мне в глаза.

— А если пойду бесплатно?

— Ты дорогая штучка, — сказал я с искренней печалью. — И за тебя нужно платить дорого, даже не деньгами... Все готовы? Проверьте, что в карманах, и... где ваш вертолет?

Командир указал в сторону чернеющей на фоне звездного неба вершины холма.

— На той стороне. Захват на дороге организовать не успели, но точно определили, что заряд повезли вон туда.

— А с другой стороны вывезти не могли?

Он криво улыбнулся.

— Такие трюки знаем. Наблюдаем по всему периметру. А как вы поняли, что заряд здесь?

Я скромно смолчал, Эсфирь буркнула с непонятной интонацией:

— У него какой-то метод больших чисел... С детства не терпела математику!

Вертолет я сперва увидел, только потом услышал приглушенный рокот мотора. Конечно, не военный, чему бы я удивился, а прогулочный, рассчитанный на богатых туристов, желающих обозревать красоты арабского мира еще и с высоты птичьего полета.

Посадочных мест пять, нас семеро, однако один молча остался на месте и сразу отошел в темноту, у него задача обеспечивать благополучное приземление на свободное от противника место.

Мы с Эсфири втиснулись в уголок, где и так не развернуться, она без всякой рисовки села по-дело-

вому мне на колени, что все приняли как должное, мы на опасном задании, не до всякого тут.

Вертолет почти бесшумно оторвался от земли, это военные грохочут, как будто сто чертей бьют кувалдами по листам железа, а богатым туристам нужен комфорт и удобства, иначе уйдут к конкурентам.

Яков поглядывает на меня с недоверием и опаской. Эсфирь заметила, шепнула ему на ухо:

– Надо усилить службу безопасности! Чтоб всякие тут не рылись в наших досье.

– Напрасно потраченные деньги, – сообщил я. – Мир стремительно идет к открытости. Не успеете.

– Это ужасно!

– Почему?.. А-а, тайны секретных служб станут доступны? Но выявятся также все террористы и преступники. Никто не скроется... это ужасно только тем, кому есть что прятать. Однако если человек ведет жизнь честную и праведную, как ваши хасиды...

– Иди в жопу, – прервала она. – Тоже мне отыскал праведных!

Я наклонился к пилоту, мы сидим прямо за его спиной, сказал над его ухом:

– Вот там белеют камни... Видишь? От них налево под тридцать два с четвертью градуса.

Яков спросил с беспокойством:

– Не заметят?

– Идем на предельно низкой, – напомнил я. – холмы и деревья закрывают особняк, а мы приземлимся так, чтобы не заметили. Дальше пешком. Хотя Эсфирь привыкла, что ее возят в лимузине... или

в паланкине... Эсфирь, не ерзай жопой, не ерзай!.. А то доерзаешься.

– В паланкине носят, – буркнула она, но устраиваться поудобнее на моих коленях перестала. – Не щупай меня, крокодил! Тоже мне, расщупался. Так щупну, на лету выпорхнешь.

– Даже шелохнуться боюсь, – заверил я. – Тебя все боятся, заметила?

– А что это меня снизу пихает?.. Скажи еще, что это твой пистолет сам выбирает место для стрельбы!.. А-а, это вон к тому особняку прем?

Пилот поспешно прижал вертолет к самой земле и повел на бреющем. Яков, как вижу, сжался в тугой ком нервов, если мы увидели вдали крышу особняка, то и нас могли увидеть, хотя шансы минимальные, но все же тревожно...

Внизу в зеленой темноте блеснули огоньки и стремительно понеслись в нашу сторону. По металлу корпуса трижды звякнуло.

Яков выругался, кто-то прокричал:

– Мы в зоне обстрела!

Пол под ногами задрожал, накренился. Я ухватился свободной рукой за ремень, другой рукой удерживая Эсфири, Яков крикнул:

– Повреждения?

– Трос перебит, – ответил пилот громко. – Придется падать...

– Жестко?

– Нет, – ответил он, – сперва уйдем из зоны обстрела подальше, а потом...

Вертолет продолжало раскачивать, к тому же постоянно снижается, видел, каких усилий пилоту стоит удерживать вертолет, в котором половина

гидравлики разбита пулями из крупнокалиберного пулемета.

Снизу с силой ударило в днище, я слышал, как хрустнули шасси. Шум мотора прервался, винт вращается по инерции, Яков распорядился:

— Шулика, посмотри, что повреждено, а ты, Копчик, помоги, вдруг одному не справиться.

— Но я...

— Это приказ, — оборвал он. — Как бы прекрасно мы ни выполнили задание, но если не взлететь, что толку?

Они надвинули на лоб очки для ночного видеения, выглядят как миниатюрные театральные бинокли на ремнях, закрепленные на затылках. Я тоже надел это приспособление, хотя заплатка в генах позволяет видеть в темноте достаточно отчетливо, разве что ожидаемо теряются все цвета, но мы когда-то с удовольствием смотрели черно-белых чарличаплинов...

— Не отставать, — велел Яков. — Держать боевой порядок!

На меня поглядывает искоса, не рискуя отдавать приказы, явно знают мою роль в захвате двух ядерных зарядов, да и этот нашел я, а Эсфирь, возможно, уже сказала, что я и сам мог бы добыть, но вот решил их малость потренировать в боевых условиях.

Эсфирь шепнула мне:

— Сперва нужно посмотреть, кто это нас... Как будто ждали!

— Если бы ждали, — ответил я, — шаражнули бы стингером. Но стреляли из пулемета, а у кого его теперь нет? Без пулемета как бы не мужчина в этом высокодуховном мире.

Она фыркнула.

— У тебя даже пистолета нет! Не считая того, что я одолжила.

— Одолжила? — сказал я с обидой. — А сказала, подарок... Не то на день рождения, не то ко дню Красной армии Израиля!

— Не говорила такого, — запротестовала она, — но ладно, твой он, твой!.. Весь Моссад подтвердит, что пистолет за две атомные бомбы — сделка выгодная!

— Вам, евреям, — сказал я обвиняюще, — лишь бы выгода.

— А ты думал? — спросила она.

— Полагал, — признался я, — гнусный поклеп, а вы все такие бескорыстные...

— Кто, Моссад?

— Нет, евреи.

— Евреи одно, — сказала она твердо, — Моссад другое.

— А ты кто?

— Еврейка из Моссада, — отрезала она ехидно.

Яков знаками рулит своими орлами, они молча исчезают в темноте, Эсфирь пошла за мной тихая и неслышная, словно отправилась кур воровать, на лбу сложное сооружение для ночного видения...

На стоянке в двухстах метрах от главных ворот два мощных грузовика от «Сименса», бульдозер и мелкая строительная техника, тоже сложная, но лично мне больше всего нравятся эти чудовищные грузовики. На этом этапе хай-тека именно они воплощают в себе всю мощь прогресса. Они же первыми перешли на автводителей, и вообще в их конструкции не меньше новинок сегодняшне-

го дня, чем в танках, но танки где-то там, а грузовики постоянно разъезжают между городами, всем своим видом демонстрируют, что мощь прогресса неоспорима.

Она буркнула за спиной:

— Темно...

— Чем ночь темней, — сказал я наставительно, — тем ярче звезды трансгуманизма.

Она посмотрела на меня непонимающими глазами.

— Что-что? Ах, ты о своем сингуляризме... С такой жизнью ни до какого трансгуманизма не доживешь..

— Трансгуманизм уже наступил, — заверил я. — Местами и не везде, а теперь шагаем в сингулярность бодро и смело, хоть и боимся.

— Это как?

— Амбивалентно, — сообщил я. — Мы люди или просто люди?

— Да иди ты...

— Здесь замри, — велел я, Эсфири послушно плюхнулась на все еще горячий после жаркого дня песок холма. — Понаблюдаем отсюда... Один глаз зажмурь.

Она прошептала:

— Зачем?

— Ты так смешнее, — пояснил я.

— Скотина!.. Смешки ему!

— Для серьезного ученого, — ответил я, — вся эта беготня и стрельба в самом деле смешновата. Нам бы науку двигать, серьезные беседы вести при свете лампы с шелковым абажуром, а я в чем копаюсь?.. Но вообще-то один глаз в самом деле зажмурь.

Кутузов был одноглазым, Нельсон, Даян... Видимо, в одноглазости что-то есть, как думаешь? Или инстинктишь?

Она с недоверием и надеждой смотрела, как я вытащил из сумки планшет и вывел на экран спутниковый снимок здания, где быстро и точно начал отмечать стилусом точки на концах крыши.

– Это что? Там стрелки?

– Видеокамеры, – пояснил я, – высокого разрешения... Надеюсь, у Ястреба есть засекающие их приборы? Да, здесь мышь не пробежит незамеченной. Парадная дверь укреплена, однако есть еще две: для кухонных нужд и подсобное помещение с инвентарем.

– Через какое можно попасть в дом?

– Через любое, – ответил я.

– Не хами, – ответила она. – Я же не говорю о вообще, а как попасть не под конвоем.

– Тогда через парадную, – ответил я.

– А со стороны стен?

– Колючая проволока, – сказал я. – Что смотришь?.. Защита от скота. Здесь часто гонят стада. Умные да хитрые не прочь почесать рога об угол. Ты бы точно чесала...

– Ты что мелешь?

– Но ты же умная!

Она поморщилась.

– Иди ты со своими русскими комплиментами. Ребята ждут твоего сигнала, не забыл?

– Подожди здесь, – велел я. – Нет, лучше спустимся, оттуда ближе.

Она двинулась за мной послушная, как коза с базара. Особняк уже опасно близко, Эсфирь вертит

головой, стараясь увидеть затаившихся бойцов Ястремба, но вижу их пока только я.

— Жди, — велел я.

Для нее я исчез в темноте, даже очки ночного видения не помогают, но уже через три минуты она подпрыгнула от рева приближающегося военного грузовика Дропсайд.

Американцы создали настоящего монстра, почти бронетранспортер, хотя грузовик официально разрабатывался для перевозки сыпучих грузов в условиях песчаных бурь на Ближнем Востоке.

Я высунулся, помахал рукой. Эсфири вскочила, я распахнул для нее широкую массивную дверь.

— Ты... чего? — спросила она потрясенно.

— На всякого мудреца довольно простоты, — пояснил я, — как сказал великий классик А я не люблю хитрости. Будем по-мужски. Прямо и с опущенным забралом из-за угла. Стреляй всех, пока не доберемся до Хиггинса.

— А его будешь допрашивать?

— Недолго, — заверил я. — Но вряд ли он здесь.

— Знаю, — ответила она, — но так хотелось...

Глава 5

Мотор взревел, грузовик набрал скорость, с треском ударил в ворота. Во все стороны брызнули щепки, осколки камня. Я крутнул барабанку, заодно, слегка задев, снес и караульную будку.

Высунув руку из окна, я сделал несколько выстрелов, убирая успевшую выскоичить охрану. Воз-

ле здания, уже у самой двери, что на кухню, резко крутнул барабанку и нажал на тормоза.

Грузовик пошел юзом, Эсфирь выскочила, рывком распахнула дверь, но, отпихнув ее, первым побежал я.

Она вскрикнула возмущенно, я понесся вверх по лестнице, хотя обширная кухня внизу, а эта лестница для шеф-повара, что ходит докладывать хозяину об успехах и выслушивать его ценные советы, что и как приготовить.

Слышу по топоту копытец, как Эсфирь почти не отстает, но смотреть за нею никогда, нужно видеть, что на экранах наблюдения за домом, в нем уже начался переполох, но пока виджу только испуг, никто еще ничего не понял, нужно пользоваться...

Снаружи раздались частые выстрелы, это люди Якова Кельми убирают охрану, что неизбежно ринется в дом и ударит нам в спину.

На втором этаже я выстрелил еще дважды, второй оказался не охранником, а как раз поваром, да хрен с ним, сопутствующие потери, не надо было идти работать к мафиози.

Эсфирь догнала, слышу по стуку ее каблуков. Я сказал быстро, не поворачивая головы:

- Можешь зачистить этаж... Но если хочешь...
- Я пойду наверх!
- Только за мной, – отрезал я. – Хвостиком.

Она вскрикнула:

- С чего вдруг?
- Я самец, – сообщил я гордо.

И, не дожидаясь, когда скажет что-то дико ласковое, побежал на третий этаж. Там все еще сумато-

ха, но двое с автоматами в руках метнулись в нашу сторону.

Я подпустил ближе, пистолет в моей ладони дернулся дважды. Оба рухнули с престреленными головами, я толчком распахнул дверь. Эсфирь вскочила за мной следом и тут же направила ствол пистолета в их сторону, а я бросился к кабинету Хайдира.

Камера показывает, что он сам вытащил из ящика стола пистолет, хороший армейский пистолет системы «валтер», а высокий крепкий мужчина рядом с ним, то ли помощник, то ли адвокат, нагнулся и взял из тайного ящика под столом автомат.

Оба напряженно прислушиваются к шуму по эту сторону двери, Хайдир наконец что-то резко сказал по переговорнику.

Я торопливо посмотрел в их сети, что рядом с ним Гугенфельд, исполнительный директор по инвестиционным программам, женат, четверо детей, имеет доли в трех фирмах и контролирующий пакет в четвертой...

Эсфирь прошипела:

— Успеет вызвать подмогу!

— Как в воду смотрела, — сказал я пораженно. —

Он как раз это и делает... Не стой против двери!

Она отодвинулась, хотя и так профессионально-привычно никогда не оказывается в таком опасном месте, разве что в стремительной перебежке согнувшись в три погибели.

Я тщательно прицелился и сделал три выстрела через дверь, а потом рванул ручку на себе и ворвался с грозным криком:

— Бросай пистолет!.. Бросай, говорю!

Хайдир с искаженным болью лицом пытался перехватить пистолет в левую руку. Правая с двумя пулями в плече висит плетьью, но я выстрелил еще раз, и он с криком боли выронил оружие, а с пальцев часто-часто закапала кровь.

Эсфирь держит на прицеле исполнительного директора, но тот получил пулю в голову и распластался на полу, заливая его кровью.

— Следующая будет в голову, — прорычал я Хайдиру.

Он смотрел на меня с бессильной злостью.

— Кто вы такие?

Эсфирь наконец оставила исполнительного в покое, повернулась резко к Хайдиру.

— Где сейчас заряд?

Он спросил в наигранном изумлении:

— Какой заряд?

Я прицелился ему в пах, Хайдир сразу побелел и вскрикнул:

— Он не у меня!..

— У кого? — спросил я.

— У Остервальда!

— Кто он? — потребовала Эсфирь. Я промолчал, кто такой Остервальд могу сказать и я, а спрашивать нужно «где он», но в сотрудничестве разведок редко что идет гладко, так что пусть...

— Это директор и распорядитель фонда, — сказал он, пятерней все еще зажимает рану на плече, там еще одна, но первая, похоже, то ли задела кость, то ли порвала связки. — Он связан со всеми ключевыми фигурами в Эмиратах...

— Нас не это интересует, — резко сказала Эсфирь.

— Но я бизнесмен, — запротестовал он, — и больше ничего не знаю!

Я снова прицелился ему в пах, а чтобы он поверил, нажал на спуск. Выстрел грянул как-то особенно громко, Хайдир охнула и подпрыгнула, в ужасе посмотрела на сквозную дыру в развилке брюк.

Я сказал с неудовольствием:

— Не попал?.. А вроде бы целился.

Эсфирь сказала язвительно:

— У него там мелковаты...

— Сейчас возьму выше, — сказал я и снова прицелился.

Хайдир вскрикнула в ужасе:

— Нет-нет, только не это!..

— Лучше в лоб? — спросил я.

— Лучше, — ответил он твердо.

Эсфирь скривилась, я сказал с мужским пониманием, что ее взбесит еще больше:

— Тогда лучше говори. Иначе отстреляю, а в лоб потом, чтоб уж в раю остался без гурий, а как без них жить?

Эсфирь что-то прощедила сквозь стиснутые челюсти. Хайдир проговорил хриплым истерзанным голосом, чье состояние не понять женщине:

— Хорошо, я расскажу все...

Через несколько минут я знал и то, чего не доверяют ни Интернету, ни компьютеру, даже если он не подключен ко Всемирной сети.

За это время Яков и его люди, сжимая кольцо вокруг здания, зачистили и его полностью, не оставляя в живых ни слуг, ни работников на кухне. В этом случае даже правительство Объединен-

ных Эмиратов молча скажет, что все сделано правильно, утечка про ядерные заряды в их стране отпугнула бы миллионы туристов, что приносит треть национального дохода. Пусть уж лучше погибнет десяток-другой из низшего сословия, но чтоб все осталось в тайне и не портило репутацию страны.

Я сказал одному из помощников Якова:

– Валера, этот не сечет базу, выведи в коридор и пристрели.

Он молча вытащил Хайдира за дверь, тут же оттуда донесся выстрел. Яков посмотрел с укором, а я молча указал ему место тайника.

– Открывайте, – поторопила Эсфирь.

Двоюмельцев Якова попытались открыть, не получилось, он торопил, нервно поглядывая на циферблат часов, могут явиться как боевики, так и местная полиция.

Эсфирь повернулась ко мне.

– Ну?

– Чего? – спросил я.

– Признайся, хоть это не сумеешь!

– Все что пожелаешь, – заверил я, – но вот Яков больше обрадуется, если назову код.

Яков чуть не подпрыгнул, резко обернулся.

– Что? Вы знаете шифр?

– Конечно, – ответил я небрежно. – А вам в Мессаде его не сказали?.. Странно, Хайдир выполнял пару раз деликатные задания и для вас... правда, оказывал услуги другому отделу. Вроде бы Нативу, хотя могу и ошибиться, у вас чересчур раздутый штат и много разведок даже для такой исполнинской державы...

Его люди расступились, я быстро набрал на кодовом замке все двенадцать цифр. За толстой дверкой щелкнуло, чуть подалась вперед.

Яков жадно потянул на себя, открылась просторная камера защищенного сейфа с кучей папок с бумагами, а всю нижнюю полку занимает чемодан из блестящего металла.

Он торопливо вытащил, но открыть не смог, оглянулся на меня.

— Там совсем прострой шифр, — сказал я успокаивающее. — Всего восемь цифр. Правда, еще и семь букв...

Эсфирь сказала быстро:

— Поторопись, генетик!

Яков вскинул брови, услышав такое новое ругательство, даже дыхание задержал, когда я в быстром темпе, не делая ни одного лишнего движения, попытал пальцем, и крышка отщелкнулась.

Он приподнял, все увидели сверкающие полуспермы, цилиндры и крепежные захваты ядерного устройства.

Эсфирь первой нарушила благоговейное молчание:

— Вроде бы все... Последняя угроза для Израиля фактически исчезла.

— Да эту вряд ли рванули бы в Израиле, — ответил я мирно. — Хотя, конечно...

— Что?

Остальные смотрели то на части бомбы, то на меня, я пояснил:

— Хотя из-за потери тех двух эту могли бы... все-таки Израиль для фундаменталистов омерзительнее далеких Штатов.

Яков и его команда молчали, Эсфирь, похоже, в самом деле старше по званию даже Якова, а она поинтересовалась:

— Что теперь? Повезешь в Россию?.. Помощь нужна или у тебя свои каналы?

— Гм, — сказал я, — я чего-то расчувствовался так.. А если подарю тебе лично?

Все замерли, а она даже отшатнулась.

— Что-о?

— Неужели откажешься? — спросил я в изумлении. — Понимаю, это не цветы и шампанское, но представляю, сколько тебе наприносили цветов! А надаренное шампанское у тебя рядами на кухне в шести шкафах, а еще и в кладовке!..

Ее глаза стали совсем круглыми.

— А ты, — проговорила она тихо, словно не веря себе, — уполномочен делать такие щедрые подарки? Мало того что те отдал тоже так щедро, словно пару конфет...

— Ха, — ответил я лихо. — Еще бы!.. Я же знаю, Вселенная существует только для меня, такого умного и нарядного. В общем, дарю от своих щедрот. От себя и Вселенной. Но о таком подарке лучше помалкивать в интересах широкой общественности. Как о кольце с брюликом, что президент компании дарит секретарше тайком от жены.

Яков бросал на нее умоляющие взгляды, вдруг эта дура откажется, женщины все дуры, но Эсфирь сказала быстро:

— Принимаю. Даже не благодарю... любая благодарность как-то мало, мелко и смешно. Но ты не представляешь, в каком мы все долгут перед тобой!

Я промолчал, не говорить же, что этих ядерных

зарядов как бы не существует и возвращать их в Россию будет огромной морокой. При этой гребаной демократии обязательно станет известно, а это международный скандал, зато в Израиле, как в черной дыре, все исчезает бесследно. До сих пор неизвестно, какие у нее ракетно-ядерные силы, какие подлодки, крылатые ракеты и есть ли они вообще, так что и про эти заряды никто никогда не проронит ни слова.

Яков закрыл чемодан и ввел в замок свой код, закрывая локтем даже от команды, а Эсфири торопливо отдавала распоряжения по мобильнику на счет погрузок зерна в Эр-Рияд, это на случай перехвата связи, но, думаю, на другом конце прекрасно понимают, о чём речь.

Яков приблизился ко мне чуть ли не строевым шагом, отдал честь и сказал взволнованно:

– Не представляю, как вы все проделали вдвоем, но... мы у вас в вечном и неоплатном долгу!

Я отмахнулся:

– Да пустяки. Всего лишь атомная бомба.

Он сказал жарко:

– Эсфири и вот мой заместитель, Валерий, так не считают. Да и наше правительство, хотя ничего и не знает, но будет благодарно.

К нам подбежал один из дежуривших в коридоре, взмокший, потный, с прилипшими ко лбу светлыми волосами.

– Сообщили, вертолет готов!..

– Исправен? – спросил Яков.

– Почти! Если не слишком набирать высоту и не гнать...

Я вытащил смартфон и поводил по экрану пальцем.

– Повышенная активность пеленгующих служб... Или они у вас называются как-то иначе? Все радары обшаривают небо.

Эсфирь сказала тревожно:

– Нас ищут?

– Ищут, – подтвердил я. – Надеюсь, вы не планировали везти заряды в Израиль на этом вертолете?

Она ответила с заминкой:

– В условленном месте ждет человек с автомобилем.

Я сказал быстро:

– Надо уходить. Чемодан с зарядом грузите в багажник вон того авто, что у подъезда слева. А сами налегке попытайтесь удрать, заметая следы. Погоня уйдет за вами.

– А заряд? – спросила Эсфирь. – К тебе... или к нам?

– Я человек чести, – ответил я гордо, – хоть и гребаный демократ, но в душе рыцарь и феодал!

– Ой...

– К твоему человеку, – пояснил я. – Быстрее, народ, быстрее! Шнель, бекицер, швидше!

Двое по взмаху руки Якова остались заметать следы, а для этого пока не придумано ничего лучше простого пожара, остальные гуськом и привычно пригибаясь побежали к лестнице.

Глава 6

Эсфирь торопливо, пока я не опередил, села за руль, быстро проверила насчет бензина, про остальное доложил сам автомобиль, она торопливо

вырулила на дорогу и погнала, быстро наращивая скорость.

— Вон там сверни, — сказал я и указал пальцем, так лучше понимают даже интеллектуально развитые, а с женщинами это вообще обязательное условие. — Через пару километров увидишь параллельную.

Она запротестовала:

— Но туда нет дороги!

— Зато есть направление, — сказал я значительно. Она кривилась.

— Ах да, Черчиль сказал, что у вас вообще дорог нет, а только направления...

Машина будто сама перетрусила переть через пески, стонала и сопротивлялась, но кое-как перевалилась через придорожную канаву и тяжело пошла, виляя между барханами, в указанном направлении.

— А там на дороге засада? — спросила она тревожно.

— Нет, — ответил я.

— Тогда почему...

— Километров через десять, — сказал я, — блокпост. Обычно он пустовал, но сейчас почему-то там охраны как муравьев...

Она вздохнула.

— Не знаю... Не лучше ли было везти бомбу Якову и его команде?

— Не лучше, — ответил я.

— Но власти еще ничего не знают?

— Здесь власть принадлежит олигархам, — напомнил я. — Мало ли кто ею считается официально, но все рычаги в их руках... А, вон и дорога!

Она сказала с надеждой:

- Светает.
- Чем ночь темней, – сказал я, – тем ярче трансгуманизм, светлое будущее человечества.
- Человечества? – уточнила она с сомнением.
- Уже не человечества, – согласился я, – но пусть человечества. Нам, людям будущего, все равно, как называть эту весьма короткую переходную ступень от питекантропов к сингулярности.

Она замолчала, но я видел по ее напряженному лицу, что постоянно думает о нашем грузе, кое-как припрятанном в багажнике под кучей картонок из магазинов и ворохом цветных тряпок.

Не выдержав, вытащила мобильник, на этот раз осведомилась, как там насчет поставок зерна в Эр-Рияд, а я смотрел на дорогу, одновременно просматривая новости хай-тека, биологии, политики и даже экономики.

Между ними вклинилось сообщение, что глава наркокартеля Хосе Мартинес владеет через подставных лиц крупнейшей киностудией в Голливуде и спонсирует создание фильмов, в которых размывается грань между добром и злом, а все успешные люди являются правыми, будь это гангстер или наемный убийца.

Как раз подтверждение того, что я втолковывал Эсфири в отношении Хиггинса. Успешный человек всегда прав уже потому, что успешный. Это из той же оперы, что историю пишет победитель, всегда белый и благородный, вбивший в землю по ноздри противника, что настоящий мешок гнусностей...

– Улыбайся, – сказал я, – впереди, блин, откуда же они берутся...

- Что там?
- Блокпост, — ответил я.
- Хиггинс?
- Если бы... Увы, правительственные войска. Не-понятно, маневры у них или что...
- Успеем вернуться? — спросила она.
- Вряд ли, — ответил я тревожно. — Улыбайся и будь готова.
- Придется прорываться?
- Возможно, — сказал я. — Если твоя улыбка их не убьет на месте.

Блокпост сооружен из двух десятков мешков с песком, здесь его достаточно, в стороне палатка, высокий худой парень в военной форме вышел на дорогу и жестом велел остановиться.

Я кивнул Эсфири, она послушно прижала автомобиль к обочине, хотя на всей длинной дороге мы одни-одинехоньки, дорожному движению не мешаем.

Парень подошел, автомат в руках на изготовку, посмотрел на Эсфири, потом на меня.

- Кто такие? Что везете?

Эсфири очаровательно улыбнулась, но промолчала, мы не в Европе, женщины говорят, когда спрашивают именно их, а я спросил обеспокоенно:

- Что-то стряслось?

Парень буркнул:

— Кого-то ищут... или что-то. Но официально простая проверка. Нас попросили помочь местным властям. Выйдите из машины...

— Хорошо-хорошо, — сказал я поспешно. — Я так не люблю неприятности...

Он опустил нацеленный в меня ствол автомата,

когда я вышел и даже без всякой команды отступил от автомобиля. Эсфирь осталась на сиденье, женщина, чего от нее требовать, все они дуры набитые, да и я выгляжу перепуганным интеллигентиком.

Он кивнул мне:

– Откройте багажник

Я вздохнул, обошел автомобиль и медленно поднял крышку. Он только наклонился поворошить цветные коробки со шляпками и прочими покупками, как сбоку в его висок уперся ствол пистолета Эсфири.

– У нас стандартный набор сувениров, – сказал я, – запомнил?

Он нервно слюну, а я уже собрал о нем всю информацию по Сети и его переговорам по мобильной связи, добавил негромко:

– Всего лишь сувениры... А вот подтверждение...

Он скосил глаза на полдюжины стодолларовых бумажек в моей руке. Эсфирь шепнула:

– Если ты умный, то сделаешь верный выбор.

– Он умный, – ответил я. – Учится у Лондоне, а здесь на каникулах у родителей.

Она промолчала, а парень взял деньги и, сунув их в карман, повернулся в сторону палатки.

– Туристы! В багажнике сувениры!

Оттуда донесся недовольный рык усталого крупного зверя, я почти наяву увидел за стенкой из тонкого шелка, словно там эмир, а не старший солдат, разлегшегося с флягой запрещенного здесь вина немолодого вояку, которому уже осточертела эта воинская служба:

— Пропусти.

Мы с Эсфирию вернулись в автомобиль, а когда отъехали, она спросила нервно:

— Не расскажет?

— Чтобы потерять лицо? — спросил я. — Он будет стоять на том, что видел только всякую сувенирную хрень.

Она помолчала, глаза чуть погрустнели.

— Пронесло...

— А чего грустная?

— Он поступил правильно, — сказала она, — иначе бы погиб первым. Но почему-то остальные сумасшедшие, что идут на смерть, невзирая...

Она запнулась, я подсказал:

— Их уважаешь больше?

— Вроде того.

Я кивнул, сам ощутил, что говорю с сочувствием:

— К сожалению, доблесть останется в прошлом.

А такие вот выживут и войдут в сингулярность.

— А пустите?

— Будем отбирать по уму, — пояснил я, — а не по честности.

— А честность?

— Честными и так все будут, — ответил я. — Поневоле. Сколько еще до твоих?

— Минут двадцать. Если ничего не случится.

Ее тревога каким-то образом передалась мне, вот уж не думал, что я вообще хоть в какой-то мере впечатлительный.

— Будем бдеть, — пробормотал я. — Во все глаза... и прочие органы чувств. У тебя их больше, так что бди тоже.

Она огрызнулась:

— А я что делаю? Уже вся как на иголках. Как ты сумел уговорить меня везти бомбу в багажнике?

— Да как-то само получилось, — признался я. — Наверное, я просто умный, как думаешь?.. И все, что ни предложу, прямо в яблочко. Вот сейчас думаю, что бы тебе такое предложить...

— И не доживешь до вечера, — сообщила она. — Ох, скорее бы избавиться от такого груза...

— Тогда не гони, — сказал я. — А то взорвется на ухабах.

Она дернулась.

— Правда?

— Женщина, — сказал я с сожалением. — Ядерная бомба, даже сброшенная с самолета, не взорвется, если не введен код! А у нас она даже не собрана.

— Свинья, — сказала она сердито. — Видишь, как я тебе верю?

— Зачем? — спросил я. — Мы же вас всегда дурим... в порядке самозащиты.

Она спросила вдруг:

— Что у вас насчет автоматизации производства?

— Осторожничаем, — ответил я. — Пока по-старому: для населения приходится создавать новые рабочие места, часто вообще липовые, но лишь бы работали, а не бунтовали. Правда, иногда случаются и удачные находки, как, к примеру, когда придумали и запустили производство БАДов. Предприятие оказалось масштабным настолько, что занять удалось десятки миллионов человек! А поверили в эту чушь вообще миллиарды и начали покупать, покупать и покупать, что от них и требовалось.

Она спросила недовольно:

– Разве БАДы не приносят пользу?

– Тогда, – ответил я, – когда человек верит, что помогают. Тогда в самом деле начинает чувствовать себя лучше.

– Самовнушение?

– И оно тоже, – согласился я. – Когда человечки верят, что их здоровье улучшается, а впереди долголетие и даже вечная молодость, тут уж не до бунтов, мятежей и революций. Что и требуется на данном сложном этапе. Так что пока обходимся вот такой полуправдой. Чтобы успокоить чернь, наработано много способов... Как там ребята на вертолете? Что слышно?

Она покачала головой, лицо помрачнело.

– Режим радиомолчания. Они и так в опасности, уводят погоню.

– У них на хвосте только люди Хайдара и Хиггинса, – сказал я утешающе. – Правительственных войск нет, иначе совсем бы хреново...

Она замолчала, начала всматриваться в дорогу, но я раньше ее обратил внимание на три крупных камня, сложенные пирамидкой. В сотне метров впереди навстречу движется автомобиль, небесно-голубой «Порше» с открытым верхом, но, увидев нас, там сразу свернули к обочине и остановились.

Эсфирь прижала наш авто бок к боку, из «Порше» выскочили двое, открыли багажники и мигом переложили из нашего в свой, после чего Эсфирь поспешило погнала дальше, словно удирая от погони, даже не оглянулась, дескать, эти ребята знают свою часть задачи.

– Быстро, – заметил я. – И слаженно. Даже не поздоровались! Вы что, в день по десять зарядов вот

так перевозите?.. Так у вас весь ядерный арсенал Израиля краденый?

Она вздохнула, лицо расслабилось.

— Гора с плеч...

— Да, — согласился я. — Ты теперь к себе?

— А ты?

— Нужно проститься с Хиггинсом, — сообщил я. — И мои дела в Эмиратах закончены.

Она посмотрела на меня искоса.

— У тебя такое задание?

— Я сам себе даю задания, — ответил я с присущей мне скромностью. — Вот такая я цаца.

— Я с тобой, — сказала она просто.

— А тебе можно?

— Если тебе можно, то и меня не расстреляют за помочь тебе. Еще и упрекнут, что мало помогла.

— Постараюсь запрячь тебя по полной, — пообещал я. — Чтоб еще и орден дали в военно-полевом.

Она, изредка поглядывая по сторонам, сказала вдруг:

— Все-таки как-то нелогично. И не состыкуется. Хиггинс не дурак, он же понимает, против нас у него практически нет шансов. И все-таки... почему?

Я ответил невесело:

— Хиггинс жил здесь слишком долго. Понимаешь? Как и вы, евреи, что живут в России, частенько становятся больше русскими, чем сами русские. А он незаметно даже для себя пропитался духом исламизма. Нет, ты не то подумала, вижу, я лишь о духе свободолюбия и непокорности давлению. В Европе это заметнее всего было в Средневекование, а потом власть постепенно отбирала личные

свободы, а взамен все громче и громче говорила о демократии и свободах личности.

Она буркнула:

– Знаю, здесь еще средневековье. Нравы очень уж... При скоростном Интернете, какого нет даже в Европе, при дорогих авто у каждого араба...

– Как ни назови, – ответил я, – но Хиггинс не заметно для бизнесмена, для которого главное прибыль, обрел чувство достоинства.

Она в сомнении покачала головой:

– Так ли...

– Нормальный бизнесмен, – сказал я, – всего за тысячу долларов поцелует любого в жопу, а вот Хиггинс и за миллиард не станет. Более того, оскорбится и постарается смыть кровью врага такое оскорбительное предложение.

– Что совсем не в духе делового человека, – сказала она задумчиво. – Ax-ах, честь у него.

Я бросил на нее острый взгляд.

– Что, жаль, когда достойные люди оказываются на той стороне? А практичные, что и за сто долларов поцелуют в жопу, в одном строю с нами?

– А тебе не жаль? – отрезала она.

– Не знаю, – ответил я откровенно. – Умом я с демократами, это вообще-то дрянной народ, но не воюет и развивает технологии, что спасут человечество, а вот сердцем я с людьми достоинства, что затевали дуэли по любому дурацкому поводу.

Она посмотрела с сочувствием.

– А тебе вообще-то нелегко... Хотя вроде бы всем нелегко, но это здесь, на поверхности. А там, глубже, тоже?

– Еще как, – ответил я искренне. – Еще как.

— Значит, он подлежит?
— Ликвидации? — уточнил я. — Да. Именно потому, что в какой-то мере человек чести. С мерзавцем дело иметь проще.

Она вздохнула.

— Ну у тебя и проблемы. Мне проще, просто выполняю приказы. Моя свобода от и до, решения принимают другие, вот у них голова пусть и болит за судьбы мира.

Глава 7

Я разом отключил видеонаблюдение за периметром вокруг загородного дворца Хиггинса, Эсфирь выскочила из автомобиля и побежала за мной, сжимая в руках автоматическую винтовку.

В сотне метров от ворот стоянка легковых автомобилей, все до единого роскошные, даже не отличишь, которые из них принадлежат самому Хиггинсу, а какие — его прислуге и охране.

Главное же, жрут бензин так, что за ушами трещит, Эсфирь насторожилась, когда я выдернул чеку из гранаты, быстро огляделась.

— Кого-то видишь?

— Бегом к парадной двери, — велел я.

Автоматические ворота распахнулись, почему она даже не удивилась, знает мои трюки, ринулась со всех ног, а я бросил не по навесной, а то вдруг кто из охраны сумеет выстрелить и попасть на лету, а с силой пустил накатом между колес.

Граната миновала три автомобиля и рванула точно там, судя по грохоту и жаркой волне оранжевого пламени, где я и рассчитывал.

Бензобаки один за другим начали взрываться, от стоянки отрезало уже не облако, а огненная стена, что и требовалось, Эсфирь на ходу выстрелила в выскочивших из караульной будочки сонных охранников, я догнал ее у самого крыльца, но навстречу выбежал мужчина с автоматом в руках, закричал страшным голосом:

— Не двигаться!

И сразу же автомат с его руках затрясло от длинной очереди. Если бы я на полсекунды раньше не пригнулся, верхнюю часть черепа снесло бы с такой дистанции. Проскользнув рядом, я оказался, как суслик из норки, за его спиной, вырубил локтем в затылок и, выхватив из рук автомат, метнулся во все еще открытую дверь.

За спиной часто-часто стучат каблучки Эсфирь, как только они ухитряются бегать в такой обуви, я оглянулся, а она прошипела люто:

— Вперед смотри, а не на мои сиськи!

Когда я промчался через холл и уже поворачивал за дверной откос, слева прозвучали первые выстрелы. Две пули ударили совсем близко, то ли случайность, то ли в самом деле среди обычных существ затесался и прекрасный стрелок.

Хотя, мелькнула мысль, любой стрелок такое же существо, разве что опасное, потому их убивать нужно в первую очередь.

Благодаря камерам в доме хорошо видно, кто куда бежит, в одном месте пришлось отступить за выступ стены, и двое пронеслись, как жеребцы, мимо, в другом месте юркнул в пустую комнату, но не

проходная, увы, пришлось выйти в коридор и бежать в сторону выхода.

Эсфирь безропотно повторяет каждый жест, даже ступать старается точно в мой след, словно продвигаемся по заминированному полю.

На этот раз, словно кто-то руководит ими умный, выскоцили со всех сторон, в руках автоматы, холод пробежал по коже, при веере пуль все равно какая-то достанет, что как-то нехорошо, достаточно одной, если в голову...

— Эй, — крикнул я, — свои!.. Там кто-то вломился...

— Стоять! — рявкнул один. — А ты не этот кто-то?

Спрашивает, значит, не уверен, мозг уже просчитал все варианты, сердце начало нагнетать кровь. Я ощутил, как вхожу в режим турбо, но ствол автомата неотрывно смотрит в мою сторону, палец на спусковой скобе, еще секунда и...

Я задержал дыхание, Эсфирь уже присела, почти как геккон прилипла к полу, а я метнулся в сторону, стреляя как можно чаще... Автоматная очередь прогремела коротко и зло, пули застучали, как град, по стенам узкого коридора, но тут же оборвалась.

— Уходим! — крикнул я.

Эсфирь с перекошенным лицом и стиснутыми челюстями так, что желваки резко и страшно простили под тонкой кожей, стреляла, не жалея патронов, и не слышала, и лишь когда последний из охранников рухнул на пол, оглянулась.

— Что?

— За мной, — велел я.

Она бросилась за мной по лестнице, за спиной снова крики, как и на этаже снизу, а это значит, от

выхода мы отрезаны, решение верное, наверняка не раз отрабатывали на учениях.

На втором этаже мы проскочили по коридору, когда за спиной резко распахнулась дверь.

Пистолет как будто сам прыгнул мне в ладонь, за спиной прогрохотали приближающиеся шаги. Я едва успел круто развернуться, из-за поворота выскочили двое с автоматами.

Я торопливо выстрелил дважды и, не оглядываясь, понесся по лестнице наверх.

Эсфирь продолжает прикрывать нас сзади, часто слышу короткий треск ее автомата. Похоже, всякий раз бьет точно в цель, все-таки серебряная медаль по стрельбе, пусть даже и уступила бурятке, но та бурятка сейчас рожает в Улан-Удэ, приходится довольствоваться той, что заняла второе место... Но не скажу, что сильно жалею.

Камеры, установленные в коридоре, дали крупную картинку двух крепких ребят, явно очень хорошие и быстрые, из охраны уже не особняка, а лично Хиггинса.

Рассредоточились, пистолеты в руках и уже направлены на угол, из-за которого мы должны появиться, у нас нет шансов, даже турборежим может не спасти...

Я остановился так резко, что Эсфирь с разбега почти боднула меня головой в спину, как резвый козленок.

– Там что?

– Тихо, – сказал я. – Крутая охрана Хиггинса, ребята прошли все местные войны...

– Выдвинемся вдвоем?

— Они только того и ждут, — ответил я. — Погоди, дай проведу некоторые расчеты...

Мозг вообще-то расчеты эти провел, и так с огромным удовольствием просчитывает каждый мой шаг и каждое движение, математические уравнения решает, гад, удовольствие получает, эстет сраный.

Эсфирь вздрогнула, когда я быстро высунул за угол кисть с пистолетом, дважды нажал на курок и тут же втянул обратно, а в ответ грянули два выстрела.

Одна из пуль чиркнула по самому краю, оставив после себя крохотное облачко каменной крошки.

— Зачем? — прошептала Эсфирь. — Проверяешь их реакцию?

— Свои расчеты, — пояснил я. — Я же математик, не знала?.. Сейчас все науки пронизаны математикой. Кто не умеет рассчитывать сложные кривые и амплитуды, тому не стать нейрофизиологом...

Она замолчала, озадаченная, а я выждал несколько секунд, наблюдая на экранах за двумя распростертыми телами. Головы обоих лежат в быстро расплывающихся лужах крови, так что не прикидываются дохлыми, точно не прикидываются...

— Пойдем, — велел я и вышел в коридор, но пистолет не опустил. — Математика — царица наук! И только в нейрофизиологии — служанка.

Она смолчала, а я ударом ноги распахнул дверь. Кабинет просторный и роскошный, за массивным столом Хиггинс уже стоит, руки поднял над головой, понимает, в перестрелке у него шансов нет, если мы сумели убрать профессионалов охраны, не получив даже царапины.

– Мистер Хиггинс, – сказал я.

– Мистер Икс, – ответил он почтительно.

– Жаль, – сказал я и ощутил, что в самом деле искренне жаль, – что вы, мистер Хиггинс, все-таки предпочли стоять до конца. Хотя, конечно, чисто по-мужски понимаю и сочувствую... Кстати, руки можете опустить.

– Спасибо, – ответил он и примирительно улыбнулся. – Но... может быть, дадите еще шанс?

– А нужно?

– Я потрясен вашей мощью, – сказал он, и я видел, что говорит искренне. – Обещаю беспрекословное послушание. На этот раз точно.

– Лимит исчерпан, – ответил я кратко.

Эсфирь вздрогнула, но не от выстрела, а от скорости, с какой я вскинул пистолет и нажал на скобу, почти не закончив движения.

Голова Хиггина дернулась, тело отбросило к стене с такой силой, будто конь ударил копытом. Во лбу строго на вершине треугольника над глазами возникла темная дыра, сразу заткнутая изнутри запекшейся кровью.

– Ганфайтер, – сказала Эсфирь, в голосе прозвучал восторг наполовину с осуждением. – Долго тренировался?

Тело Хиггина ружнуло под стол, я повернулся к выходу, ответил с той скромностью, что паче гордыни:

– Но докторскую все-таки получил. Я многосторонняя личность. Все по Достоевскому.

– Кто такой Достоевский?

– Эх, – сказал я с укором. – Своих евреев знать надо... Хотя он, правда, не совсем ваш.

- Ну тогда и не надо, – отрезала она. – Уходим!
- Убегаем, – уточнил я. – Хотя до взрыва еще целых три секунды, уйма времени...
- Сволочь! – заорала она и метнулась к выходу.

Глава 8

Обратно она вела автомобиль на большой скорости, часто меняя направление, шоссе на всякий случай избегала. Эсфирь постоянно дергалась, не понимая наши маневры, но я, поглядывая на карту местности с высоты спутника, то и дело говорил ласково: «Сейчас налево... та-а-ак, притормози, за теми холмами сейчас целая вереница полицейских авто... ага, пронеслись, теперь давай на ту же дорогу...»

- А если остановят?
- Не остановят, – заверил я. – И некому, и видят же, что нас еще раньше наверняка проверили те, что пронеслись впереди...
- Когда ты успел заложить взрывчатку?
- Я не закладывал.
- А что там рвануло? И пожар?
- Надо уметь пользоваться подручными средствами, – сказал я наставительно. – Я ученый, нам часто приходится так исхитряться в создании новых методов исследования и воздействия на природу!.. Думаю, Эйнштейн на моем месте еще лучше бы взорвал, поджег, а то и землетрясение устроил. Может быть, даже вулкан, с его-то гениальностью... Нет, вулкан – это больше в характере Ньютона, а Эйнштейн лучше бы взрывал все, как думаешь?.. Пожары больше к Фрейду...

Она на всякий случай нахмурилась, говорю вроде бы серьезно, но слова какие-то непривычные. Хотя, с другой стороны, ученые вообще непривычные люди на планете, а привычные вокруг совсем другие, от них вообще тошнит, но зато от таких ни взрывов, ни поджогов...

Когда въехали в город, я сказал с грустью:

— Налево. А дальше в аэропорт.

Она бросила на меня быстрый взгляд.

— Уже улетаешь? Билет заказан?

— Да, — ответил я. — Через час объявят посадку.

— Наглый ты, — сказала она. — Откуда знал, что все получится?

— Женская интуиция, — пояснил я. — Твоя. Смотрел на тебя, такую красивую, и понимал, что все у меня будет лучше некуда. Такое свойство у красивых женщин, с вами все получается. В связке с вами! Вы то ли вдохновляете, то ли воодушевляете, но как-то усиливаете нас... Во всем.

Она посмотрела с подозрением.

— И в злодействе?

— Во всем, — повторил я. — Такая у вас особенность. В горе и радости, в богатстве и здоровье, в подвигах и в трусости... Осторожнее, ты чуть не сшибла того бедолагу!

— А пусть не прет на красный свет, — сказала она. — Осточертели эти пруны!.. Привыкли переходить дорогу перед ишаками...

Машину оставили на стоянке, а когда вошли в здание аэропорта, она пихнула меня в бок.

— Иди оформляй билет, а я на пару минут отлучусь в дамскую комнату.

Я кивнул, с минуту следил за нею взглядом, на-

правилась в самом деле в сторону секции туалетов, скрылась из поля зрения, но не от видеонаблюдения, я понаблюдал, улыбнулся. Молодец, все мы первым делом, первым делом самолеты...

В мозгу высветилась фотография ничем не приметного мужчины, видел в Пентагоне на совещании, а теперь это он остановился в трех шагах и, облокотившись на перила, смотрит на огромный зал ожидания, явно кого-то высматривая.

На миг возник соблазн подойти к нему сзади и спросить громко: «Меня ищете?» или еще хлеще, «Меня ищете, мистер Рено Вандербург, старший агент восьмого департамента ЦРУ?» – но, конечно, хоть это и эффектно, но вызовет лишние вопросы, проверки и перепроверки, такое мальчишество не к лицу доктору наук, потому я дождался, когда он заметит меня и сам подойдет, остановится рядом, снова облокотится на перила, а когда я сделал нарочитое движение, как бы собираясь уходить, он сказал негромко:

- Мистер Лавроноф, у нас есть общие друзья.
- Я сделал вид, что заинтересовался:
- Простите?
- Дуайт Харднетт, – сказал он, – Грант Чарльстон, Крис Дейли...
- А-а, – сказал я, – ребята из ЦРУ.. Вы тоже оттуда?

Он ответил уклончиво:

- Я несколько из другого отдела. Мы заняты больше дальним планированием и оценкой рисков. Потому вы со своей инициативой нас очень заинтересовали, когда прибыли в ЦРУ.

- Не в ЦРУ, – уточнил я, – а в Пентагон. ЦРУ

участвовало самым краешком. Чтобы вроде тоже иметь право на кусок торта.

— Я был в том краешке, — сообщил он быстро. — Даже видел вас на одном из совещаний. Пусть очень издали, но все же.

Я посмотрел на него подчеркнуто равнодушно.

— Да, мистер Вандербург, я вас видел тоже. И что? Он сказал так же быстро:

— Даже знаете мое имя?.. Это вообще запредельно... Мы надеемся, что вы продолжите с нами сотрудничать. За что Соединенные Штаты всегда хорошо платят...

Я поморщился.

— Заткнитесь.

Он воскликнул, шокированный:

— Помилуйте, я не о презренных деньгах!.. Вы же русский, я знаю, как к деньгам относитесь в вашей... целеустремленной стране.

— Ближе к сути, — прервал я.

Он сказал еще быстрее:

— Я имею в виду, те услуги, которые трудно, а то и невозможно получить у вас. Скажем, новейшее научное оборудование! Мощная аппаратура, что запрещена для экспорта в другие страны, а не только из-за санкций. Гранды из неправительственных фондов на ваши научные исследования...

Я выслушал, кивнул.

— Пока что нам хватает, но за предложение спасибо. Сейчас скажу, что я помогал мировому порядку, а не гребаным Штатам. А вообще-то у меня, как у любого нормального человека на планете, отношение к вашей стране четкое и самое искреннее: чтоб она провалилась к черту!

Он отшатнулся, шокированный.

– Ой, ну разве так можно...

– Еще как, – отрезал я.

– Тогда... почему?

Я переспросил:

– Почему помог?.. Это не Штатам, я помогал удержать мировой порядок. А для этого нельзя позволять кому-то стрелять в мирового жандарма, которого хоть и не любим, все не любим, это от сердца, но умом понимаем необходимость жандарма на планете. Ладно, чего вы здесь?

Он развел руками, на лице огорчение, что я так и не подпустил ближе. Недоверие и даже вражда между нами остаются, как и между странами, я дал понять это яснее ясного, потому, повздыхав, он сказал примирительно и уже по-деловому:

– Мы тоже получили информацию, что Украина продала заряды, но только сейчас узнали, куда их направили. А у нас тут полсотни военных баз!

– То-то у вас активность, – сказал я саркастически. – Земля горит под копытами!

Он сказал несколько виновато:

– Все ведомства перебросили в этот регион свои отряды спецназа, даже разведка флота...

– Все опоздали, – сообщил я. – Так что развлекайтесь пока на здешних пляжах. Заплатят все равно как за опаснейшую операцию? В тройном размере? Плюс всякие бонусы за опасность, за жаркий климат, смену часового пояса?

Он хмуро улыбнулся.

– Как вам все удалось? Ваших здесь много?

– Сработал, – ответил я скромно, – в основном, Mossad. Он же и увез заряды.

– В Израиль?

Я хотел ответить утвердительно, все как бы само собой разумеется, если Моссад, то в Израиль, потом подумал, что если вдруг разведка Израиля вздумает эти заряды как-то использовать не совсем в мирных целях, то зачем тащить в Израиль, а потом обратно?

– Мне сказали так, – ответил я уклончиво. – А вы уж сами разбирайтесь со своим союзником.

Он вздохнул.

– Да, Израиль весьма своеобразная страна. Она и вам союзник ровно в такой же мере. Как у вас в России говорят о ласковом теленке?..

– С завистью, – ответил я.

– Как вам та местная банда, у которой отобрали заряд?

Я с насмешкой посмотрел ему в глаза.

– Хотите узнать оценку со стороны своим бандформированиям?.. Они действовали слишком профессионально. Думаете, я так и поверил, что сами по себе такие обученные?

Он пожал плечами.

– Мы лишь присматриваем за... подобным. Наблюдаем. Очень редко снабжаем оружием и немножко обучаем. Правда, иногда они выходят изпод контроля.

– Как в этот раз?

Он кивнул.

– Слишком уж богатая добыча попалась.

– А с нею на фига им какие-то Штаты?

Он вздохнул.

– Верно. Таких надо держать на коротком по-

водке. На очень коротком. Но в этих случаях наши уши будут торчать слишком уж заметно.

— Попадались?

— У нас очень дотошная пресса, — ответил он уклончиво. — Что угодно раскопают. А в демократических странах ее голос слышно громко. Но вообще-то мы ограничиваемся только военными советниками.

— Официально, — уточнил я.

Он кивнул.

— Да, это законно. Даже сенат не подкопается.

— Что такое советники, — сказал я, — знаю, знаю. Сколько наши советники сбили ваших самолетов во Вьетнаме? Две тысячи штук?.. А всего лишь, как вы говорите, наблюдали. И, это, советовали.

Он отшатнулся, демонстративно шокированный.

— Как вы можете такое предположить?.. У нас никакого участия! Даже не сотрудничаем!

— А как же тогда используете? — спросил я.

Он запнулся на миг.

— Есть методы косвенного воздействия... Мы не можем истребить все террористические группы на Ближнем Востоке, но можем одних принудить делать важное для нас, других... уж простите, натравить на таких же мерзавцев...

— Ладно, — сказал я почти равнодушно, — я не сегодня родился. Приходится лавировать, вступать во временные союзы и все такое... Чистая политика вполне может проводиться грязноватыми, а то и вовсе грязными методами. Как ни критикуй с либеральных позиций, но цель в самом деле оправдывает средства.

Он взглянул на меня с интересом.

– Мне нравится ваш pragматичный подход.

– Спасибо, – ответил я вежливо.

– Мы могли бы сотрудничать более плотно, – сказал он. – Если вы сами говорите, Штаты – локомотив прогресса, то...

Я покачал головой.

– Можете не договаривать. Уже сказал: я понимаю интересы Штатов и всячески их поддерживаю. Но только в той части, где Штаты работают на поддержание порядка на планете.

– Однако?.. – спросил он. – Я слышу в вашем голосе «однако».

– Однако, – ответил я, – я не стану предавать интересы России.

Он отшатнулся, шокированный.

– Помилуйте! Кто сказал «предавать»? Разве Россия не идет вместе со Штатами к научно-техническому прогрессу?

– Идет, – согласился я. – Вот пусть вместе идут, а то Штаты возомнили себя пупом земли и хотят весь мир сделать своими рабами. Что, не нравится? А может, нам не нравится быть даже сытыми рабами? Потому мы не позволим ущемлять интересы России достаточно сильно... этого, кстати, не хочу и я.

– Ну зачем же ущемлять...

Я покачал головой.

– Знаете ли, коммунизм – прекраснейшая идея, но исполнители оказались косорукими. Так и Великая Американская Мечта – идея светлая и чистая, но воплощение ее в жизнь, скажем мягко, хромает очень сильно.

- Но вы за ее воплощение?
- Да, – подтвердил я. – Только вот к исполнителям отношусь с осторожностью.
- Насколько?
- Помогать буду, – ответил я, – как уже, кстати, помогаю, если вы заметили. Но приказы и указания, как поступать, конечно же, не приемлю. Ни за какие гранты или аппаратуру. И даже за красивых баб.

Он подумал, кивнул.

- Спасибо за ответ. Признаться, примерно такого и ждал, хотя и надеялся на более благоприятный. Все мы на что-то надеемся, верно? Однако наши аналитики, нарисовав ваш психологический портрет, заверили меня в вашей старомодной порядочности и добросовестности.

– Ну, спасибо...

- Не за что, – ответил он небрежно. – С другой стороны, нам проще и надежнее сотрудничать с человеком, твердым в своих убеждениях.

- Не отступаете? – спросил я с интересом. – Но я уже сотрудничаю с МИСом.

- То разведка Пентагона, – напомнил он. – А ЦРУ более, так сказать, широкого профиля.

- Я не разведчик, – напомнил я. – И не собираюсь им становиться. МИС хорош своими отрядами спецназначения. Ну а так, вообще, мы в одной команде и с вами. Под общим руководством прогресса и наступающей эры сингулярности.

Он улыбнулся.

- Как же вы ревниво следите, чтобы даже краешком не оказаться под руководством Штатов.

- Следим, – огрызнулся я. – Нас не понять людям, которым не приходилось из века в век защи-

щаться на своих землях! У вас не было ни монгольских нашествий, ни шведов, ни французов, ни германских войск!.. У вас нет этого рефлекса. А у нас он в крови. И хотя понимаем, что мир глобализуется, и скоро вообще забудем о национальностях, но это умом понимаем, а не сердцем!

Его глаза стали серьезными, пробормотал, не сводя с меня взгляда:

— Да, вам труднее с таким вековым опытом. Тем более что люди больше живут, поэтически говоря, сердцем, чем умом.

— Да, — согласился я, — но мы же знаем, что имеется в виду, когда говорят, что живут сердцем. Мир стал таким противно вежливым...

— Это эвфемизмы, — сказал он с усмешкой.

— Вот-вот, — подтвердил я. — Сперва брехня называлась брехней, потом вежливо просто ложью, а теперь вообще... скоро назовут комплиментом.

Он широко улыбнулся.

— Это время уже наступило. Мистер Лавроноф, мы очень надеемся на сотрудничество и в будущем. То, что вы совершили здесь, станет темой жарких обсуждений на самом верху в ЦРУ. Кто-то, возможно, лишится звезд на погонах, кто-то отделается выговором... Несомненно, мы просмотрели и прибытие атомных зарядов, и продажу. Будем работать лучше!

Я усмотрел пробирающуюся в толпе Эсфири и, заканчивая разговор, протянул руку:

— Тоже рассчитываю на сотрудничество. Мистер Вандербург...

Он ответил крепким рукопожатием.

— Мистер Лавроноф!

Эсфирь подбежала, чуточку запыхавшись, обняла и шепнула на ухо:

- Все в порядке!.. Команда пересекла границу.
- В полном составе?

Она вздохнула:

– Один погиб, двое ранены, но все-таки Игорь всех вывел на ту сторону. Заряды уже передал... группе встречающих. Спасибо, ты теперь у нас в национальных героях!

- Обрезать не дам, – заявил я твердо.
- Жаль, – сказала она, – а то смотри, я могу лично...

– А тот заряд, – поинтересовался я, – что ты передала группе Якова Кельми, который Ястреб?

– От тех пока ничего, – ответила она. – Им труднее, все дороги перекрыты. Возможно, им придется несколько дней, а то и неделю пережидать... Не волнуйся, у них хорошее укрытие.

– Да я не волнуюсь, – сказал я. – Вы, евреи, устраиваться умеете.

Она не среагировала на троллинг, чмокнула в щеку.

– Спасибо.

Глава 9

Вандербург, как показывают видеокамеры, отошел подальше и, повернувшись, словно невзначай сделал серию моментальных снимков смартфоном, где, я уверен, фотоаппарат и вся прочая начинка далеки от стандартного варианта. Так что, если на Эсфирь у них еще нет досье, теперь появится с таким пикантным снимком на первой странице.

— Эсфири, — сказал я очень серьезно, — может быть... это и есть твое место? Стоять на страже?.. Мы, люди, вписаны в общую картину мироздания. Возможно, предотвратив захват боеголовок, ты тем самым остановила цунами в Тихом океане?.. Или сильнейшую засуху, что в следующем году поразила бы всю Африку?.. Мы только-только начинаем догадываться о своей настоящей роли во вселенной... Ищем старших братьев по разуму, страшась поверить, что мы и есть самые старшие и самые-самые, которым суждено рулить Вселенной... если не погубим себя еще в зародыше.

Она обняла меня и крепко-крепко поцеловала.

— Заткнись.

— Заткнулся, — ответил я покорно.

— Я уже на страже, — сообщила она. — Там, где ты поставил. Что-то подсказывает, увидимся не только в скайпе.

— Женская интуиция, — пробормотал я, — страшная штука. Вкупе с мужским разумом спасла и продолжает спасать мир!

Она легонько оттолкнула меня.

— Беги. Посадка заканчивается, сейчас уберут трап.

В Шереметьево меня встретил улыбающийся Бондаренко, рядом Ингрид, эта вообще сияет, обнялись все втроем, словно я забил победный гол в каком-то допотопном футболе, похлопали по спине и плечам.

Бондаренко сказал с завистью:

— А какой загар!.. Наверняка с утра до вечера на берегу моря?.. В окружении красоток?

Ингрид проговорила с интересом:

— Что загар, у него и мышцы стали объемнее. А сколько он там пробыл? Наверное, из тренажерки не вылезал!

— Да ладно, — ответил я, — такие же, как и были. Какое море, я даже не успел увидеть, какое там небо и есть ли оно вообще или это реклама, чтобы дурить нам головы!

Они провели, взяв в коробочку, к ожидавшему лимузину. Бондаренко сел впереди, а Ингрид умостилась рядом на заднем сиденье, прижавшись горячим бедром.

— Рассказывай, — потребовала она.

— А что рассказывать? — удивился я. — Конференция как конференция. А потом симпозиум, что в переводе с греческого «попойка». Не слишком уж, но заметная. В здешнем времени люди стараются напиться, жопой чувствуют, что в сингулярности алкоголя не будет.

Бондаренко хмыкнул, Ингрид замолчала с самым недовольным видом, но я предпочел не распространяться при шофере, пусть он даже самый доверенный в ГРУ, но сегодня доверенный, а завтра совершенно искренне возжелает стать открытым всему миру и в первую очередь госдепу, что не спит...

Прибыли сразу в кабинет Мещерского, он велел подать всем кофе и булочки, разговор предстоит долгий, сел в свое кресло и сказал мягким интеллигентным голосом:

— Владимир Алексеевич, вы даже не представляете, как мы вас ждали. А пока вы двигались по Москве как черепахи...

— Пробки, — обронил я. — Где наши вертолеты? Он развел руками.

— Стаемся не привлекать внимания. Вертолеты задействуем, когда прилетают высокие чины с правительственные полномочиями и всякого рода комиссии.

— И здесь комиссии, — сказал я с тоской. — Ладно. Только вы точно доверяете этому... участнику? Женщине?

Мещерский сказал мягко:

— Женщинам никто не доверяет, но это не женщина, а высококлассный специалист, в чем вы убедились и сами.

Я всем своим видом выразил сильнейшее сомнение в высококлассности такого специалиста, давно не дразнил Ингрид, накопилось, но перевел взгляд на Мещерского и уже серьезно начал подробный рассказ, начиная с момента, как прибыл в Арабские Эмираты.

Запись ведется с трех камер, изображение четкое, можно рассмотреть не только каждую ресницу, но и ее структуру, я говорил монотонно, взвешивая каждое слово и не скрывая даже тех деталей, где и с кем вязался, в разведке нет мелочей, любая деталь может пригодиться.

Умолчал лишь, как удавалось получать некоторые сведения, но пусть думают на Моссад. Большинству выгодно преувеличивать свое могущество, но действительно сильные охотнее приуменьшат, им так проще идти к цели.

Мещерский слушал молча, изредка бросал взгляд на незримый для меня экран монитора, где скачут кривые полиграфа, пытающегося уличить меня во

лжи, еще не понимает тупая техника, что эти криевые выстраивают я, да и вообще контролирую в этой комнате как запись, так и перепись.

Бондаренко крутил головой, хмыкал, наконец сказал, не утерпев:

– Везучий он у нас!..

Мещерский уточнил с несвойственным ему педантизмом:

– Он не у нас. Владимир Алексеевич возглавляет автономную комиссию.

– Чрезвычайную, – сказал Бондаренко с долей ехидства. – Чрезвычайную комиссию. ЧК! С очень широкими полномочиями. ВЧК!.. Только не Всероссийскую, а уже Всемирную.

Я промолчал, Мещерский заметил светски:

– Тогда была задача любой ценой спасти революционную Россию, а сейчас – мировую цивилизацию.

Бондаренко сказал с готовностью:

– Да-да, а в таком экстренном случае никакая цена не является слишком высокой!

Я снова промолчал, шпилька в мой адрес, пока что я один осмеливаюсь высказывать эту крамольно-здравую мысль вслух, а остальные, вот уж в самом деле секретная служба, улыбаются и машут, улыбаются и машут...

– Владимир Алексеевич, – согласился Бондаренко, – подходит для этой цели, еще как подходит! Он даже котенку шею свернет, не поморщится. Скажет себе, что это для выживания человечества и торжества культуры, и свернет.

Ингрид бросила на него сердитый взгляд, готовая меня защищать даже от руководства. На мои

выпады в ее сторону реагирует правильно, чует инстинктом, что у мужчин это и есть проявление нежности, ну типа того, что бьет – значит любит.

Спортивного вида молодой человек принес всем кофе, через час явился с кофе и бутербродами. Я чисто автоматически посмотрел его досье: Коростылев, капитан, специализируется на социологии, в порочащих связях не замечен, чист в быту и на службе, два часа в тренажерном зале, волевой, любит исполнение Краснознаменного ансамбля имени Александрова...

Мещерский сказал наконец с удовлетворением:

– Хорошо, с этим закончили. Если будут вопросы, вернемся к докладу попозже.

– К сообщению, – уточнил Бондаренко. – Владимир Алексеевич сам не прочь побахвалиться, дескать, никому не подчинен.

– К сообщению, – согласился Мещерский. – Владимир Алексеевич, мы благодарны вам, что поделились такими интересными сведениями. Ах-ах, подумать только, атомные заряды...

– А если они не единственные, – вбросил Бондаренко, – что были припрятаны?

– Усилим наблюдение, – ответил Мещерский. Он бросил внимательный взгляд на Ингрид, что сидит как суслик у норки, выпрямившись, готовая в любой момент спрятаться, в присутствии старших рта не открывает и вообще ее как бы нет. – Владимир Алексеевич, на что сейчас обращаете главное, так сказать, внимание?

– На возможность резких перемен в обществе, – ответил я, – которые даже пять лет назад были еще абсолютно невозможны. И не готов к ним не только

народ, кто его принимает во внимание в правовом государстве, но не готовы и мы, секретные службы. А это не просто опасно.

Мещерский уточнил мягко:

– В нашем или... в других странах?

Бондаренко сказал с ехидцей:

– Для Владимира Алексеевича весь мир уже наш.

– Верно, – согласился я. – Ростислав Васильевич частенько бьет точно в цель, даже когда целится в другую сторону. Во всем мире появилась уникальная морковка, которой можно остановить даже революционную молодежь, готовую рушить любые основы!..

– Ну-ну, – сказал Мещерский заинтересованно, – слушаем вас.

– Это обещание, – пояснил я, – в ближайшие годы, где-то за двадцать-сорок лет, отменить старость, а затем и сделать всех бессмертными, красивыми и молодыми!

Бондаренко поморщился, но вдумался, проронил с непривычной для его острого ума тяжеловесностью:

– Сейчас особо пламенные кричат: «Нам жизнь не дорога!» – потому что нет большой разницы: умереть красиво в тридцать лет в бою или же в семьдесят в постели, уже не помня, кто ты и что ты... Все равно жизнь оборвется. А вот лишиться возможности жить вечно или, чтобы не пугать дебилов, неограниченно долго, когда будет время и повеселиться, и столько всего переделать...

Мещерский слушал внимательно, поинтересовался с деловитостью:

– Прогнозируете спад молодежной активности?

– Не просто спад, а резкое падение, – пояснил я. – Революции, и старые и новые, всегда делала молодежь. Даже в руководстве были далеко не взрослые, а мудрые, а на баррикадах и вовсе дрались студенты и равные им по возрасту романтики. Сейчас они впервые обрели шанс на вечную жизнь, которая вовсе не отменяет возможности бузить и делать революции...

– А это не опаснее?

Я покачал головой.

– Нет такого революционера, который в зрелом возрасте не стал бы консерватором и защитником системы. В молодости все свято уверены, что всегда останутся такими, разве что знать будут больше. Никто не предполагает, что их взгляды изменятся... Так вот пусть и не знают. К чему это я все сказал?

При общем молчании Мещерский проговорил прежним голосом чеховского интеллигента, что так не вяжется со смыслом его слов:

– Похоже, намекаете, контроль за обществом можно усиливать, не встречая сопротивления. Я угадал?

Я поклонился.

– Вы прекрасный аналитик, сразу все хватаете на лету. Да, самое время устанавливать видеокамеры и прослушку везде-везде. Ссыльаться можно на то, что террористы всех нас лишают шансов жить вечно и сказочно прекрасно. Одновременно нужно пропагандировать идеи трансгуманистов. Особенно лозунг, что нынешнее поколение обретет бессмертие!.. Кто в это поверит, тот сразу начнет пересматривать жизненные цели. И согласится на установку видеокамер везде, даже в спальне и туалете.

Они переглянулись, далеко не уверенные, люди вообще редко руководствуются умом, у нас все на инстинктах, а у большинства вообще на рефлексах. К тому же сейчас быть закомплексованным как бы показатель высокой духовной организации в нашем таком ах-ах бездуховном мире...

Мещерский прислушался к встроенному в ушную раковину телефону, произнес кратко:

– Да, Антон Васильевич. Вам всегда рады.

Дверь распахнулась. На пороге появилась массивная фигура Кремнева, рожа стала еще краснее, совсем красное солнышко на закате дня, оглядел нас исподлобья.

Мещерский кивнул ему на свободные кресла, Кремнев бросил на меня оценивающий взгляд.

– А он загорел... Отдыхал или в самом деле работал? Не верю...

– Генерал, – сказал я, – вы как раз вовремя. Мой отчет вам неинтересен, а вот день завтрашний... В Пентагоне пришлось поднять один животрепещущий вопрос о глобальной безопасности. Там обещали немедленно заняться, но Штаты давно утратили пыл, который сделал их великой нацией. Теперь это страна осторожных людей, где умным и активным почти не дают голоса... Я говорю о Норвегии.

Мещерский сказал с пониманием:

– Проект «Огненная Капля»?

Я кивнул.

– Да. Мне вовсе не хотелось бы трогать такую чистую и благополучную страну, как Норвегия... разве что обеими руками за ее белую и нежную жопу, генерал, вон, меня сразу понял. Но дело в том, что там давно носятся с идеей достичь глубин Земли.

Одни все еще лоббируют идею этой расплавленной «капли в сто тысяч тонн железа», другие с подземным вездеходом, но вчера решили возобновить работу на сверхглубокой скважине.

Кремнев спросил отрывисто:

– С какой целью?

– Цель благородная, – сказал я, – добыть неисчерпаемую энергию. Я об этом уже говорил у нас, говорил в Штатах. Там обещали надавить, все-таки их союзник, но, как я вижу, Норвегия выказывает свою демократическую натуру, международному жандарму подчиняться не изволит.

– Риск велик?

– И велик, – ответил я, – и неоправдан. Бывает, что риск – благородное дело, но это когда рискуешь порванными штанами или червонцем в кармане, но они при нежелательном повороте событий, что зависит не от них, и себя погубят – не жалко, но нашу Калининградскую область тоже засыплет пеплом. По щиколотку.

– А Норвегию?

– По колено, – ответил я. – А треть вообще зальет раскаленной лавой.

– Это хорошо, – сказал он деловито, – у соседей потеплеет. У нас мандарины будут расти. Но вот пепел... да, это лишнее. Многовато, хотя вообще-то пепел – хорошее удобрение. Сегодня же переговорю с компетентными органами. Нужно надавить по дипломатическим каналам. Рыбу у них откажемся покупать или туристам запретим туда ездить...

Я вздохнул.

– Можете не успеть.

Мещерский развел руками.

— Я просто не вижу другого пути...

Я поинтересовался:

— А как насчет ракетного удара с москитного кораблика? Смотрите, как засиял генерал!.. Когда впервые пульнули по халифату в Сирии, весь мир ахнул!

Мещерский покосился на довольно улыбающегося Кремнева.

— То в Сирии, — напомнил он. — Там была война, и действовали мы с разрешения и по просьбе правительства Сирии. А сейчас...

— Понятно, — сказал я.

Бондаренко вставил:

— Ракетный удар оставляет след. Даже радары засекут, откуда пущено и кто пустил. А это пока неприемлемо.

— Суверенитет, — сказал я с отвращением, — пока еще держится?

— Ломаем, — заверил Мещерский. — С обеих сторон. Хотя трудности понятные...

Бондаренко снова вставил:

— Суверенитеты мелких государств сломить не-трудно, но Штаты и Россия стараются не дать друг другу заметных преимуществ в этом нужном деле. Мы готовы пренебречь суверенитетом штатовских спутников, но не позволяем обижать своих союзников, а Штаты... тоже понятно.

— Потому и торможение, — сказал Бондаренко.

— По-моему, — буркнул я, — вообще стоим, как приклеенные. А почему снимки такие нечеткие?

— Спутник не в состоянии заглядывать в окна, — напомнил Мещерский. — Ладно, Владимир Алексеев-

вич, вам нужно отдохнуть и повидаться с родными. А мы пока обсудим результаты.

Я улыбнулся.

– Вы как будто на год меня отправляли. Хорошо-хорошо, оставляю вас перемыть мне кости!.. Но, помните, пираты активизировались по всему миру!.. Надо им порвать паруса, пока не поздно. Опоздаем – уничтожат мир.

Глава 10

Ингрид вскочила, как дрессированный суслик, я позволил ей распахнуть передо мной дверь, в коридоре остановился. Через несколько секунд она тоже вышла, с облегчением улыбнулась.

– Знал, что побегу следом?..

– Предположил, – ответил я дипломатично, – что выйдешь покурить.

– Я не курю.

– А травку?.. Ладно-ладно, все умные люди пользуются ноотропами. Как тут без меня?

Она крепко взяла меня за локоть, я дал вывести себя из здания на улицу, а там она, включив глушилку, затащила в ближайший сквер, где народ если и показывается, то вдалеке.

– Есть новости, – сообщила она шепотом.

– Спиной чую, – пробормотал я.

– О том, – сказала она, – что создается некая новая структура под крылом ГРУ, стало известно и тем, кому знать не следует.

– Госдеп не дремлет, – заметил я.

– У нас свой госдеп, – ответила она горько. – Утечка, к счастью, не с самого верха.

— Значит...

— Кому-то удалось узнать только, что да, будут заниматься чем-то таким, чем раньше не занимались.

Я пробормотал:

— А тайны у всех разжигают жгучий интерес, что понятно. Особенно у тех, кто получает зарплату за то, что сует нос в чужие секреты.

— В общем, — сообщила она, — Мещерского трясут, в него вцепились чины из Генерального Штаба, ФСБ и крупные чины из правительства. Рано или поздно к нам заявятся какие-то комиссии, и тогда прощай секретность.

— У нас всего лишь аналитический центр, — напомнил я. — Даже не центр, а так, отдел. Отдельчик.

— Да-да, — согласилась она, — но кое-какие слухи просочились... Ты же знаешь: чем больше людей что-то знают, тем сложнее удержать в тайне. В общем, мало того, что хотят больше узнать, все еще и жаждут прикарманить наш отдел, сделать его своим!

— И получать ордена, — согласился я, — за наши операции.

Она посмотрела косо.

— Сейчас скажешь, что в сингулярности такого не будет?

— Откуда знаешь?

— Постоянно твердишь.

— Старею, — сказал я печально. — Доктор наук вне зависимости от возраста все равно уже стар, мудр, умен, красив, бесподобен, прекрасен...

— Точно стареешь, — сказала она без всякой жалости. — Сейчас в свой институт или домой?

Я изумился.

— А разве есть выбор? Что у меня дома?

— Такие же мыши, — напомнила она. — Их там даже больше, чем в институте.

— А в институте еще и люди, — сказал я с укором, хотя вообще-то думал как раз больше о мышах. — Те самые, которые ухаживают за моими мышами!

— Конечно, — поддержала она, — а зачем они еще нужны? Тебя подбросить?

Я пощупал ее бицепсы.

— Не сможешь, я потяжелел. Если предлагаешь подвезти, спасибо, но не нужно. Всех ученых распугаешь.

— Я не в форме, — напомнила она, — но как знаешь. Завтра увидимся?

— В моем отделе, — сказал я.

— Центре, — уточнила она. — У тебя Центр! По предотвращению глобальных катастроф.

— Слюнь, — сказал я. — Хотя вообще-то под такими громкими названиями обычно прячутся всякие липовые фирмочки. Так что ладно, пусть Центр... Хотя вот у Мацанюка в самом деле Центр, прямо центрище... Целый город одних ученых и так называемых научных работников, что вообще-то не то же самое, что ученые, хотя тоже как бы ученые.

Под багровым закатным солнцем небоскребы Центра Мацанюка выглядят как залитые солнцем огненные горы, устремленные в зенит. Пять равновеликих гигантов, еще семь зданий поменьше, между ними разбит роскошнейший и дорогой парк, на который никто из нас, ученых, не обращает вни-

мания, но таково требование Комитета по экологии и благоустройству. Топали бы спасать Лосиный остров и прочую лабуду, а не лезли навязывать уставшие каноны тем, кто творит будущее...

Я остановил автомобиль прямо перед нашим зданием, так делают вообще-то все, игнорируя расположенную неподалеку комфортабельную стоянку с мраморным покрытием.

Хотя мы никакое не ЦРУ или ФСБ, но Мацанюк, зверь битый и опытный, распорядился установить считающие камеры на входе, оснастить новейшим программным управлением, чтоб никто не пронес бомбу, так что никому из нас не приходится предъявлять пропуск, а вот чужого система не пропустит, мало того, еще и убежать не даст.

За два шага до двери она красиво отстрелилась в стену, а яркий зеленый свет сообщил, что мне, такому нарядному, открыт доступ на все этажи.

Возле лифта встретил Гуцулова и Лелекина, шумно обсуждают доклад этого неуча, в чем оба согласны, в неучах на этот раз профессор Вересаев, только Гуцулов уверяет, что это вообще не доклад, а срань собачья, а Лелекин поправляет, что не собачья, а собачачья...

— Хватит собачиться, — сказал я, — тоже мне, светлые умы!

Они повернулись, оба вытаращили глаза.

— Блин, — сказал Гуцулов, — а кому это мы на венок собирали?.. Пойду потребую деньги взад!

— На них Геращенко себе крыс купил, — предложил Лелекин, — он переносит эксперименты на уровень выше. Говорит, крысы больше похожи на

человека. В каждом из нас что-то крысиное, а то и вовсе крысячье...

В кабине лифта Гуцолов пощупал мои бицепсы, вздохнул завидующе, а Лелекин посмотрел с завистью.

— Это опухоли, — предположил он с надеждой. — Точно, опухоли! Метастазят!

— Тогда я отодвинусь, — сказал Гуцолов.

— Некуда, — возразил Лелекин и с тоской оглядел тесную кабинку лифта. — Все, мы пропали... Начинаем собирать деньги на венки себе?

— Тут все жадные, — сообщил Гуцолов, — по себе знаю.

— Добрые вы оба, — сказал я с чувством. — Как я без вас жил?

— Знаю, — согласился Гуцолов. — На венок почти сразу скинулся!.. Хоть половину и зажал, зачем тебе шикарный венок? Тебе же все равно, верно?

— Еще как верно, — согласился я. — Кстати, поздравляю с работой, что представил на конференции в Монтевидео.

Он сказал удивленно-обрадованно:

— Ты знаешь?.. Мы думали, тебя уже черти на том свете вилами в бока...

— Там тоже следят за наукой, — пояснил я. — Это в раю одни неграмотные дураки и нищие, ты даже Библию не читал? А кто ж тебя тогда в науку пустил?

Лифт остановился так резко, что едва не подбросил нас к потолку, двери распахнулись в светлое царство науки, что при сингулярности станет единственным и расширится до размеров Вселенной.

Геращенко я не застал, его пригласили прочесть цикл лекций в Колумбийском университете, но вво-

лю, хотя и недолго, наобщался с коллегами. Удивил всех и польстил тем, что пристально слежу за их работами, уважаю, значит, а потом сослался на то, что нужно срочно покормить мышек у меня дома, и отбыл.

Неужели я один понимаю весь ужас ситуации, мелькнула мысль. Даже самые консервативные эксперты предсказывают появление домашних лабораторий по модификации вирусов уже через пять лет! Дешевых лабораторий, что поместятся на любом кухонном столе. А никто как будто не догадывается, что это смерть всему человеческому роду...

По дороге к дому прозвучал сигнал вызова, на экране появилось встревоженное лицо Катеньки.

— Ты как? — выпалила она. — Мой джипег... или джипиэс показывает, что ты уже близко!.. А то вообще с ума сошел, будто на другом конце планеты!

Я пробормотал:

— Да так, Катенька, научная конференция...

Она вскинула:

— Значит, с тобой все хорошо?.. А то я вся изволновалась!.. Чего-о только не надумала!

— Все хорошо, — повторил я.

— Ты сейчас едешь, судя по огоньку на экране, домой?

— Тебя подхватить? — предложил я.

— Нет, я на другой стороне города... Но смогу через... десять, нет, двенадцать минут после тебя!

— Буду ждать, — пообещал я.

Через двенадцать не получилось, но через пятнадцать, что невероятно точно для женщины, ворота увидели и узнали ее авто издали, приглашающие распахнулись.

Я видел, как она влетела в своей красивой юркой машинке, похожей на раскрашенный снаряд, водит не по-женски умело, выскочила, не закрыв дверцу, и бросилась к дому.

Пришлось выйти на крыльцо, она с разбегу прыгнула и повисла, как ликующая обезьянка, обхватив руками и ногами, прижимаясь всем телом и зацепливавшая мое лицо.

— Как же я по тебе соскучилась!.. Как же тебя не было так невыносимо долго!

— Теперь я здесь, — произнес я ничего не значащие слова, люди редко когда говорят что-то действительно осмысленное, и понес ее тельце в дом. — А как я рад...

— Правда? — прошептала она в ухо. — Как это здорово, когда ты рядом...

В гостиной я усадил ее на диван, укрыл ноги пледом и подложил под спину и бока подушечки. Никогда не пользовуюсь этими странными штуками, но женщины их почему-то обожают.

Она из этого гнездышка следила за мной счастливыми глазами, а я молча жестикулировал, отдавая приказы в ту часть помещения, что называется кухней. Хотя на самом деле распоряжаюсь мысленно, но не стоит это показывать даже Катеньке, сейчас не обратит внимания, слишком занята, а потом вдруг вспомнит...

На кухне все пришло в движение, жарится, парится, разогревается, учитывая вкусы Катеньки, женщине всегда хочется подсунуть самое лакомое и с умильной улыбкой наблюдать, как она лопает, это всегда такое восхитительное зрелище...

— Как вкусно, — сказала она уже через пять ми-

нут и облизнула кончиком розового язычка кончики пальцев. — Если закроют ваш институт, тебе можно идти в шеф-повары лучшего из ресторанов!

— Учту, — сказал я, хотя, конечно, перед глазами тут же на долю секунды мелькнула картинка, как на месте всех этих чванливых поваров работают роботы, что не выпендриваются, не ошибаются и всегда точно делают то, что от них требуется. А потом и они исчезнут. — Промочи горло вот этим соком. Говорят, полезное, только веснушки могут поблекнуть...

Она жадно цапнула стакан.

— Давай! Достали эти веснушки. В школе дразнили конопатой.

— Значит, любили, — сказал я знающе. — В том возрасте любовь проявляется именно так.. И вот это пирожное. В нем почти нет калорий.

Она задержала пирожное у рта, спросила опасливо:

— А как... твоя нейродистрофия?

— Запомнила, — похвалил я. — Слово-то какое трудное, верно?.. Пока ничего нового. Вообще-то вроде бы совсем мало времени прошло, но я о ней почти не вспоминал.

— Что говорят врачи?

— Болезнь в стадии маятника, — сообщил я. — Сейчас улучшение, потом пойдет в другую сторону. Но может и остановиться.

Она вздохнула.

— Ой, скорее бы наука нашла способ.

— Может быть, — сказал я, — успеют. Сейчас медицина развивается такими скачками, будто горный козел с горы мчится... Сами врачи не успевают по-

нять, что на них сыплется. Народ возжелал наконец-то быть здоровым и жить вечно! Потому все деньги идут на развитие новых методов лечения. Все засутились. Как миллиардеры, так и жулики.

– Ой, – сказала она, – и жулики?

– Конечно, – сказал я бодро. – Если нет жуликов, то дело, считай, мертвое! Жулики чуют, что пойдет в рост и даст прибыль!

После ужина я сделал вид, что собираюсь идти проводывать мышек, но она тут же устроилась у меня на коленях.

– Кыш, – сказал я.

– Не кышну, – ответила она дерзко. – У нас свобода личности! И вообще все свободы!

– Тогда брысь.

– И не брысну, – отрезала она. – Ты чего такой злой?.. С женщинами надо быть ласковым.

– А как же равноправие?

Она посмотрела победоносно.

– Устаревший тренд. Специалисты раскопали в архивных данных, что это мужчины в своем бесконечном коварстве придумали суфражизм и феминизм. Как вообще все придумываете, чтобы нас обижать и мучить. Потому начинаем борьбу за неравноправие!

– Это как?

– Отдаем наши завоеванные права в обмен на вашу защиту и заботу. И мы добьемся победы!

Я покрутил головой:

– Не сдадимся. С нами демократические свободы... отвоеванные у женщин! Не дадим ввергнуть Европу во мрак, как говорят наши идеологи ислама.

Она вскрикнула возмущенно:

- Какой мрак, какой мрак?
- А разве работать и за вас не мрак? Не-е-ет, мы уже привыкли, что пашете за себя и за мужа...
- А еще и за детей, — сказала она печально.

Я посмотрел с сочувствием, политика на снижение ненужного населения уже работает почти в полную мощь. Женщины все чаще отказываются от обременяющих их детей... а то и от мужа. Население Европы и США уменьшается со скоростью тающего в мае снега, прирост пока что за счет стран Африки, Азии и немного Южной Америки, но вижу по некоторым тревожащим данным, что разрабатываются средства, как и там в лучшем случае переполовинить, а то и вовсе очистить Землю от существ, ничего кроме трудностей не производящих...

— Добро пожаловать в новый мир, — сказал я. — Страшный, но прекрасный.

Глава 11

Женщины изначально ищут в мужчине защитника, это запрограммировано в природе, потому самец всегда крупнее и сильнее, Катенька — самое то существо, в котором природа показывает себя особенно чисто и наглядно.

Во сне не просто подгребается ко мне, а буквально забирается сверху, то есть распластывает на спине, а она сперва ложится рядышком на боку, опустив голову на мое плечо, согнувшись в колене ногу забрасывает на живот, еще и рукой обхватит туловище, чтобы никуда не делся, а потом, чувствуя

себя в безопасности, когда уже никакой зверь ночью не ухватит ее, когда под такой защитой, спит блаженно, сползает с меня, откатывается, поворачивается в другую сторону...

Но утром, обнаружив, что я все-таки рядом, снова забирается, как ящерица на прогретую солнцем плиту, и сладко досыпает остальное, даже если была уверена, что выспалась совсем-совсем.

В такие редкие мгновения я со щемом понимаю, что от этого счастья в сингулярности придется отказаться. Конечно, придут другие радости, их будет и больше, и будут ярче, но и это вот терять безумно жаль.

Утром после клинча помчались каждый на свою работу, только труд сделал обезьяну человеком, а теперь вот-вот превратит нас в сингуляров.

Мещерский связался со мной еще в дороге, голос таинственный, сказал почти заговорщицки:

– Владимир Алексеевич, сейчас в нашем офисе собирается весь генералитет... По вашим наработкам намерены принять экстренные решения.

– Слава богу, – сказал я с облегчением. – Давно пора.

– Должны успеть, – заверил он. – По каналам спецслужб усиливаем взаимодействие с ЦРУ и другими разведками. Военные наконец-то готовы принять участие десантными группами и даже поддержкой с воздуха.

– Хорошо бы еще и крылатыми ракетами, – сказал я мечтательно. – Наш москитный флот показал себя во всем блеске операциями в Сирии, Ираке и Йемене!

— Все будет, — заверил он бодро. — Как приедете, вас сразу проведут в зал совещаний.

Похоже, мой автомобиль не мчался по загородному шоссе, а летел, я засек, как системы видеонаблюдения трижды занесли меня в графу злостных нарушителей, пришлось аккуратно стереть эти фото, хотя вроде бы и нечестно пользоваться возможностями для себя, но по мелочи вполне этично, совесть у меня гибкая, всегда найду оправдание, что разок можно, я же не за счет других создаю себе блага и преимущества...

Едва припарковал авто, как на крыльце вышел скромно, но с достоинством одетый мужчина, я все понял и пошел за ним. На третьем этаже просторный зал, передо мной почтительно распахнули дверь.

Противоположную стену занимает гигантская карта, все как в старину, только теперь карта не бумажная, а на экране во всю стену, легко масштабируемая, что позволяет заменить сотни карт. Несколько человек стоят перед нею в свободных позах, отдельные участки то укрупняются, то наливаются цветом, возникают и пропадают цветные линии дорог, как автомобильных, как и железнодорожных, еще и маршруты самолетов...

Руководит показом моложавый генерал, подтянутый, молодцеватый, так и представил его в тренажерном зале, но вот два шрама чуть выше виска говорят, что не совсем уж и кабинетный стратег.

На меня почти никто не обратил внимания, а сами генералы, как вижу, хорошо знают друг друга. Из коридора постоянно подходят новые, совещание еще не началось, пока свободный обмен мнениями...

Наконец появился Мещерский, мы с ним обме-

нялись рукопожатием, он сказал негромко и торопливо:

— Сегодня день совещаний, ненавижу такие расписания... Если понадоблюсь, я в двести первой. Там брифинг, главы ФСБ и ГРУ координируют свою работу. В очередной раз.

— Расскажу, — пообещал я, — как тут прошло.

Он кивнул подбадривающие и быстро вышел, а я повернулся к докладчику. Рассказывает хорошо и образно, похоже, не кабинетный, совсем не кабинетный. Мозг, получив разрешение, тут же пошарил всюду и выложил передо мной внушительный список как участия в боевых действиях, так и орденов.

Обсуждают, в основном, те данные, которые представил им мой отдел, ну пусть Центр, предложения в целом разумные, хотя и попахивают прошлым веком, я скромно выдвинулся в первый ряд и сказал негромко:

— Кстати, есть возможность все сделать немного проще и с меньшими затратами...

На меня посмотрели с недоумением, а один из генералов, огромный и красномордый, как большинство из собравшихся здесь, буркнул так тяжело, словно в озеро сдвинулась лавина крупных глыб:

— А вы... тоже приглашены?

Докладчик сказал почтительно:

— Это Владимир Лавронов, руководитель отдела оценки стратегических катастроф.

Генерал сказал тем же громыхающим голосом, будто проехала танковая колонна, хотя это Дубарский, человек от самолетов далекий, он командует всеми Военно-космическими силами России:

— Юноша, ваше дело, как я правильно понимаю,

найти противника, верно? А устраниТЬ его уже де-
ло наше. Кто вам разрешил присутствовать? Ме-
щерский?.. Ему предстоит ответить на неприятные
вопросы...

Я сказал с жаром:

– Но, простите, это более точный путь!.. Нам
нужно...

Он прервал холодно:

– Юноша, вы не входите в понятие «нам». Что
нужно вам – ваше дело. Вы свободны.

Я растерялся, проблеял:

– Но я же предложил лучшее...

Он повысил голос:

– Я вам сказал: «Спасибо, до свиданья!..» Повто-
рить?

Все смотрели кто с сочувствием, кто с пренебре-
жением, а я медленно повернулся, вышел на ватных
ногах и только в коридоре ощутил возмущение, что
перешло в гнев, появились те едкие слова, которые
надо было сказать...

А как же, подсказал ехидный голос, ты как раз
особенно силен в остроумии на лестнице или, как
говорят в простом народе, который задает вектор
развития общества, «задним умом крепок».

Не заезжая в свой отдел, отправился в Центр
биотехнологии, здесь я чувствую себя и на месте,
и все люди братья, все-таки ученые даже разных
стран больше чувствуют друг к другу родственность,
в то время как писатели и прочие люди как бы ис-
кусства поливают друг друга грязью и обвиняют во
всех мыслимых и немыслимых преступлениях.

Уже работая с мышками, получил звонок от

встревоженного Мещерского, в свою очередь поинтересовался, как там у него.

— Все отлично, — заверил он, глядя на меня в упор с большого экрана. — Сейчас, когда рулят видеоконференции, встречи вживую сведены к минимуму. И длится недолго. А что случилось у вас?

— У меня тоже все в порядке, — ответил я сдержанно.

— Но мне доложили...

Я ответил подчеркнуто бесстрастно:

— Так это у них не в порядке.

— Владимир Алексеевич, — сказал он очень серьезно, — я понимаю, у вас в коллективе научных работников высшего звена совсем другая атмосфера... Разумеется, доброжелательности и взаимопонимания. Увы, военные... вряд ли могут быть образцами интеллигентности, однако нам с ними приходится взаимодействовать...

— Простите, — сказал я, — что перебиваю, но вы верно указали ключевое слово. Взаимодействие! А от меня потребовали полного подчинения. Вы же понимаете, это исключено.

Он поморщился.

— Владимир Алексеевич... я буду стараться сгладить эти шероховатости.

Я буркнул:

— Премного обязан.

— Надеюсь, — поинтересовался он, — вы продолжаете руководить своим отделом, как и прежде?

— Не беспокойтесь, — заверил я. — Там, можно сказать, сейчас моя основная работа. Потому что если человечество накроется медным тазом, то все достижения нейрофизиологии накроются тоже.

Кстати, у вас в третьей ручке в стаканчике справа, что с красным колпачком, кончилась паста. Пусть секретарь заменит. Или Бондаренко пошлите, он сейчас в коридоре в двух шагах от вашего кабинета хихикает с девушкой из зала машинных расчетов. Ее Вера зовут, если не ошибаюсь?

Он слегка напрягся, но тут же вымученно улыбнулся.

— Если вы говорите, что Вера, то это точно Вера. И ручку заменю, я всякий раз хватаю ее и пытаюсь расписаться... Бондаренко ко мне!

Через мгновение дверь распахнулась, на пороге появился улыбающийся и очень довольный Бондаренко.

— Аркадий Валентинович?

Мещерский вздохнул и сказал мне:

— Да, Владимир Алексеевич, у вас все под наблюдением, вижу... Спасибо, я продолжу свои усилия...

Он потянулся к кнопке выключения, мелькнула ладонь крупным планом, экран погас.

Через два дня позвонила Ингрид, поинтересовалась, почему не показываюсь. Я напомнил, что сейчас не Древний Рим, лично являться нет смысла, если вопрос можно решить по скайпу или в групповой видеоконференции, что уже привычно для трансгуманистов и примкнувших к нам существам.

— Ах-ах!

— И вообще, — закончил я, — чем ночь темней, тем ярче наши звезды.

— Ваши? А что насчет звезд тех, кто не трансгуманист?

— Погасим, — ответил я. — Нам не нужны ложные маяки.

— А они точно... ложные?

— Все, — отрезал я, — что не ведут к сингулярности, — ложные пути. Ингрид, я сейчас как раз ставлю опыт по регенерации утраченных способностей человека... Давай поставим на тебе?

Она спросила настороженно:

— Что за опыт?

— Можно хвост отрастить, — предложил я, — у наших предков они были длинные и мускулистые, можно пойти в глубь веков еще дальше и снабдить тебя жабрами...

— Да иди ты, — сказала она сердито и оборвала связь.

Мой мозг охотно и без всяких подсказок шарит по всему Иннету и собирает такие важные сведения для общества, как кто сколько голов забил в прошлом году и сколько забыт по всем прогнозам в этом, с кем замечена Аня Межелайтис на курорте и какого удивительного коала родила коалиха в Берлинском зоопарке, а вот если что нужное собрать, то приходится давать мысленный приказ, тогда только мозг торопливо ищет по всем не всегда доступным для широкой публики сетям, телефонным переговорам, просматривает сотни тысяч и даже миллионы снимков с камер видеонаблюдения, чтобы быстренько отчитаться и снова погрузиться в виртуальный мир, где можно играть в онлайновые, заглядывать в чужие спальни, дураку все интересно, вот так и создается искусственный интеллект первого уровня прямо в нас самих...

Я невольно подумал о разуме и тут же решил,

что его вообще не существует. Это тот же животный инстинкт, только на высшей стадии развития. Потому проектировать искусственный разум вообще без инстинкта и опасаться, что он поработит человечество или уничтожит его, — полная хрень.

Но вот попытки перенести человеческий мозг на искусственный носитель, как упорно добивается Ицков, в самом деле опасно. Потому что получится тот же человек с теми возможностями, что недоступны человеку.

Посмотрев еще несколько минут, я набрал номер Мещерского. Несколько секунд шли проверки, наконец экран вспыхнул, а я сказал сразу без прембулы:

— Аркадий Валентинович, в одном неприятном месте идет разговор насчет возможности поставить новейшую атомную мину у штатовских берегов, а потом все свалить на Россию. Не знаю еще, рванут или нет, но решение насчет установки почти принято.

Он охнулся.

— Сволочи!.. Это же может столкнуть наши страны!

— Может, — согласился я. — Ловите координаты, высыплю файл с записью переговоров. Сами решайте, говорить штатовцам или самим что-то делать, а если говорить... то в какой мере. Там у них может быть двойной агент, раз так быстро стало известно про ту найденную мину. До свиданья, Аркадий Валентинович!

Я вырубил связь, хотя и видел, как он начал открывать рот, но догадываюсь, что начнет уговари-

вать вернуться и участвовать во всех их мероприятиях.

Нет уж, как сказал великий вождь пролетариата, мы пойдем другим путем.

По моим расчетам, семьдесят процентов за то, что генералы все-таки что-то да поймут, но, с другой стороны, мало ли что понимаем умом, поступаем часто вообще вопреки, потому что вплоть до порога сингулярности нас будут вести ложные ценности, честолюбие, обида, комплексы, нежелание признать ошибки...

Это нежелание признать ошибки в конце концов победило, я сцепил челюсти, признавая поражение, и лишь продолжал снабжать информацией Мещерского, но сам больше не покидал здания Центра Мацанюка.

Однако еще через несколько дней, когда я работал в лаборатории, с проходной сообщили, что им пришлось пропустить высшего офицера из Генерального штаба, он назвал меня и выразил настоятельное желание увидеться со мной.

Я ответил:

— Раз уж пропустили, ах-ах, генерал, подумать только! В лабораторию не пускать. У нас не казарма.

Коллеги поглядывали на меня с интересом, но, будучи существами деликатными, вопросов не задавали, делали вид, что ничего не случилось, а из Генерального штаба к нам ходят постоянно, мы же в одном городе, хоть и на разных концах, почему к нам не ходить и генералам, вон же разносчики пиццы приходят...

Выдержав этого высшего чина в коридоре больше часа, я наконец выглянул, отыскал его взглядом.

— А-а, это вы делали тогда доклад? Заходите.

Он вошел, уже синий от злости, но держится пока, смиряет гнев, только смотрит почти ненавидящие, вот бы я ему в подчиненные, эх и оторвался бы всласть...

Я указал на кресло:

— Садитесь, генерал. Я слушаю.

Он сказал ровным голосом:

— Там возникли проблемы. А ваш отдел, как говорят, специализируется по проблемам...

— Мы не снимаем кошечек с дерева, — сообщил я. — Мы рассматриваем несколько иные проблемы. Генерал...

Это был намек, что разговор пора заканчивать, я человек занятой, не генерал какой-нибудь, у нас в стране их слишком много, это ученых мало. Он понял, потому сказал быстро:

— Погибли четверо наших специалистов! Но задание выполнить не удалось. Я прибыл сюда по распоряжению Дубарского.

— Дубарский, — сказал я, — Дубарский... это который Дурарский?.. Не припоминаю такого доктора наук... Или он всего лишь кандидат?.. Нет-нет, ниже кандидата никого не принимаю.

Он сказал строго и напыщенно:

— Я говорю о генерале Дубарском!

Я наморщил лоб.

— Это что за... ах да, это мужик в звании командующего Военно-воздушными силами?

— Военно-космическими силами, — поправил он. — Он лично послал меня за вами.

— Ах, — сказал я с иронией, — даже послал?.. Может передать, что я его тоже послал. Хорошо послал! Он поднялся, развел руками.

— Это мой непосредственный начальник...

— Но не мой, — напомнил я. — Я у вас не работаю, не знали?.. Говоря вашим языком, вы не входите в понятие «мы». Что нужно вам — ваше дело. Вы свободны.

Он проговорил с огромной неохотой:

— Но Дубарский... он очень настаивал... Он сказал...

Я повысил голос:

— Я вам сказал: «Спасибо, до свиданья!..» Повторить?

Он тяжело вздохнул, повернулся и вышел, почти волоча ноги.

Глава 12

На другой день, когда я возился с мышками, мигнул огонек вызова, дежурный с внешней охраны посмотрел с экрана с некоторым испугом.

— Товарищ Лавронов, — проговорил он почтительно, — прибыл с охраной сам Дубарский...

— Это кто? — спросил я с неприязнью, выказывая нормальную реакцию, дескать, мир должен знать только ученых, а всяких командующих войсками не стоит даже упоминать в разговоре приличных людей в приличном месте.

— У него в подчинении все Военно-воздушные силы, — выпалил дежурный с таким почтением, что я сразу увидел на нем форму десантника с сержантскими лычками, — а теперь еще и космические!

— Но не наука, — отрезал я. — Здесь он никто. На уровне разносчика пиццы. Так что не прогибайтесь...

— Но...

Я махнул рукой:

— Пропустите. Но не прогибайтесь, сержант, не прогибайтесь!

Изображение исчезло, я ощутил, как мое питеантропье наследие просыпается и вздыбливает шерсть по всему телу. Хорошо хоть когти не выдвигаются, а звериный оскал мы, люди, давно научились маскировать улыбками.

Дубарского препроводили прямо в лабораторию, я нарочито не стал заходить в кабинет, хотя дверь рядом, пусть видит, что это я его изволю принимать на рабочем месте, потому что в самом деле один из тех, кто создает цивилизацию вообще, начиная от первобытно-общинного строя, и так пребудет вовеки, когда о генералах давно забудут, как о трилобитах или хламидомонадах.

Он перешагнул порог, я встретил его холодным взглядом.

— Здравствуйте, — сказал он без дружелюбия. — Должен признать, в прошлый раз мы были очень заняты...

Я отмахнулся:

— Генерал, давайте без предисловий. Я человек в самом деле занятой. И дело мое, что для вас наверняка непонятно, в самом деле важное.

— Да-да, — сказал он. — Если для вас это важно, я прибыл с извинениями.

— Генерал, — ответил я сухо, — мне насрать на ваши извинения. Я и тогда хотел принять участие

в обсуждении вовсе не для того, чтобы покрасоваться перед девочками. А вы лоханулись, отстранив настоящего эксперта! И что теперь?

Его челюсти сжались, под скулами красиво и грозно вздулись желваки, а глаза недобро сверкнули.

— Мы хотим, — произнес он с усилием, — чтобы вы вернулись и приняли участие в работе.

— Всего-то? — спросил яsarкастически. — Генерал, вы не видите, что своим визитом подтвердили мой возросший статус? А хотите, чтобы все так же у вас на побегушках? И вы, когда хотите, привлекаете меня, а когда не изволите, даете пинок под зад?

Он посмотрел мне в глаза.

— Я понимаю вас. Однако у нас есть правила, инструкции, устав... мы не можем допускать посторонних, когда тем возжелается!

— Генерал, — сказал я, — доброго вам пути. Дверь вон там.

— Но...

Я повысил голос:

— Генерал, вы что-то не поняли. Я доктор наук, профессор, а не ваш сержант. Это ваши подчиненные страшатся, что уволите, им тогда только в таксисты или в укладчики асфальта, а у меня есть работа и повышение, и почетнее!

Он буркнул с заметным сомнением в голосе:

— Ладно, не стану спорить.

— И второе, — сказал я, — допустим, вы и здесь сумеете чинить мне какие-то препятствия. Я имею в виду этот центр науки. Хотя здесь это трудно, но допустим, вы нашли какие-то рычаги. И знаете, что я сделаю?

Он смотрел исподлобья.

– Ну?

– Я могу показать вам прямо сейчас, – сказал я ласково, – приглашения от ряда научных центров Америки, Германии, Швейцарии, Франции, Канады... Все предлагают работать у них! Обещают и возможности, которых у меня здесь нет, и высокие оклады, и все-все, что мне только понадобится!

Он посмотрел волком.

– И что же вас держит?

– Вот и я думаю, – ответил я, – что меня держит?.. Наверное, стоит принять приглашение, а при отъезде сообщить, что последней каплей было грубое вмешательство тупоголового генерала, вздумавшего с калашным рывом в ряды ученых, где восхотел порулить тем процессом, в котором ни уха, ни рыла...

Он поморщился.

– Вы же видите, я пришел искать компромисса, а не спорить, у кого прав больше.

Я покачал головой.

– Генерал, я же сказал, идите к черту. Или у вас, военных, сразу посыпают в анус?.. Анус – это жопа, если вы вдруг все еще не поняли. В общем, я вас послал. А дверь, уже повторяю, вон там. Компромиссов не будет!

Он приподнял плечи во вздохе и тут же опустил.

– Жаль. Я надеялся, поймете наши ограничения, что не просто высосаны из пальца. Могу только пообещать, к вам будут относиться с куда большим уважением... и у вас будет доступ везде, куда можно открыть для привлекаемых консультантов.

Я поднялся, он сделал движение к двери, но, что-то уловив, остановился, повернулся в мою сторону.

— Нет-нет, — сказал я. — Понимаю важность правил, но это они должны подстраиваться под быстро меняющийся мир, а не мир под правила. Всего доброго, генерал.

До вечера находился под неприятным впечатлением от визита генерала. Не люблю быть грубым, но с грубыми людьми, увы, приходится, другого языка не понимают, а вежливость расценивают как слабость, однако неприятный осадок остается, словно нечто липкое и тревожащее.

Вечером впервые за несколько суток взял со стоянки авто. Предыдущие ночи предпочитал оставаться в лаборатории, здесь достаточно уютно, ничего особого не требую, но сейчас ввалился на сиденье заждавшейся машины.

Автомобиль пискнул, помигал огоньками, проверяя системы, скотина, не мог раньше сделать, ну и что, если не знал, когда выйду, все равно от безделья в тетрис играет сам с собой...

Мозг сразу же вывалил ворох информации, накопал сразу по двум приоритетным линиям: глобальные риски и работы ведущих специалистов в области нейрофизиологии, кто что замыслил, кто чего достиг, какие опыты и где ставятся.

Когда выехал за кольцо МКАД, мигнул огонек вызова. Я кивнул, вспыхнул экран на лобовом стекле, на меня в упор взглянуло строгое лицо Ингрид.

— О, ты в седле... Домой едешь?.. У меня к тебе разговор.

— Говори, — предложил я.

Она покачала головой:

- Не могу.
- Но адрес не забыла?

Она кивнула и вырубила связь. Дома я распорядился насчет ужина на двоих, успел принять душ, наконец от ворот пришел сигнал, что приближается автомобиль, за рулем Ингрид, доступ у нее первой группы, потому будет пропущена без вопросов, если у меня нет особых распоряжений на этот случай.

– Нет, – ответил я вслух и пояснил, – особых распоряжений нет, пропустить.

Ингрид вошла в дом через десять минут, собранная, четкая, не женщина, а бризантная мина, спросила сдержанно:

- Как здесь?
- Все глушится, – заверил я.
- Хорошо, – сказала она. – Я примчалась, чтобы сообщить кое-что неприятное.

– Ну-ну, обрадуй.

Она бросила по сторонам быстрые взгляды.

– Под тебя сейчас старательно копают. Те чины, с которыми ты ухитрился поссориться в первые же минуты знакомства, велели раздобыть о тебе все, чем можно скомпрометировать.

– Что-то уже нашли?

Она двинула плечами.

– Откуда мне знать?.. Просто я сама, используя все возможности, постаралась узнать про все твои болевые точки, чтобы успеть предупредить...

Я спросил с интересом:

- И что?.. Я слово «митохондрия» написал как

«митохрендия»?.. Проходи на кухню, я не могу отвлекаться от печки. Она у меня полуавтоматическая.

— Это не шуточки, — сказала она сердито. — Я проверила и перепроверила все тщательнейшим образом, но, может быть, потому, что все проделала сама и к помощи аналитического отдела не прибегала, потому и не нашла... но это темное пятно осталось.

— Ну-ну?

На кухне она сказала со злостью:

— Знаю же, что сжульничал!.. Откуда у тебя вдруг такие деньги? У тебя не дом, а дворец!

Я посмотрел с интересом.

— Сядь, успокойся. Дыши глубже, а то вон как глаза сверкают... Хотя это красиво, признаю. И не поверю, что не доискалась источника.

Она сказала зло:

— С огромным трудом, но узнать удалось. Хотя пришлось задействовать такие службы, о которых тебе знать не положено, так как они не существуют.

— Ну-ну?

— Выяснилось, — сказала она с еще большей злостью, — что на твой счет в СДМ-банке поступила сумма в размере семисот двадцати миллионов долларов. Пришлось еще покопаться, но в результате выяснилось, что ты выиграл эти деньги во всеамериканской викторине!

Я сказал с восхищением:

— Длинные руки у ваших спецслужб!.. Извини, отвлекусь, что-то духовка странно пикает... Ух ты, как быстро научилась готовить! Апгрейдится, умница...

Она поморщилась.

— Просто у тебя запросы минимальные... Так вот на счет викторины, в Штатах все прозрачно, хотя многое и засекречено. Имя получателя такой суммы по его желанию держится в секрете, но для проверяющих органов оно открыто. Но я не поверю, что ты вот взял и выиграл!

— Угадала, — согласился я.

Она встрепенулась.

— Сжульничал?

Я покачал головой.

— Воспользовался преимуществом более высокого интеллекта.

— То есть сжульничал?

— Если считать высшее образование жульничеством, — ответил я, — то да, это жульничество. Но закон так не считает. Тебе крылышко или лапку?

— Лучше жопку, — ответила она. — Или, как говорят в народе, гузно. Я в самом деле проголодалась, а гузно самое лакомое.

— Знаю, — ответил я и посмотрел на нее по-мужски.

Она вызов не приняла, ответила резковато:

— Но как ты все это проделал?

Я ответил тусклым голосом:

— А надо ли разрушать сказку? Веру в чудо?.. Вот шел и наткнулся на медный кувшин с джинном!.. Или закинул удочку и поймал золотую рыбку. Или купил лотерейный билет и выиграл семьсот миллионов...

Она придвинула к себе ближе блюдо с половин-

кой откормленного каплуги, нож и вилка как будто сами прыгнули ей в пальцы.

– А как было?

– Во-первых, – сказал я, – выиграл не с первой попытки. Ага, уже сказка тускнеет?

Она потрясла головой.

– Нисколько.

– Верно, – ответил я. – Но с каждым разом я узнавал все больше, щупал спектр вопросов и приближался к джекпоту все ближе и ближе. Только и всего. Более того, скажу тебе честно, что очень скоро это прекратится.

Она задержала вилку с куском парующего мяса возле ярких, полных губ.

– Почему?

Я сдвинул плечами.

– Вспомни историю с шахматами. Когда-то это была суперигра. Потом компьютер обыграл человека, и на этом шахматы кончились. Потом компьютер убил игру в го. С лотереями и викторинами будет то же самое... Сейчас я опередил других, но таких умных становится все больше. Устроители викторин увидят, что с современными технологиями им не тягаться, и прикроют это дело. Вот и все.

Она некоторое время ела молча, быстро и хищно отрезая ровные куски мяса, наконец сказала с набитым ртом:

– Да, чудо поблекло... А зачем тебе такой громадный дворец?

– А спортивный зал? – спросил я. – Ты же видишь, мне надо подкачаться, чтобы вернуть преж-

нюю форму. Кроме того, я их не украл у кого-то. Эти деньги почти все пойдут на развитие науки, а так какой-то дебил построил бы себе самую роскошную в мире яхту... Тебе показать, каким я был?

— Не надо, — ответила она и оглядела меня оценивающе. — Уже видела. Думаю, ты не только вернешься, но кое-что нарастишь и сверху. Мужчины, когда входят в азарт...

— Я не войду, — заверил я. — То время прошло, сейчас я качаю только мозги. Это труднее, но зато какой результат!

— Да, — согласилась она и посмотрела по сторонам. — Результат вижу. Это что за девица там на дисплее?

— Золотоискательница, — ответил я коротко.

Она положила нож и осмотрела изображение в трехмерном, поворачивая так и этак, приближая и удаляя, рассматривая не только модный в этом сезоне вырез ноздрей, но и структуру кожи, количество коллагена на квадратный сантиметр.

— Она само совершенство. Уже запал?

— Шутишь?

— А что, с такой появиться на людях, ахнут.

— Я среди таких людей не появляюсь, — обронил я.

Она снова взяла вилку, наколола кусок мяса побольше, а то я почти очистил свою тарелку, а кто хорошо ест, тот хорошо и работает, как все еще говорят, хотя на самом деле никакой корреляции не наблюдается.

— Ах да, вы же там все белая кость и голубая кровь... Уже почти сингуляры! Уйдете в будущее, а нас оставите?

Я посмотрел на нее внимательно, сильная и стойкая женщина сейчас вдруг показалась обиженной, а это так некорошо, когда обижаешь женщину, даже если она не женщина, а член общества.

– Ни за что, – сказал я.

– Не уйдете?

– Тебя не оставим, – ответил я. – Лично я суну в мешок и унесу.

– А почему, – вдруг спросила она, – ты с генералами так резко? Не любишь военных?

Я ответил с неохотой:

– При чем тут люблю – не люблю? Сейчас не тот случай, когда ученых можно иногда привлекать для консультаций. Если во главе всех подобных операций не будет стоять именно ученый, вся эта возня с предотвращением глобальных катастроф насмарку. А я не хочу участвовать в заранее проигрышном деле... Еще какой-то компромат есть?

Она покачала головой.

– Нет. Но копают. Взялись снова расследовать тот случай, когда пришлось затопить судно с беженцами.

– Террористами, – уточнил я.

– Это не доказано, – отпарировала она. – Ты потопил беженцев, так во всех документах. А это серьезнее, чем кражи семисот миллионов долларов!

Я пробормотал:

– И даже результаты раскопок на месте той лаборатории не убедят?

Она оживилась.

– А кто делал? Американцы?

Я кивнул.

– Свяжись с ними. Проверим, насколько готовы сотрудничать. А то, знаешь ли, наговорить можно многое. У тебя есть контакты?.. Нет? Тогда я сам тебя свяжу в обход всего нашего ГРУ..

Содержание

Часть I

Глава 1.	5
Глава 2.	15
Глава 3.	22
Глава 4.	33
Глава 5.	46
Глава 6.	53
Глава 7.	64
Глава 8.	73
Глава 9.	86
Глава 10.	97
Глава 11.	105
Глава 12.	115
Глава 13.	124
Глава 14.	134
Глава 15.	143
Глава 16.	149

Часть II

Глава 1.	159
Глава 2.	170
Глава 3.	178
Глава 4.	188
Глава 5.	197
Глава 6.	206

Глава 7.....	215
Глава 8.....	222
Глава 9.....	232
Глава 10.....	242
Глава 11.....	251
Глава 12.....	259
Глава 13.....	267
Глава 14.....	279
Глава 15.....	286

Часть III

Глава 1.....	295
Глава 2.....	303
Глава 3.....	317
Глава 4.....	326
Глава 5.....	335
Глава 6.....	344
Глава 7.....	354
Глава 8.....	360
Глава 9.....	370
Глава 10.....	381
Глава 11.....	390
Глава 12.....	401

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

**КОНТРОЛЕР
ФАНТАСТИКА ЮРИЯ НИКИТИНА**

Никитин Юрий Александрович

**КОНТРОЛЕР
Книга пятая
БРИГАНТИНЫ ПОДНИМАЮТ ПАРУСА**

Ответственный редактор Д. Малкин

Редактор Е. Тагирова

Художественный редактор А. Сауков

Технический редактор О. Куликова

Компьютерная верстка Е. Кумшаева

Корректор Е. Холявченко

ООО «Издательство «Э»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86.

Өндіруші: «Э» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел. 8 (495) 411-68-86.

Тауар белгісі: «Э»

Қазақстан Республикасында дистрибутор және енім бойынша арзы-талаптарды қабылдаушының, екілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107.

Әмбенин жарнамалық мерзім шектелмеген.

Сертификация туралы акларет сайтта Өндіруші «Э»

**Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э».**

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаган

**Подписано в печать 07.12.2016. Формат 84x108 1/32.
Гарнитура «Гарамонд». Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84.
Тираж 5000 экз. Заказ № 39419.**

**Отпечатано в соответствии с качеством
предоставленных издательством электронных носителей
в АО «Саратовский полиграфкомбинат».
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 59. www.sarpk.ru**

В электронном виде – www.litres.ru
или www.litres.ru

ЛитРес:
один клик до книг

Оптовая торговля книгами Издательства «Э»:
142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел.: 411-50-74.

**По вопросам приобретения книг Издательства «Э» зарубежными
оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж**
*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department for their orders.*

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел.:**
+7 (495) 411-68-59, доб. 2261.

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса:**
142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс: +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

**Полный ассортимент книг издательства для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел.: (812) 365-46-03/04.**

В Нижнем Новгороде: 603094, г. Нижний Новгород, ул. Карпинского, д. 29,
бизнес-парк «Грин Плаза». Тел.: (831) 216-15-91 (92/93/94).
В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», 344023, г. Ростов-на-Дону,
ул. Страны Советов, 44 А. Тел.: (863) 303-62-10.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литер «Е».
Тел.: (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел.: +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел.: +7 (383) 289-91-42.

В Киеве: ООО «Форс Украина», г. Киев, пр. Московский, 9 БЦ «Форум».
Тел.: +38-044-2909944.

**Полный ассортимент продукции Издательства «Э»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.
Звонок по России бесплатный.**

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД»,
Невский пр-т, д.46. Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14.

ISBN 978-5-699-90263-7

9 785699 902637 >

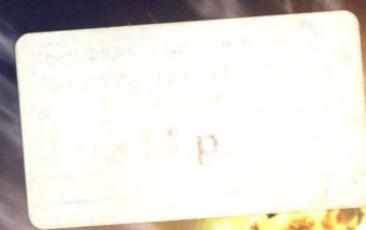

ЮРИЙ НИКИТИН

КОНТРОЛЛЕР

Мир все ближе к катастрофе, однако о ней знают только единицы. Владимир Лавронов старается объединить усилия разведок ведущих стран мира, чтобы предотвратить угрозу, но сам делает ставку только на российское ГРУ МИС, военную разведку Пентагона и Мосад.

А сам начинает свою игру, о которой пока никто не догадывается...

ISBN 978-5-699-90263-7

9 785699 902637 >

